ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1888

10.

Стр.

1. Изъ архива графовъ Панинныхъ: письмо **А. В. Паниной** къ ея супругу (1721), письма **В. Е. Ададурова** къ Н. И. Панину (1747)... 177
2. Письма **Суворова** и **Потемкина** къ А. С. Милорадовичу (1773 и 1786)..... 183
3. Потемкинъ и Безбородко объ отношеніяхъ къ Польшѣ въ началѣ второй Турецкой войны..... 184
4. Духовное завѣщаніе бывшаго нашего посланника при Фридрихѣ II, **князя В. С. Долгорукаго** (1802). 187
5. Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго**. 1824-й годъ. (Командованіе полкомъ.—Разслабленіе Ермолова. — Турецкіе хищники.—Князь Мадатовъ.—Праздникъ освобожденія изъ Хивы)..... 193
6. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. XXI. 1854-й годъ. (Помощникомъ князя Бебутова.—Сраженіе у Курюкъ-дара.—Генералъ Реадъ.—Плѣнницы у Шамиля.—Назначеніе Н. Н. Муравьева.—Отзывы о немъ и его о Кавказской арміи)..... 225
7. Изъ записекъ **сенатора К. Н. Лебедева**. 1855-й годъ. (Война.—Состояніе цензуры.—Юбилей Московскаго Университета.—Тягота отношеній.—Кончина и похороны Николая Павловича.—Москва и Петербургъ.—Крѣпостное право). 249
8. Люди прежняго закала. А. М. Симборскій, Динабургскій комендантъ **Теобальда**..... 271
9. Замѣтка о Ладинскомъ **А. А. Зиссермана**..... 294
10. Мнѣніе императора Николая Павловича о холерѣ. (Сообщено **Л. Ѳ. Змѣевымъ**) 295
11. Стихи **С. А. Соболевскаго** про князя В. Ѳ. Одоевскаго..... 296
12. Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе** (1848-й и начало 1849-го года).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

Въ Москвѣ, въ конторѣ „РУССКАГО АРХИВА“ продаются слѣдующія книги:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленевой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. **два** рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **одинъ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ издателя „Русскаго Архива“.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ.

на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ въ Пушкинской улицѣ, д. 9-й, кв. 45-я, у доктора Л. Ѳ. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Пед. Ин-т им. Герцена
Журнальный
Фонд
57458

ИЗЪ АРХИВА ГРАФОВЪ ПАНИНЫХЪ.

I. Письмо А. В. Паниной къ ея супругу.

Это мать славныхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей, Аграфена Васильевна (1688—1753), пишетъ изъ Москвы, на пятый день послѣ родовъ, къ супругу своему Ивану Васильевичу (1673—1736), главному кригскомиссару, находившемуся въ отлучкѣ по дѣламъ тогдашней многотрудной службы. Она была родомъ Еверлакова, племянница свѣтлѣйшаго князя Меншикова, женщина, какъ видно, крѣпкая здоровьемъ, заботливая хозяйка, попечительная супруга. Сынъ Павелъ, вѣроятно, умеръ въ малолѣтствѣ. П. Б.

Государь мой Иванъ Васильевичъ, здравствуй на многа лѣта.

Доношу тебѣ государю: прошедшаго Октября въ 29 день, милостивыми Своими щедротами, меня Господь Богъ отъ тягости свободилъ, родился сынъ Павелъ, за что благодаря Бога, и тебѣ государю поздравляю и желаю какъ наискорѣе къ милости твоей ѣхать и нынѣшняго дня послала въ Гостешево для ради лошадей и саней для отправленія человѣка. Хотя мало приду въ крѣпость здоровья своего, не смотря ни на что, ни на распутицу, ни на убытокъ, поѣду къ тебѣ государю. А какъ прибуду въ Калугу, и я изъ Калуги пошлю къ тебѣ государю напередъ человѣка; а нынѣ не могу, государь, назначить, съ котораго числа съ Москвы поѣду, что еще въ себѣ крѣпости не слышу.

Степана Андреевича Колычева въ Москвѣ нѣтъ, въ деревнѣ своей, и письмо его у меня. Княгиня Дарья Васильевна и съ княжною въ добромъ здоровьи, а князь Иванъ Андреевичъ писалъ, что будетъ въ Москву по первому пути. И дѣти наши всѣ въ добромъ же здоровьи. При семъ тебѣ государю жена твоя Аграфена и съ дѣтьми кланяюсь.

Писала я къ тебѣ, государь, на почтѣ чрезъ мундирную канцелярію въ пакетѣ Матѳѣя Алексѣевича Головина, и тѣ письма дошли-ль до тебя, государя? А тѣ письма писаны Октября 15 числа.

Изъ Москвы.
2 дня Ноября 1721 году.
Ш. 12.

II. Письма В. Е. Ададурова къ Н. И. Панину.

Василій Евдокимовичъ Ададуровъ (1709 — 1780), достопримѣчательное лицо прошлаго столѣтія. Онъ преподавалъ математику въ гимназіи при Академіи Наукъ и издалъ нѣсколько учебниковъ. Въ 1758 году, когда палъ канцлеръ графъ Бестужевъ, Ададуровъ былъ сосланъ, кажется, въ Казань. Екатерина въ Запискахъ своихъ говоритъ про него (стр. 312): „Онъ нѣкогда училъ меня Русскому языку и сохранялъ ко мнѣ большую привязанность. Графъ Бестужевъ приблизилъ его къ себѣ по моему указанію; но сначала онъ не любилъ его, потому что Ададуровъ былъ приверженцемъ его врага, генералъ-прокурора князя Юрья Никитича Трубецкаго". По воцареніи своемъ Екатерина назначила Ададурова кураторомъ Московскаго университета и сенаторомъ. Онъ умеръ въ чинѣ д-го тайнаго совѣтника. Имъ сочинена книжка, вышедшая въ Спб. въ 1768 году: „Правила Россійской орѳографіи".

Пріятель Ададурова, Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783), посланный въ Данію, откуда перевели его вскорѣ въ Швецію, получалъ отъ него слѣдующія письма изъ Петербурга.

1.

Милостивой государь мой Микита Ивановичъ.

Хотя мнѣ всегда чувствительно было размышленіе о вашемъ отъ насъ отлученіи, однако, предпочитая благополучіе ваше своей пользѣ, казалось мнѣ, будто я несравненно больше о томъ радовался, нежели тужилъ. Но теперь не могу самъ съ собою согласиться. Радуясь отъ всего сердца о случаѣ, которымъ учинена вамъ по вашимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ такъ знатная отличность, только же и о томъ несказанно жалѣю, что я принужденъ васъ лишиться на толь долгое время. Вы, милостивой государь, можете меня теперь, ежели изволите, по разсужденію, которое мы нѣкогда о сей матеріи имѣли, назвать такимъ, который будто себя только и свою пользу любитъ; но такое хотѣніе своей пользы недостойно никакого порицанія, когда оно основано на признаніи почтенія достойныхъ качествъ другаго и на должной своей благодарности. Отъ сихъ свойствъ происходятъ, я чаю, и тѣ внутреннія ощущенія, которыя мы въ себѣ чувствуемъ при разлученіи съ тѣми, къ кому непритворное почтеніе и сердечную склонность имѣемъ. Рѣдко можемъ мы при нихъ такъ быть великодушны, чтобъ не преодолѣли они наисправедливѣйшихъ нашихъ разсужденій. Это я вамъ, государь мой, описываю состояніе, въ которомъ я себя видѣлъ тогда, какъ въ послѣднее имѣлъ счастіе васъ обнять и проводить до вашей коляски. Сокрушеніе моего сердца было такъ

велико, что не могъ я уже ни одного слова промолвить. И такъ приношу я теперь тѣ искреннія желанія, которыя въ то время въ моемъ сердцѣ закрыты остались, чтобъ по благополучномъ окончаніи вашего пути могли мы здѣсь пріятныя отъ васъ получать извѣстія и чтобъ я въ неоцѣненной вашей милости непремѣнно былъ содержанъ. Матушка ваша въ прошедшій Четвертокъ изволила мнѣ пожаловать ваше письмо изъ Риги, за которое чрезъ сіе нижайше благодарствую. Я желаю, чтобъ я вѣчно въ вашей милости такъ былъ содержанъ и чтобъ я чѣмъ нибудь могъ засвидѣтельствовать, что къ почтенію, усердію и искренности ничего прибавить не можно, съ которыми я до конца жизни пребуду, милостивой государь мой, вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ С.-Петербургъ, 11 Августа.
1747.

P. S. Сего мѣсяца 7 числа скончался параличемъ Степанъ Лукичъ Игнатьевъ, генералъ-поручикъ, кавалеръ и комендантъ Санктпетербургской *). Кавалерское платье Св. Александра слышно, что будетъ бѣлое съ золотомъ. Всепокорно прошу прислать мнѣ Rabner's Leben des Kaiser's Peter des Grossen; да въ Дрезденѣ купить для меня пряжки къ башмакамъ и къ шлифамъ хорошенькія и крѣпкія и чтобъ у башмашныхъ были камни покрупнѣе; я чаю, такіе лучше будутъ играть.

2.

Милостивой государь мой Микита Ивановичъ.

Я съ превеликою радостію къ вамъ сіе письмо начинаю, котораго все содержаніе и заключеніе должно соотвѣтствовать его началу. Всемилостивѣйшая Государыня пожаловала васъ сего дня камергерскимъ ключемъ при своемъ дворѣ. Я желаю, чтобъ можно было найти равносильныя изображенія тому чувству, которое во мнѣ произвело сіе благополучное и ваши достоинствы подтверждающее приключеніе. Сколько тѣмъ порадована вся ваша фамилія, а особливо по отсутствію вашему ваша государыня матушка, того мнѣ вамъ не для чего описывать. Вы сами, зная всѣхъ ихъ къ себѣ горячести, можете себѣ то представить и еще яснѣе нежели я слабымъ своимъ описаніемъ. Всѣ ваши пріятели, съ которыми вы часто вмѣстѣ бывали, будучи сегодня въ здѣшнемъ домѣ, приказали вамъ кланяться; поздравлять васъ станутъ

*) Это былъ родной дѣдъ Анны Ивановны Лобковой (урожд. Игнатьевой), матери С. А. Соболевскаго. П. Б.

безъ сумнѣнія всѣ особливо. Великодушіе ея императорскаго величества и попеченіе о благополучіи и удовольствіи подданныхъ при нынѣшнемъ высокоторжественномъ дни [2]), къ радости многихъ особъ, весьма знатно себя оказало. Изъ тѣхъ, которыхъ повышеніе васъ (какъ я совершенно увѣренъ) особливо и наипаче интересуетъ, есть его сіятельство графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ [3]), который отъ ея величества пожалованъ камергерскимъ достоинствомъ. Тожъ получилъ и Алексѣй Андреевичъ Рудинъ-Хитровъ. Кавалеріями Святаго Александра пожалованы Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ, Захарей Даниловичъ Мишуковъ и Вильбуа старшій. Князь М. А. Бѣлосельской возвышенъ въ генералъ-кригсъ-комисары, Воинъ Я. Корсаковъ въ контръ-адмиралы, и при томъ премногіе другіе какъ во флотѣ, такъ и кромѣ того высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы. И такъ сей всерадостный день и многимъ партикулярнымъ фамиліямъ особливое подалъ удовольствіе. Я желаю, чтобъ въ вашей фамиліи оное часто могло случаться, въ чемъ я всегда великое участіе принимаю, будучи съ совершенною искренностію и усердіемъ, такъ какъ я есмь до конца жизни, милостивой государь мой, вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ Спб. 5 Сентября
1747.

3.

Милостивой государь мой Никита Ивановичъ.

Поздравляя отъ истиннаго сердца васъ, милостиваго государя, днемъ рожденія вашего, желаю, чтобъ онъ къ общему удовольствію всей вашей фамиліи и вѣрныхъ слугъ и пріятелей дому вашего многократно съ умножающимся благополучіемъ вашимъ возвращался. Вашей государынѣ матушкѣ большей въ свѣтѣ нѣтъ радости, какъ что касается до вашей персоны; да нѣтъ же и печали такой другой, которая отъ какихъ-нибудь непріятныхъ извѣстій о вашемъ здравіи происходитъ. Чего ради вы много сохраните ея здоровья, ежели о припадкахъ, которые отъ безпокойства въ дорогѣ или отъ перемѣны въ водѣ, воздухѣ и проч. вамъ могутъ случиться, ея превосходительство будете увѣдомлять. Мнѣ и некогда и не можно всего того описать, сколько опечалила ея превосходительство ваша Берлинская болѣзнь. Слава Богу, что поспѣшило ваше другое письмо о вашемъ выздоровленіи, и теперь ея превосходительство стала опять совершенно спокойна. Сіе мнѣ показалось нужно донести вашему превосходительству, вѣдая,

[2]) Это былъ день имянинъ императрицы Елисаветы Петровны. П. Б.

[3]) Сынъ канцлера. П. Б.

сколько вы меня изволите жаловать и сколь совершенно я есмь, м. г. мой, вашего превосходительства всепокорной и нижайшій слуга

В. Ададуровъ.

Въ Спб. 15 Сентября.
1747.

4.

Милостивой государь мой Никита Ивановичъ.

Ежели бъ мои письма до васъ дошли, то бы я не посмѣлъ теперь ваше превосходительство и утруждать, чтобы не подать причины читать такъ часто письма, для того только, что они письма. Однако, разсуждая по получаемымъ здѣсь отъ васъ, кажется, будто и нынѣшнее мое письмо будетъ только еще первое (ежели оно дойдетъ), хотя послѣ вашего отъѣзду рѣдкая почта проходила, на которой бы я не писалъ. Высокопочитаніе, которое я къ вамъ имѣю и ваша ко мнѣ милость, сдѣлали меня такимъ охотникомъ до писемъ; однако невѣдомо, какіе случаи ихъ до васъ не допускаютъ.

Послѣднее ваше письмо изъ Дрездена отъ 15 Сент. читалъ я у вашей государыни матушки съ превеликою радостію какъ для участія, которое я принимаю въ вашемъ удовольствіи, такъ и для спокойства и порадованія, которое оно принесло вашей матушкѣ. Ея превосходительство, по своей къ вамъ несказанной горячести, не пропускаетъ ни одной почты и ни одного случая, гдѣ бы не изволила навѣдываться о вашихъ письмахъ и о вашемъ здоровьѣ. Ежели когда хотя одна недѣля проходитъ безъ вашихъ писемъ, то уже крайне ее безпокоитъ. Нѣтъ такого печальнаго представленія, которое бы объ васъ тогда не придумано было. Тяжкія болѣзни, слабость, сходство во нравахъ, въ склонностяхъ и въ расположеніи съ покойнымъ вашимъ родителемъ, и кто знаетъ что еще, все то подаетъ матерію къ печали и къ сокрушенію внутреннему. Не бываетъ уже тутъ мѣста ни своимъ, ни чужимъ разсужденіямъ. Словомъ, не можно того никакъ описать, что въ такомъ случаѣ дѣлается, когда чрезъ нѣсколько почтъ сряду писемъ отъ васъ не бываетъ. Надобно тутъ быть самому и видѣть, чтобы понять, какъ тягостно ея превосходительству такое вашихъ писемъ лишеніе; кромѣ же того отлученіе ваше изволитъ она сносить истинно весьма великодушно и когда ваши письма съ дороги чаще къ намъ приходили,то всегда очень весела и такъ спокойна бывала, какъ при васъ самихъ. Я, милостивой государь, почитаю себѣ за должность донести вамъ, какъ нужны здѣсь ваши письма, а при томъ представить, что ихъ и съ осторожностію писать надобно для вашей матушки, то есть, чтобъ объявленіемъ какихъ отъ болѣзней вашихъ случающихся вашихъ припадковъ, которые могутъ легко и миноваться, не

приводить въ печаль вашей матушки, которая ей, по ея лѣтамъ, не можетъ не быть тягостна. Наконецъ, рекомендуя себя въ неотмѣнную вашего превосходительства милость, пребываю до конца жизни съ неизрѣченнымъ высокопочитаніемъ, м. г. мой, вашего превосходительства покорнѣйшій и нижайшій слуга *Василій Ададуровъ*.

Въ Спб. 3 Октября 1747 (ст. ст.)

1-го Окт. спустили корабль въ 99 пушекъ, имя Захарія и Елисаветы; да 4 заложили. Вчера играли при дворѣ Маріамну. Розимонъ былъ Varus; новый acteur *Додвиль* былъ *Hérode*. Сей Додвиль въ тысячу кратъ дѣлаетъ свою роль лучше нежели какъ Розимонъ дѣлывалъ при васъ противъ самыхъ посредственныхъ актеровъ. Описать того нельзя, надобно видѣть.

5.

Матушка ваша, также братецъ, сестрица княгиня Александра Ивановна съ князь Александромъ Борисовичемъ и съ дѣтками всѣ въ добромъ здоровьѣ, и у нихъ къ совершенству ихъ удовольствія не достаетъ одного вашего присутствія. Милостію всей вашей фамиліи, а особливо вашей государыни матушки, по милости ко мнѣ вашей, взысканъ я больше нежели могу то описать или выговорить. Впрочемъ ея превосходительство изволила мнѣ приказать навѣдаться собою, подано ль отъ васъ въ Коллегію доношеніе о требованіи священника и прочаго, что̀ къ тому принадлежитъ. Я то исполнилъ, только доношенія вашего въ Коллегіи не нашлось. Вы, милостивой государь, можете матушкѣ вашей учинить на то потребное изъясненіе. Ея превосходительство намѣрена была о удовольствованіи васъ тѣмъ просить. Ваше благополучіе почитаю себѣ на особливую пользу, то счастливъ бы я былъ весьма, ежели бы когда-нибудь могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ тамошняго вашего удовольствія.

Повѣренныя коммиссіи въ пересылкѣ книгъ, сколько моя болѣзнь допуститъ, буду стараться исполнять съ возможною исправностію. Григорія Николаевича Теплова искалъ я нарочно въ Академіи и говорилъ, не имѣетъ ли онъ чего къ вамъ послать изъ новостей академическихъ, на что получилъ въ отвѣтъ, что кромѣ конфирмованнаго академическаго штату и регламенту нынѣ ничего новаго нѣтъ, которые онъ приказалъ своему подъячему переписать и потомъ запечатавъ прислать ко мнѣ, и я того жъ часа отвезу ихъ вашей матушкѣ; а Григорью Николаевичу для скорѣйшаго отъ него полученія сказалъ, будто я намѣренъ то послать съ отъѣзжающимъ отсюда вашимъ служителемъ.

ДВА ПИСЬМА А. В. СУВОРОВА КЪ АНДРЕЮ СТЕПАНОВИЧУ МИЛОРАДОВИЧУ.

1.

9-го Августа 1773 году. Пузово.

Милостивый государь мой Андрей Степановичъ. Приношу за письмо вашего превосходительства мою покорную благодарность. Изъ письма къ Василью Володимировичу [1]) видѣть изволите, что мнѣ набарзѣ [2]) надобенъ понтонный мостикъ. Прошу вашего превосходительства скорѣе тому споспѣшествовать. На бродѣхъ люди тонутъ. Я же отъ г. Север. далеко и прямо съ нимъ дѣла имѣть ни могу, ни желаю. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

2.

Милостивый государь Андрей Степановичъ.

При отъѣздѣ моемъ цалую васъ. Не забудь меня. Благодарствую, ваше превосходительство, за вашу благосклонную дружбу. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

(Сообщено графомъ Г. А. Милорадовичемъ).

ПИСЬМО КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА КЪ АНДРЕЮ СТЕПАНОВИЧУ МИЛОРАДОВИЧУ.

Желая имѣть оставшуюся послѣ покойнаго архимандрита Паисія библіотеку, которая, какъ я слышу, за состоящіе на немъ долги, удержана въ монастырѣ, покорно васъ прошу употребить ваше стараніе къ доставленію мнѣ оной посредствомъ ли покупки, или чрезъ заплату помянутыхъ долговъ. Вы тѣмъ одолжите пребывающаго съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостивый государь мой, покорнаго слугу князя Потемкина.

Сентября 7-го дня
1786 года.
Его прев. Милорадовичу.

Покупка эта вѣроятно не состоялась, потому что въ ризницѣ архіерейскаго дома въ Черниговской Ильинской обители, а равно и въ Черниговской семинарской библіотекѣ, есть много хорошихъ книгъ съ надписью: „Изъ книгъ архимандрита Паисія“. Мнѣ случалось въ Черниговѣ покупать у Евреевъ-букинистовъ книги, принадлежавшія архимандриту Паисію.

Графъ Милорадовичъ.

---

[1]) Долгорукому. П. Б.
[2]) Т.-е. спѣшно. П. Б.

ПОТЕМКИНЪ И БЕЗБОРОДКО ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ПОЛЬШѢ ВЪ НАЧАЛѢ ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ *).

1787.

Проектъ изъ Варшавы заключаетъ въ себѣ слѣдующія неудобства.

1-е. Никогда не было помышляемо платить Польшѣ субсидіи въ мирное время, да еще и такъ великія. Шесть сотъ тысячъ червонныхъ удобнѣе могли бы обратиться на прибавку собственнаго своего войска въ случаѣ надобности. На время военное должно конечно опредѣлить Польскому войску денежное пособіе по числу, которое въ помощь здѣшняго употреблено будетъ.

Я думаю, что на военное время выгоднѣе употреблять чужія войска, ибо тутъ потеря людей неубыточна; деньги же дать на число войскъ, употребленныхъ на службу.

2-е. Число войскъ помочныхъ недовольно ли бы казалося ограничить пятнадцатью тысячъ, каковое положено по трактатамъ нашимъ съ императоромъ и королемъ Прускимъ; но какъ лучшія войска Польскія состоятъ въ кавалеріи, то нужно, чтобы ваша свѣтлость назначили примѣрно, коликое число пѣхоты и конницы, такожъ артилеріи, въ томъ числѣ состоять должно.

Я бы считалъ имѣть только одну конницу; пѣхота жъ ихъ можетъ употребиться на охраненіе собственныхъ ихъ границъ; конницы же довольно 12-ти тысячъ: ибо сверхъ сихъ графъ Браницкій проситъ ему позволить навербовать корпусъ четырехъ-тысячный, который конечно хорошъ будетъ.

3-е. Нельзя, кажется, не снабдить Польскаго войска оружіемъ; но я разумѣю тотъ корпусъ, который назначается въ помощь безденежно, а для прочихъ развѣ за деньги по коронной цѣнѣ.

Снабженіе оружіемъ и аммуниціею нужно, и сіе не такъ дорого станетъ.

4-е. О лошадяхъ, чтобы ихъ покупать въ Россіи, вашей свѣтлости обстоятельства и прямая нужда въ томъ для нашихъ войскъ болѣе

---

*) Съ подлинной рукописи, сообщенной Иваномъ Петровичемъ Хрущовымъ. Замѣчанія Потемкина напечатаны мельче. П. Б.

всѣхъ извѣстны, а потому и относится сей артикулъ къ рѣшенію вашему.

Лошадей позволить купить, но для службы, а не ради перепродажи другимъ; за чѣмъ смотрѣть должно.

5-е. Артикулъ 10-й проекта вмѣщаетъ въ себѣ обѣщанія неясныя, изъ коихъ иныя, можетъ быть, не будутъ согласовать съ правилами нашими, чтобы не давать оппозиціи большей поверхности надъ королемъ, но не давать и королю способовъ уничижать вовсе оппозицію. Сей пунктъ надлежитъ учредить по политическимъ соображеніямъ; тутъ же кстати присоединить и тѣ ласки, кои ваша свѣтлость считали самыми удобными, чтобъ Поляковъ привязать къ Россіи и кои конечно замѣнятъ многое не такъ для насъ выгодное, что̀ они у насъ требуютъ.

6-е. Сепаратный артикулъ первый, гдѣ они требуютъ Молдавію по Серетъ и Бессарабію, отнюдь принятъ быть не можетъ. Вышло бы, что, и при всѣхъ успѣхахъ войны, какихъ только желать можно, Поляки получили бы выгоду болѣе самой Россіи, которая тутъ главную должна играть роль. Распоряженіе подобное разстроило бы совсѣмъ планъ отчасти уже нами съ императоромъ положенный. Сей государь доведенъ до того, что соглашается довольствоваться изъ Молдавіи Хотиномъ и изъ Валахіи Банатомъ Краіовскимъ, не прекословя въ случаѣ удачи изъ Молдавіи, Валахія и Бессарабіи основать область независимую подъ владѣтелемъ *вѣры тамъ господствующей*. Когда Бессарабія вся, а Молдавія по Серетъ, войдетъ во владѣніе Польское, то что̀ уже останется опредѣлить объ остальной части Даціи между Серета и Ольты? Выйдетъ изъ того, что сія послѣдняя достанется Австрійской монархіи, которой и безъ того предлежитъ обширная перспектива пріобрѣтеній въ Сербіи и Босніи. Посему кажется нужнымъ стараться выложить изъ головы у Поляковъ идею сего пріобрѣтенія, а можно имъ обѣщать выгоды по торгу, нашимъ и Австрійскимъ равныя; королю же сверхъ того денежное удовлетвореніе, и особливо ежели намъ удастся для себя оное выговорить.

Это все походитъ на журавля, который еще на воздухѣ. Но и для того обѣщать имъ напередъ нельзя, что они прежде время разславятъ по всему свѣту.

7-е. Требованіе королевское о командѣ, и наипаче чтобъ оную распространить еще и на нашу армію, при коей Польскій корпусъ дѣйствовать станетъ, легко отклонить тѣмъ, когда въ союзномъ трактатѣ постановимъ, что войска *востребованной стороны* долженствуютъ быть подъ начальствомъ генерала *стороны требующей*, какъ то въ обычаѣ писать во всѣхъ оборонительныхъ договорахъ. Разумѣется, что

когда ихъ войска будутъ дѣйствовать намъ въ помощь, имѣютъ состоять подъ начальствомъ своего генерала, но подъ главнымъ руководствомъ нашего предводителя арміи, и взаимно наши въ пособіе имъ въ случаѣ нужды отряжаемыя. Сіе послѣднее никогда почти настоять не можетъ: ибо, ежели ихъ кто атакуетъ, нашъ интересъ тогда востребуетъ не помочнаго корпуса, но дѣйствія большими силами; а тогда малое великому уступитъ несомнѣнно.

Тутъ справедливость требуетъ не отдалять людей способныхъ и ревностныхъ и при томъ по чину имѣющихъ право. Весь свѣтъ отдастъ справедливость гетману Браницкому, что онъ у нихъ способнѣе всѣхъ.

8-е. Какимъ образомъ учредить артикулы о равенствѣ чиновъ обоихъ государствъ въ томъ, чтобъ дворянство обостороннее было яко единое, и прочее что ваша свѣтлость нужнымъ и полезнымъ находили, я сдѣлаю проекты всему тому и соединю въ общую массу всего трактата.

Сообразуя классы по нашимъ, сіе требуетъ размышленія. Я же не имѣю свѣдѣнія о ихъ чинахъ государственныхъ и какъ степени у нихъ идутъ.

9-е. Ежели быть сейму чрезвычайному, то надобна крайняя осторожность, чтобъ конфедерація наша не возжгла другой по видамъ Прускимъ и чтобы мы не очутилися въ новыхъ хлопотахъ.

Пруской дворъ и Аглинской надлежитъ менажировать.

10-е. По всему есть замашка королевская схватить прибавку власти, но есть способъ сіе отклонить тѣмъ, что всѣ постановленія о Польскомъ правленіи сдѣланы подъ ручательствомъ нашимъ, Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ; а потому значущія перемѣны и не могутъ быть вмѣстны.

Я и теперь, какъ и всегда, говорилъ, чтобы королю дать всѣ выгоды пріятной жизни, но отнюдь не власть. Уже и теперь его далеко пустили, напрасно допустивъ въ пріятство роднаго брата.

Лучшій способъ прибавленія войскъ Польскихъ умноженіемъ товарищей съ ихъ почтовыми для военнаго времени. Но поручить сіе людямъ достаточнымъ, на ихъ отвѣтъ; а то, если дать деньги королю, то ни товарищей, ни денегъ не будетъ. Потерпите малое время: я не болѣе какъ чрезъ 4 дня пришлю подробно о формированіи ихъ войска.

Октября 23 дня 1787 отправлено въ Санктпетербургъ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ КНЯЗЯ В. С. ДОЛГОРУКАГО (1717 † 1803)

1802 года.

Князь В. С. Долгорукій, воспитанникъ аббата Жюбе, учившійся во Франціи, обращенный въ католичество и позднѣе перешедшій обратно въ православіе, имѣвшій при Елисаветѣ чинъ „инженеръ-маіора“, былъ холостъ и завѣщалъ свое имѣніе родному племяннику князю Сергѣю Николаевичу Долгорукому, впослѣдствіи посланнику въ Гагѣ и Неаполѣ, внука котораго Александра Александра Львовна (ур. княжна Долгорукая) любезно сообщила въ „Русскій Архивъ“ это завѣщаніе, въ черновомъ своеручномъ подлинникѣ. Оно характерно, какъ увидятъ читатели.

Екатерина, вскорѣ по воцареніи своемъ, назначила князя В. С. Долгорукова посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ 24 года сряду находился при Фридрихѣ II-мъ, у котораго и могъ наглядѣться всяческихъ пакостей. Но первоначальное, унаслѣдованное отъ предковъ начало взяло, наконецъ, верхъ. Д. Н. Бантышъ-Каменскій, въ Словарѣ своемъ, разсказываетъ про князя В. С. Долгорукаго слѣдующее, со словъ извѣстнаго И. М. Муравьева-Апостола:

«Находясь внѣ Россіи, онъ утѣшалъ себя умною, занимательною бесѣдою Фридриха и перепискою съ роднымъ братомъ .своимъ, княземъ Петромъ Сергѣевичемъ. Тѣснѣйшая дружба соединяла ихъ даже въ самой разлукѣ, не смотря на разнообразныя мысли относительно религіи. Тщетно послѣдній старался склонить любимаго имъ брата на свою сторону; увѣрялъ его, что онъ находится въ заблужденіи, что безъ истинной вѣры нѣтъ блага на землѣ, нельзя быть добродѣтельнымъ, что она утѣшаетъ насъ въ бѣдствіяхъ, удерживаетъ порывы страстей, напоминаетъ намъ нашу ничтожность въ дни счастія кратковременнаго, сопутствуетъ въ лучшую жизнь, гдѣ каждому воздастся по дѣламъ его, и у самыхъ дверей гроба торжествуетъ надъ ужасами смерти. Князь Владимиръ Сергѣевичъ шутилъ надъ убѣжденіями брата, читалъ ему любимыя мѣста изъ Вольтера, Дидерота, Даламберта, самаго Фридриха, котораго боготворилъ и, внѣ отечества, продолжалъ наполнять письма свои ссылками на новѣйшихъ философовъ, причинившихъ неизгладимое зло современникамъ и потомству. Можно представить себѣ разговоръ двухъ вольнодумцевъ! Однажды князь Долгорукій, возвратясь поздно отъ короля и чувствуя сильную усталость, раздѣлся наскоро, бросился въ кровать и немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то отдергиваетъ его занавѣсъ, прибли-

жается къ нему, и хладная, оледенѣвшая рука прикасается къ рукѣ его, жметъ ее. Онъ смотритъ и видитъ брата своего, слышитъ слова, имъ произнесенныя: *вѣрь!* Обрадованный, восхищенный неожиданнымъ явленіемъ, Долгорукій пробуждается, хочетъ броситься въ объятія друга единокровнаго, готовится прижать его къ сердцу, исполненному любви— какъ вдругъ мечта исчезаетъ. Онъ отворяетъ дверь въ другую комнату, пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей, спрашиваетъ у каждаго: Гдѣ братъ мой? Куда онъ дѣвался? Наконецъ удостовѣряется, что видѣнное имъ ничто иное, какъ сонъ, игра воображенія; но слово: *вѣрь* продолжаетъ раздаваться въ ушахъ его, не даетъ ему покоя. На другой день Фридрихъ узнаётъ причину печали министра Россійскаго, смѣется надъ нимъ, старается утѣшить и успѣваетъ. Однакожъ Долгорукій записалъ въ памятной книжкѣ случившееся происшествіе, означилъ число, часъ, минуту.... И каково было изумленіе его, когда первыя вѣсти изъ Россіи сообщили ему кончину брата, послѣдовавшую въ тотъ самый день и часъ, въ ту самую минуту, какъ онъ его видѣлъ и слышалъ! По видимому, Провидѣніе желало и въ будущей жизни не разлучать двухъ братьевъ, дружбою соединенныхъ. Истинная вѣра водворилась съ того времени въ сердцѣ отступника; живѣйшее раскаяніе заступило мѣсто пагубнаго изступленія. «Молодые люди, говорилъ князь Владимиръ Сергѣевичъ, возвратясь 1787 года въ Россію послѣ кончины Фридриха Великаго— «вотъ что послѣдовало со мною. Всемогущій сжалился надъ моимъ заблужденіемъ, извлекъ меня изъ пропасти. Берегитесь попасть въ нее; не читайте книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужитъ вамъ поученіемъ. Безъ благочестія нѣтъ счастія на землѣ; не найдете его и въ будущей жизни».

Завѣщаніе.

Во имя Пресвятыя, Живоначальныя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я нижеподписавшійся, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Святыя Анны 1-й степени, князь Владимиръ княжъ Сергѣевъ сынъ Долгорукой, въ 1790 году Августа 18 дня сдѣлалъ завѣщаніе въ силѣ законовъ, коимъ учредилъ своимъ наслѣдникомъ единственнымъ роднаго своего племянника, что́ тогда былъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ-поручикомъ, а нынѣ генералъ-лейтенантомъ, государственной Коллегіи Военной членомъ и ордена Святыя Анны 1-й степени кавалеромъ, князь Сергія Николаевича Долгорукаго. Онаго завѣщанія, будучи еще въ совершенномъ здоровьи и разумѣ, подтверждаю быть ему князь Сергію Николаевичу Долгорукому, когда Богъ

душу мою отъ сего свѣта переселитъ въ вѣчность, единственнымъ моимъ наслѣдникомъ во всемъ моемъ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, наслѣдномъ и пріобрѣтенномъ. А какъ реченный мой племянникъ можетъ отсутственнымъ быть, когда я на вѣчный покой переселюся, то покорно прошу искренняго и честнѣйшаго моего друга статскаго совѣтника Никанора Богдановича Плещеева быть моимъ душеприкащикомъ; и не токмо въ семъ случаѣ, но желалъ бы, чтобъ и князь Сергій Николаевичъ, вступя въ наслѣдство, ввѣрялъ ему всѣ свои дѣла.

Еще прошу домоправителя моего, канцеляриста Ѳедора Куликова, остаться при моемъ племянникѣ, пока онъ нуженъ ему будетъ и не найдетъ на его мѣсто другаго вѣрнаго и усерднаго человѣка. Еще особливо рекомендую въ особливую милость князь Сергія Николаевича камердинера моего Александра Куликова, который нѣсколько лѣтъ служитъ мнѣ вѣрно и порядочно, а въ болѣзни невѣстки моей [1]), не оставя свою при мнѣ должность, три года ея болѣзни неусыпно ей служилъ, она въ его рукахъ скончалась, и въ комнатной своей дѣвушки Варвары Масакиной, къ коей всю довѣренность имѣла. Ежели бъ въ награжденіе княгиня Екатерина Алексѣевна [2]) могла взять въ комнатную, вѣрно ею довольна будетъ. Я не могу умолчать о Якобѣ Кузаковѣ, котораго качества князь Сергію Николаевичу довольно извѣстны. Митюша хоть очень молодъ, но ежели за нимъ хорошій присмотръ будетъ, то можемъ надѣяться, что путнымъ сдѣлается человѣкомъ. Я то думаю по усердію его, служа покойную невѣстку мою предъ ея кончиною и какъ сынъ мнѣ служитъ. Я впрочемъ доволенъ всѣми при мнѣ служащими оффиціантами, лакеями, при кухнѣ, при конюшнѣ находящимися, кои всѣ заслуживаютъ вниманія, какъ мужескаго такъ и женскаго пола.

Прихода моего церкви Іоанна Предтечи въ Старой Конюшенной отцу Іоанну, бывшему княгини Наталіи Сергѣевны духовнику, человѣку добраго и примѣрнаго поведенія, опредѣлилъ пенсіонъ пятьдесятъ рублей въ годъ, кои платятся въ праздникъ Рождества Христова. О другихъ особливое письмо есть къ князь Сергію Николаевичу въ рукахъ Никанора Богдановича. Я желаю, чтобъ погребеніе мое было безъ всякихъ церемоній, гробъ ничѣмъ не обитъ; въ немъ меня положатъ въ утреннемъ зимнемъ платьѣ, безъ лентъ и безъ никакого украшенія. Только два попа, а именно духовникъ и приходскій, коимъ съ причетомъ дано будетъ по пятидесяти рублей каждому; выносъ бу-

---

[1]) Это мать наслѣдника, княгиня Наталья Сергѣевна, ур. Салтыкова, скончавшаяся въ 1801 году, т.-е. не задолго до написанія этого завѣщанія. П. Б.

[2]) Супруга наслѣдника, урожденная графиня Васильева. П. Б.

деть съ вечера, отпѣваніе какъ возможно ранѣе; надъ гробомъ ни шпаги, ни шляпы, ни ленты, ничего не будетъ, ибо все мнѣ уже принадлежать не можетъ, а погребеніе въ ближнемъ кладбищѣ. Ежели я (умру) въ томъ же домѣ, гдѣ теперь живу, то ближайше всего будетъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Памятника иного не надобно, какъ изображеніе сухаго деревца; ни имя, ни чина, ни лѣта не писать, а просто подпись

былъ
такъ сего міра исчезаетъ слава

такимъ образомъ Болѣе четырехъ лошадей не впрягать, чтобы везти гробъ, черными попонами не покрыты; и вообще сказать, я желаю, чтобы вовсе въ черномъ ничего не было и чтобы по мнѣ никто въ траурѣ не ходилъ. Я увѣренъ, что кого я любилъ, тужить будутъ, что искренняго друга потеряли, умѣющаго любить. Но имъ утѣшеніе великое думать, что день кончины моей есть день торжества моего для того, что въ нѣдрахъ нахожусь Создателя моего, Коему всегда благодарственные молебны вмѣсто обыкновенныхъ панихидъ пѣть должно. Очень бы я благодаренъ и признателенъ былъ преосвященному, ежели бъ онъ позволилъ попамъ и всѣмъ провожающимъ тѣло надѣть шляпы и шапки. Я видѣлъ многіе примѣры разныхъ болѣзней, происходящихъ отъ простуды въ такихъ случаяхъ: у меня дядя родной, князь Меншиковъ [3]), сильную горячку получа, на четвертый день скончался; я и теперь сокрушаюсь, думая, что могу быть причиною такимъ несчастіямъ. Мое же желаніе не противное закону: въ Цареградѣ [4]) и другихъ мѣстахъ я видѣлъ, что священники отправляли такія церемоніи съ покрытыми головами.

Вмѣсто лишнихъ издержекъ на погребеніе, кои отъ одного тщеславія происходятъ, я опредѣлилъ тысячу рублей для четырехъ дѣвицъ бѣдныхъ, но добраго и засвидѣтельствованнаго поведенія, чтобы ихъ замужъ отдать каждую съ двумя стами и пятьюдесятью рублями, смотря, чтобы и женихи были также добраго и засвидѣтельствованнаго поведенія. А какъ Никаноръ Богдановичъ больше меня знаетъ такихъ нуждающихся и добрыхъ людей, то его покорно прошу сіи деньги раздѣлить по вышеписанному.

Дабы нареканіе не нанесть оставшимъ по мнѣ и чтобы всѣ узнали, что они свято исполнили по моему желанію, я все сіе писалъ и подписалъ собственною своею рукою въ Москвѣ Іюля 9 дня 1802 года.

Князь Владиміръ Долгорукій.

---

[3]) Внукъ „полудержавнаго властелина“, князь Петръ Александровичъ Меншиковъ († 1781), женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. П. Б.

[4]) Гдѣ, въ 1756 году, завѣщатель состоялъ „дворяниномъ“ нашего посольства. П. Б.

Статьи прибавленныя къ вмѣщенію въ завѣщаніе.

Деньги на погребеніе, также и на снабженіе четырехъ бѣдныхъ дѣвицъ, тысяча рублей, буде не найдутся въ запасѣ, то къ тому употреблять что́ доведется мнѣ по день преставленія моего получаемаго пенсіона, да съ доходовъ, получаемыхъ изъ части моей Половскаго села; а ежели что́ не достанетъ, то реченный наслѣдникъ мой князь Сергій Николаевичъ дополнитъ.

Ему князь Сергію Николаевичу получить по кончинѣ моей что слѣдовать будетъ изъ Московскаго статнаго казначейства пожалованнаго мнѣ пенсіона.

Я бы еще изъ родныхъ кого попросилъ быть моимъ душеприкащикомъ и въ коихъ также довѣренность имѣю; но какъ часто въ отлучкѣ бываютъ, а иные и вовсе въ Москвѣ не живутъ, я выбралъ Никанора Богдановича Плещеева, который изъ Москвы не выѣзжаетъ и котораго честность всѣмъ, какъ и мнѣ, извѣстна. *) Обыкновенно на объявительныхъ картахъ смерть представляютъ подъ ужаснымъ видомъ, а какъ напротивъ мнѣ не такъ страшна кажется, то я велѣлъ приготовить пятьдесятъ картъ, коп у Ѳедора Куликова находятся, на коихъ просто написать:

> N N имѣетъ честь объявить, что сего (числа и мѣсяца) (также ежели родня) князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгорукой, избавясь отъ всякой скорби и печали, переселился на вѣчный покой. Отпѣваніе будетъ въ такой-то приходской церкви, такой-то день и часъ.

Послать надобно только къ роднымъ и двоюроднымъ, какъ по слѣдующему реестру показано. Я бы желалъ, ежели возможно и ни къ кому не посылать, какъ я сдѣлалъ при кончинѣ невѣстки моей княгини Наталіи Сергѣевны.

Реестръ.

Родные.

Княгиня Мавра Алексѣевна Голицына.

Генералъ отъ инфантеріи князь Петръ Петровичъ Долгорукой съ женой и дѣтьми.

Сергѣй Васильевичъ Толстой съ супругой.

Княжна Александра Яковлевна Долгорукая.

---

*) Все нижеслѣдующее въ подлинникѣ зачеркнуто и съ боку написано: „Сія статья вся оставлена“.

Двоюродные.

Княгиня Дарья Александровна Грузинская.

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукой съ княгинею и дѣтьми.

Прасковья Владимировна Мелисинша.

Анна Васильевна Зиновьева, Михаилъ Ѳедоровичъ Зиновьевъ съ женою.

Князь Александръ Васильевичъ Урусовъ съ княгиней.

Князь Петръ Васильевичъ Урусовъ съ княгинею.

Князь Яковъ Леоновичъ Грузинскій и княгиня.

Дмитрій Ивановичъ Киселевъ съ супругою.

Сергѣй Михайловичъ Власовъ съ супругою.

Александръ Васильевичъ Грушевскій съ супругою.

Катерина Сергѣевна Шереметева.

Николай Ивановичъ и Иванъ Николаевичъ Масловы.

Княжна Елисавета Борисовна Голицына.

Петръ Николаевичъ и Марья Борисовна Алмазовы.

Князь Иванъ Александровичъ Голицынъ.

Наталія Абрамовна Пушкина и дочь ея.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ съ супругою.

Настасья Михайловна, сестры ея Наталія и Катерина, да братъ Борисъ Михайловичъ Солтыковы.

Князь Александръ Михайловичъ Урусовъ и княгиня.

Князь Меншиковъ и княгиня.

Княгиня Александра Владимировна Козловская.

Анна Алексѣевна Пушкина.

Иванъ Родіоновичъ Кошелевъ.

*

Послать только тѣмъ, кои въ Москвѣ находятся. А какъ выше сказано, ежели можно, по моему желанію, ни къ кому не посылать, то легче будетъ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1824-й годъ *).

Командованіе полкомъ.

(Начато въ Башкегетѣ, близъ Тифлиса, 27-го Января 1824).

Въ семъ году надлежало расплатиться за прошлый. Сочтя расходы свои, я нашелъ, что за уплатою 23,000 р. осталось у меня еще до 3000 р. долгу, въ числѣ коихъ полагаю также 450 моихъ червонцевъ, посланные Алексѣемъ Петровичемъ за границу для выписки музыкальнаго инструмента. Я думалъ о средствахъ уменьшенія сихъ расходовъ, ибо съ оными недолго бы я могъ выдержать сего командованія, тѣмъ болѣе, что къ сему присоединились еще расходы для Мапглиса и, нашедши много лишнихъ расходовъ, какъ собственно мною дѣлаемыхъ, такъ и моимъ дворецкимъ Веденѣемъ, я взялъ мѣры къ укрощенію ихъ и уплатѣ долговъ своихъ. Къ тому же я не получаю уже 3 или 4 года ничего изъ дому: батюшка не переставалъ въ письмахъ своихъ, изрѣдка мною получаемыхъ, извѣщать меня, что дѣла его совершенно разстроены и въ такомъ положеніи, что онъ не въ состояніи мнѣ ничѣмъ помочь. Братъ Александръ сталъ чаще писать ко мнѣ и показывать живое участіе въ моемъ положеніи, совѣтуя мнѣ оставить службу и жениться. Но невозможность исполненія сего ускользнула изъ его соображенія. Содержась столь долгое время однимъ только жалованьемъ, я болѣе помышлялъ о томъ, чтобы, въ дурныхъ обстоятельствахъ или какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ могущихъ случиться въ службѣ непріятностяхъ, имѣть съ чѣмъ выѣхать изъ Грузіи, и потому, откладывая въ теченіе четырехъ лѣтъ, при каждой трети, часть своего жалованья, успѣлъ скопить до 5000 р. асс., которые берегу на черный день. Сверхъ того долженъ я заботиться еще о приготовленіи около 14,000 р. для сдачи полка; получаемое же мною недостаточно было уже въ прошломъ году на мои расходы.

Къ симъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось еще другое, которое тѣмъ болѣе заставляетъ меня сожалѣть о дурномъ

*) См. выше, стр. 5-ю.

состояніи моихъ дѣлъ. Корсаковъ пересталъ было ко мнѣ совсѣмъ писать; но недавно получилъ я отъ него письмо, въ коемъ жена его извѣщаетъ меня, самымъ утвердительнымъ образомъ о томъ, что въ домѣ Н. С. Мордвинова готовы принять возобновленіе моего желанія, и что я найду соотвѣтствіе въ склонности со стороны дочери его. И я, завлеченный службою и остановленный бѣднымъ состояніемъ своимъ, не позволяющимъ мнѣ почти выѣхать отсюда, долженъ отказаться отъ сего и, проводя дни свои въ одиночествѣ, видѣть, какъ лѣта моей молодости, уже протекшія, проведенныя въ суетахъ и безпокойствіи, не приготовили меня для предстоящей старости и мирнаго и благополучнаго житья въ кругу семейства; словомъ, долженъ навсегда посвятить себя для службы, оставя всѣ прелестныя предположенія о будущемъ, о коихъ я давно уже мечталъ. Вотъ обстоятельства мои. Но, вспомнивъ то ужасное бѣдствіе, отъ коего меня освободило чудеснымъ образомъ Провидѣніе, вспомнивъ заключеніе свое въ Хивѣ и данное себѣ тогда обѣщаніе, что еслибы мнѣ удалось когда-нибудь воззрѣть на отечественный берегъ, то не буду никогда жаловаться на судьбу свою, въ какомъ бы званіи и состояніи ни находился,—я смиряюсь и благодарю Творца Своего, даровавшаго мнѣ еще участь столь превосходящую участь многихъ другихъ.

Расположившись такимъ образомъ служить, я не хотѣлъ оставить и занятій собственныхъ. Прошлое лѣто не позволило мнѣ онымъ предаться. Нынѣ, избравъ свободное время, я принялся за сіи записки, довелъ ихъ до нынѣшняго времени и стану продолжать ежедневно, сколько возможность позволитъ. Намѣреваюсь также продолжать изученіе восточныхъ языковъ, на кое уже употребилъ столько времени и, не взирая на то, что мнѣ уже въ семъ году минетъ 30 лѣтъ, не намѣренъ оставить сего занятія. Чтеніе книгъ буду продолжать также. Недавно кончивши чтеніе Нѣмецкой книги сочиненія Герена о сношеніяхъ политическихъ и торговыхъ древнихъ народовъ, примусь теперь за географію Malte-Brun, нѣкогда мною начатую. Нахожу также время и для музыки. Имѣя прекрасное фортепіано, купленное у Грибоѣдова, я посвящаю на оное въ первые пять дней недѣли по одному часу въ день. Занимаюсь также гобоемъ и флейтою, не съ тѣми однако уже мыслями, которыя привлекаютъ въ молодыхъ лѣтахъ къ занятіямъ всякаго рода, въ надеждѣ извлечь изъ сего въ послѣдствіи времени себѣ пользу или удовольствіе. То предбудущее время для меня уже настало, и я занимаюсь сими предметами единственно для удовольствія, которое они мнѣ въ настоящемъ доставляютъ.

Симъ кончаю и чувствую себя довольнымъ, загладивъ прилежаніемъ своимъ въ семъ мѣсяцѣ запущеніе сихъ записокъ болѣе года,

чему причиною однакоже не лѣнь была, а истинные недосуги. Съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣлъ я полезную привычку рано вставать по утрамъ, что̀ необходимо для того чтобы исписать цѣлую книгу сію въ одинъ мѣсяцъ безъ ущерба службѣ и другимъ занятіямъ моимъ. Въ дополненіе однакоже написаннаго нахожу еще нужнымъ упомянуть о трехъ предметахъ, забытыхъ мною въ семъ году, хотя и неважныхъ, но принадлежащихъ не менѣе того къ симъ запискамъ.

1) Въ бытность мою на Бѣломъ Ключѣ, въ ожиданіи Алексѣя Петровича, наканунѣ пріѣзда его, я ѣздилъ съ подпоручикомъ моего полка Куликовскимъ къ видѣнной мною башнѣ въ глубокомъ ущельи, къ сторонѣ рѣки Алгетки. Проѣхавъ съ большимъ трудомъ густымъ лѣсомъ и горами къ сему предмету, около 6-ти верстъ, мы нѣсколько разъ теряли дорогою надежду найти оный, но наконецъ добрались. Башня, съ бойницами, въ 6 этажей, имѣла за развалившимся верхомъ еще около 5 саженъ вышины. Входъ въ оную былъ аршинахъ въ четырехъ отъ земли; взлѣзши въ оную посредствомъ людей и казаковъ, съ нами бывшихъ, мы стали отрывать въ ней землю и нашли зарытые большіе кувшины, служившіе вѣроятно для храненія запаса воды во время набѣговъ непріятелей для осажденныхъ. Башня была еще очень крѣпка, и по стѣнамъ видны еще ступени, ведущія на верхніе ярусы оной. Саженяхъ въ 50 отъ оной нашли мы развалины большаго каменнаго дома въ лѣсу и всѣхъ службъ къ оному принадлежащихъ, а также и кладбище съ большими надгробными камнями, съ высѣченными на нихъ надписями на Грузинскомъ языкѣ. Удивительно, какъ страна сія, оставленная жителями, по преданіямъ, только за 70 лѣтъ, отъ набѣговъ Ахалцихскихъ Лезгинъ, могла такъ скоро зарости лѣсомъ! Большія и толстыя деревья росли въ покояхъ сего замка и около него и такъ закрывали его, что, будучи не болѣе какъ въ 50 или еще меньше саженяхъ отъ онаго, мы едва нашли его. Въ разстояніи полуверсты отъ сего мѣста были также развалины деревни и церкви въ лѣсу. И такъ мѣста сіи, служившія нѣкогда убѣжищемъ мирнымъ жителямъ, нынѣ превращены въ обширныя пустыни отъ разореній непріятельскихъ и заросли густыми лѣсами. Но наставшія нынѣ покойныя времена стали опять привлекать жителей на старыя мѣста, и правнуки, отыскивая прахъ прадѣдовъ, начинаютъ селиться въ древнихъ достояніяхъ своихъ, украшенныхъ всѣми богатствами природы.

2) Сентября 2-го числа выступилъ отсюда съ полуротою артилеріи капитанъ Бергъ, слѣдуя къ Нухѣ. Выступленію его я былъ очень радъ, какъ развязкѣ съ человѣкомъ безпокойнаго нрава. Остался здѣсь подпоручикъ Бриммеръ съ 6 орудіями 3-й легкой роты Кавказской гренадерской артилерійской бригады, человѣкъ съ образованіемъ, а

по обхожденію непріятный, по причинѣ излишней самодѣятельности своей и высокаго о себѣ мнѣнія.

3) Въ бытность мою въ Таркахъ, я взялъ одного 15 лѣтняго Мехтулинскаго мальчика съ собою, именемъ Мирзу, котораго отецъ былъ въ бѣгахъ и домъ раззоренъ и который скитался въ нищетѣ, исправляя должность кашевара при работникахъ, высылаемыхъ изъ Мехтулинскихъ областей. Видя его почти нагаго въ холода́ и замѣтя въ немъ хорошія способности, я одѣлъ его и взялъ изъ сожалѣнія къ себѣ въ услуженіе. По пріѣздѣ въ Башкогетъ я выкрестилъ его и отдалъ учиться грамотѣ. Въ короткое время онъ сдѣлалъ хорошіе успѣхи. Я былъ доволенъ имъ; но всѣ люди дома моего уже не разъ жаловались на него, говоря, что онъ всѣхъ обижалъ и грозился нѣкоторыхъ бить и даже заколоть кинжаломъ, говоря, что онъ происходитъ отъ знатнаго рода и что никто надъ нимъ власти не имѣетъ. Я долго не хотѣлъ вѣрить сему, но убѣжденный повторенными жалобами ихъ, я снабдилъ его на дорогу платьемъ и деньгами и отправилъ его къ Тифлисскому коменданту, при письмѣ и отношеніи, коими просилъ объ отправленіи его на родину, говоря, что къ удаленію его былъ причиною неукротимый нравъ его. О немъ доложили Ивану Александровичу, который, по бывшимъ тогда возмущеніямъ въ Мехтулинскихъ областяхъ и по тому, что онъ уже былъ выкрещенъ, не согласился на отправленіе его на родину, а велѣлъ предложить ему избраніе рода жизни въ Тифлисѣ. Мальчикъ сей, не зная никакого ремесла, избралъ военную службу и именно мой полкъ. О немъ писали въ Инспекторскій Департаментъ и съ разрѣшенія онаго препроводили его на дняхъ ко мнѣ, противъ всякаго ожиданія моего, для опредѣленія на службу, къ чему я ожидаю теперь предписанія отъ бригаднаго командира. Въ бытность его въ Тифлисѣ жилъ онъ у Лезгинскихъ аманатовъ, отъ коихъ онъ слышалъ, что причиною убіенія Верховскаго было то, что въ тотъ самый день онъ приказалъ одному изъ слугъ Амулата поднести ему водки съ ядомъ и что слуга сей, поднесши опую Амулату, сказалъ ему, что подноситъ ему сіе по приказанію полковника Верховскаго, но предоставляетъ ему выпить сіе или оставить и что сіе самое, сдѣланное будто по уговору шамхала, понудило Амулата въ тотъ же день убить своего благодѣтеля. Но сіе невѣроятно и несообразно съ благородными правилами Верховскаго, тѣмъ болѣе, что г. м. Грековъ, за два дни до сего убійства, былъ уже извѣщенъ о намѣреніи Амулата и писалъ о семъ къ Алексѣю Петровичу, но поздно; ибо злодѣйство было уже совершено, когда получилось сіе извѣстіе. Вѣроятно, что слухъ сей былъ распущенъ самимъ Амулатомъ, въ оправданіе свое предъ Лезгинами, которые, со

всею привязанностью къ своему отечеству, не могли бы никогда похвалить сего измѣннического и низкаго поступка. Въ бытность мою въ Тифлисѣ, я слышалъ, что сообщники сего убійства пріѣзжали ночью къ стѣнамъ Дербента, дабы, отрывъ тѣло Верховскаго, поругаться надъ нимъ, но что вмѣсто его отрыли они тѣло умершаго года два тому назадъ предмѣстника его подполковника Швецова, отрубили ему голову, которую увезли, и бросили тѣло. Поступки сіи обыкновенны между Азіатцами: нынѣшнимъ лѣтомъ привезъ ко мнѣ почью Татаринъ Али-ага, извѣстный разбойникъ, отрубленную имъ руку у убитаго имъ же въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ одного жителя, по приказанію Алексѣя Петровича. Я самъ отправлялъ его за границу, по приказанію главнокомандующаго, не зная, зачѣмъ. Привезенную ко мнѣ руку я отправилъ съ самимъ Али-агою къ Алексѣю Петровичу въ Тифлисъ, при письмѣ своемъ. Убіенный былъ убійцею одного солдата 41-го егерскаго полка, въ началѣ прошлаго года; одинъ изъ сообщниковъ его находился въ деревняхъ князя Орбеліани, Борчалинской дистанціи, былъ пойманъ и повѣшенъ офицеромъ моего полка на деревѣ, въ самой той деревнѣ, гдѣ онъ жительство имѣлъ, по приказанію же корпуснаго командира.

Теперь, отправивъ въ Тифлисъ отставнаго поручика Романова для поданія прошенія объ опредѣленіи его ко мнѣ въ полкъ, я дожидаюсь послѣ завтра возвращенія его, дабы съѣздить на Манглисъ, гдѣ хочу оставить его для съемки мѣста избраннаго для новой штабъ-квартиры. Намѣревалсь дѣятельностію обогнать въ работахъ сихъ Авенаріуса, готовящагося перейти на Бѣлый Ключъ, начавшаго работы свои гораздо прежде меня, еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и имѣющаго то великое преимущество предо мною, что ему не предстоитъ трудное обработываніе трехъ дорогъ, и что Бѣлый Ключъ, ему назначенный, въ 20 только или 15 верстахъ отъ теперешней его штабъ-квартиры, а Манглисъ отъ Башкегета въ 80 верстахъ.

31-го Генваря, предписалъ я подполк. Кулябкѣ, чтобы онъ, собравъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ, предоставилъ имъ сдѣлать выборъ одного изъ нихъ въ квартермистры.

При сихъ выборахъ, продолжавшихся около трехъ часовъ, онъ сталъ класть сужденія о казначеѣ и адъютантѣ и вообще о должностныхъ офицерахъ, жалуясь на нихъ, называя ихъ забывшимися, и подстроилъ все общество къ тому же; но какъ изъ нихъ недовольныхъ никого не было, то всѣ замолчали и оставили его класть свои сужденія обо всѣхъ; наконецъ, избрали въ должность квартермистра подпоручика Мищенку. Ввечеру онъ принесъ ко мнѣ выборный листъ и сказалъ, что всѣ роптали на должностныхъ и назвалъ даже нѣкото-

рыхъ, употребившихъ дерзкія выраженія. Желая узнать причину ихъ неудовольствія, я сзывалъ ихъ по одиночкѣ, и всѣ отозвались совершенно довольными; когда же я объявилъ имъ, что̀ я слышалъ, они удивились, говоря, что никогда имъ и не приходило въ голову быть недовольными, что, напротивъ, все сіе было сказано самимъ подполковникомъ, и что они молчали въ семъ случаѣ, не имѣя никакихъ причинъ жаловаться. Оказалось, что Кулябка солгалъ на нихъ. Я уличилъ его въ присутствіи офицеровъ, и онъ ничѣмъ не могъ оправдаться. За сей поступокъ его слѣдовало бы отрѣшить отъ командованія баталіономъ; но, боясь, черезъ сіе нанести неудовольствіе Алексѣю Петровичу, я смолчалъ; не менѣе того готовъ воспользоваться случаемъ, чтобы избавиться отъ сего безпокойнаго человѣка.

2-го Февраля я выѣхалъ изъ Башкегета на Цалну, въ сопровожденіи маіора Гладкова-Сацкаго, отставнаго поручика Романова, шт.-лекаря Гривцова и подпоручика Мищенки, для обозрѣнія Манглиса. Доѣхавъ въ тотъ день до Цалны, я осмотрѣлъ новыя мельницы.

3-го, осмотрѣвъ роту 2-ю карабинерную, на Цалнѣ расположенную, я поѣхалъ на Манглисъ новою дорогою и нашелъ ее почти совершенно конченною. Я удивился, увидя прежнія мѣста, по коимъ нельзя было иначе какъ верхомъ ѣхать, обработанныя съ такимъ искусствомъ, что бричка, въ коей я ѣхалъ, прошла безъ малѣйшаго затрудненія по дорогѣ широкой и ровной, проложенной по каменнымъ горамъ и въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ. И работа дороги сей производилась зимою, въ самое холодное и неудобное время. Въ тотъ же вечеръ я пріѣхалъ на Манглисъ, гдѣ засталъ 5-ю роту егерскую обстроившуюся и прекрасную землянку у ротнаго командира шт.-кап. Антонова, въ коей я и остановился.

4-го я объѣздилъ часть срубленнаго лѣса, для построенія штабъ-квартиры, нашелъ его весьма хорошимъ и работы весьма успѣшными.

5-го я также объѣзжалъ лѣса, осмотрѣлъ известку и ввечеру приступилъ къ разбивкѣ новой штабъ-квартиры.

6-го и 7-го предоставилъ маіору осмотръ луговъ, а самъ занимался разбивкою штабъ-квартиры.

8-го кончилъ сію разбивку по плану, который былъ представленъ мною Ивану Александровичу.

9-го, отпустивъ шт.-лекаря съ Романовымъ домой, въ Башкегетъ, самъ поѣхалъ на зимовникъ казачій Иловайскаго полка, для осмотра луговъ. Тутъ застала меня летучая отъ Ивана Александровича, по коей предписывалъ онъ мнѣ выслать въ Тифлисъ на работы 500 человѣкъ и 750 человѣкъ въ караулъ, что̀ превышало число людей у меня оставшееся почти 3-мя или 4-мя стами человѣками. Несообраз-

ность сего требованія заставила меня рѣшиться, по возвращеніи въ Башкегетъ, отправить все что̀ осталось и ѣхать поспѣшнѣе въ Тифлисъ: ибо, не будучи въ состояніи исполнить неумѣреннаго требованія начальства, я могъ подвергнуться отвѣтственности. Итакъ, вмѣсто отдыха̀ въ Башкегетѣ, предстояли мнѣ новыя заботы.

10-го, окончивъ обозрѣнія свои на Манглисѣ, я поѣхалъ по Цинсеарской дорогѣ для обозрѣнія ея по приказанію Алексѣя Петровича. Проѣхавъ 30 верстъ по трудной дорогѣ вплзъ по Алгеткѣ, я пріѣхалъ на зимовникъ артилерійской роты подполковника Симчевскаго, гдѣ засталъ артилеріи подпоручика Сазонова и, отдохнувъ нѣсколько, поѣхалъ на Бѣлый Ключъ, куда прибылъ ночевать. Тутъ я засталъ 41-го егерскаго полка шт.-кап. Кузминскаго съ командою, занимавшагося вырубкою лѣса. Обозрѣвъ на другой день мѣсто, избранное для перенесенія штабъ-квартиры 41-го егерскаго полка, я пріѣхалъ 11-го числа въ Квеши, гдѣ, отобѣдавъ у Авенаріуса, поѣхалъ въ Башкегетъ и занявшись до сего дня отправленіемъ бумагъ и 3-го баталіона, подъ командою подполковника Кулябки, сбираюсь сегодня, 14-го числа, выѣхать въ Тифлисъ.

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ по закатѣ солнца. Въ самый вечеръ пріѣзда я сталъ узнавать, по какому случаю требовалось у меня такое множество людей, что, по отсылкѣ всего полка въ Тифлисъ, еще недоставало къ требуемому числу 389 человѣкъ, и узналъ, что сіе было сдѣлано ошибочно, ибо въ замѣнъ посылаемыхъ отдавались мнѣ пять ротъ здѣсь находящіяся.

16-го. Я ѣздилъ явиться къ обоимъ Вельяминовымъ и удостовѣрился, что сіе точно было ошибкою сдѣлано, а потому и сдѣлалъ новое распоряженіе въ размѣщеніи ротъ. Ввечеру я былъ у губернатора, дабы испросить у него помощь обывателями, для вывозки лѣса и разрабатыванія дороги. На первое онъ согласился, во второмъ же отказалъ, сбираясь ѣхать въ Башкегетъ и осмотрѣть самъ мѣста̀, отъ чего я всячески долженъ стараться его отговорить: ибо осмотръ сей въ короткое время не доставитъ ему никакихъ свѣдѣній, а только отвлечетъ меня снова отъ полка, гдѣ мое присутствіе, послѣ столь частыхъ отлучекъ, въ особенности нужно; и для того я буду дѣйствовать черезъ Коцебу, который его лучше уговоритъ.

23-го Февраля. Всѣ мои старанія были тщетны. Коцебу былъ у меня, я поилъ его Шампанскимъ, дабы лучше его склонить; онъ обѣщался участвовать, но измѣнилъ мнѣ и вышелъ со двора въ тотъ день какъ я ѣздилъ уговаривать губернатора. Тимковскій со мною дѣйствовалъ, и также неудачно. Губернаторъ упорствовалъ и настоялъ, и я не медля принужденнымъ былъ приступить къ мѣрамъ самымъ

удобнымъ для встрѣчи его. Мы расположились оба выѣхать отсюда 26-го числа; онъ долженъ ѣхать изъ Квешъ на Манглисъ, гдѣ я его встрѣчу 2-го числа Марта и провожу его черезъ Цалку въ Башкегетъ.

Тифлисъ. 19-го прибылъ сюда 3-й баталіонъ на смѣну перваго. Кулябка, командиръ онаго, сдѣлалъ первую ошибку въ томъ, что, переходя черезъ старый мостъ, едва держащійся и на коемъ всегда стоитъ караулъ, для осторожности, онъ пошелъ отдѣленіями. Сердце во мнѣ замерло, когда я увидѣлъ сіе, стоя на новомъ мосту, по коему еще не велѣно было ѣздить и водить войска. Я побѣжалъ къ батальону, сдѣлалъ выговоръ Кулябкѣ и велѣлъ людямъ поодиночкѣ идти. Ввечеру, когда Кулябка пришелъ ко мнѣ явиться, я ему сдѣлалъ строгій выговоръ, и какъ онъ сталъ довольно громко оправдываться незнаніемъ опасности стараго моста, я ему сказалъ, что мнѣ бы весьма пріятно было не имѣть его подъ своимъ начальствомъ, съ чѣмъ онъ и ушелъ. Баталіонъ смѣнился, и 21-го числа роты 1-го баталіона, 1-я карабинерная, 3-я егерская и 6-я егерская, уже выступили изъ города къ своему назначенію. Съ ними долженъ былъ слѣдовать маіоръ Ахтырка; но, узнавши наканунѣ отъ губернатора, что приставъ Нѣмецкой колоніи, мимо которой проходилъ баталіонъ, принесъ ему жалобу на подпоручика Салмановскаго обидѣвшаго его словами, я сталъ изслѣдовать сіе дѣло и узналъ, что въ то время Кулябки не было при баталіонѣ и что онъ оставался гулять цѣлый день послѣднее Воскресенье Масляницы, у Авенаріуса въ Квешахъ, поручивъ баталіонъ маіору Потебнѣ. А потому, призвавъ Кулябку и Ахтырку и изготовивъ приказъ о смѣнѣ баталіонныхъ командировъ, я перевелъ Кулябку въ 1-й (въ Башкегетѣ находящійся), а Ахтырку въ 3-й (находящійся въ Тифлисѣ), дабы избѣгнуть неудовольствій, которыхъ могъ всегда ожидать отъ упущеній и сварливаго нрава Кулябки. На другой день получилъ я рапортъ отъ него, коимъ онъ отказывался отъ принятія баталіона за болѣзнію и просилъ о переводѣ его въ 41-й егерскій полкъ. Достигнувъ цѣли не имѣть его ни въ Тифлисѣ, ни въ Башкегетѣ, я остался доволенъ симъ положеніемъ дѣлъ и донесъ о сей перемѣнѣ въ штабъ.

Вчера загорѣлась казачья конюшня близъ дома Алексѣя Петровича и сгорѣло нѣсколько лошадей казачьихъ и разные экипажи; вѣтеръ былъ необыкновенно сильный, какихъ здѣсь еще не бывало; не могли загасить пожара, сгорѣли дрожки Нагаткина и бричка главнокомандующаго, при чемъ арсеналъ, подлѣ находившійся, въ коемъ было большое количество пороха и патроновъ, чуть не загорѣлся, и самый домъ главнокомандующаго едва не подвергся пламени.

26-го числа пришелъ ко мнѣ поутру Кулябка и, жалуясь на судьбу свою, старался оправдывать себя, причемъ я принужденъ былъ перечесть ему всѣ поступки его въ теченіе года, понудившіе меня такъ съ нимъ обойтись. Видя, что я болѣе не шутилъ, онъ расплакался, называя себя самымъ несчастнымъ и говоря, что предоставляетъ послѣ сего начальству дѣлать съ нимъ, что̀ хочетъ; но что по разстроенному его состоянію онъ не можетъ ни въ отпускъ, ни въ гарнизонъ подать. Я тронулся его состояніемъ и предложилъ ему жить до прибытія главнокомандующаго въ Башкегетѣ, обѣщаясь дѣлать ему всевозможныя угожденія, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ не рапортовался здоровымъ (ибо тогда я нашелся бы вынужденнымъ представить о немъ начальству), прибавивъ, что если онъ полагается на меня, то я съ удовольствіемъ берусь быть его ходатаемъ и просить Алексѣя Петровича о доставленіи ему комендантскаго мѣста и что ему не будетъ причинено ни малѣйшаго огорченія. Я нѣсколько утѣшилъ его симъ и, дабы довершить сіе, выѣзжая въ тотъ же день въ Башкегетъ, я заѣхалъ къ нему и успокоилъ его и семейство его. И такъ я его сбылъ, поручивъ его баталіонъ младшему штабъ-офицеру и не сдѣлавъ его несчастнымъ, къ чему клонились всѣ виды мои.

28-го. Въ Башкегетѣ все засталъ благополучно, исключая одного фурлейта, замерзшаго на озерѣ Тапараванѣ во время бывшихъ здѣсь бурь и мятелей въ мое отсутствіе; ходилъ же онъ туда для рыбной ловли съ Цалны, съ товарищами, но были всѣ разбиты ужасною погодою, настигшею ихъ на горахъ, на границахъ Турціи.

2-го числа Марта я поѣхалъ на Цалну, гдѣ находился съ ротой 3-й егерской капитанъ Даленъ, а 3-го пріѣхалъ на Манглисъ, куда прибылъ и губернаторъ часа два послѣ меня. Тутъ я засталъ молодаго князя Бебутова, помѣщика сихъ мѣстъ, который пріѣзжалъ просить меня, чтобы я оставилъ ему мѣсто подлѣ штабъ-квартиры для поселенія деревни. Мѣста сіи, издавна оставленныя, никогда и не были посѣщаемы своими помѣщиками; они получали по нѣскольку барановъ отъ пасущихся тамъ стадъ, теперь же негодуютъ, что онѣ занимаются войсками, тогда какъ онѣ имъ ни къ чему не служили.

3-го числа я поѣхалъ съ губернаторомъ показывать ему мѣсто, избранное для штабъ-квартиры, и мы воротились ночевать къ монастырю. Съ нимъ пріѣзжали полковникъ Гозіушъ, секретарь Тюльпинъ и переводчикъ; кромѣ сего кап. исправникъ Тифлисскаго уѣзда Снѣжевскій съ переводчикомъ, какой-то князь Баратовъ и полковникъ Сергѣевъ съ двумя казачьими офицерами, такъ что всего на все набралось до 70-ти лошадей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сѣно должно было доставляться самымъ труднымъ образомъ съ Цалны.

4-го числа, передъ отъѣздомъ изъ Манглиса, послѣ маленькаго спора съ губернаторомъ, который старался меня увѣрить, что мнѣ не нужна дорога отъ Манглиса къ Тифлису, онъ приказалъ исправнику, по моему настаиванію, нарядить 200 человѣкъ рабочихъ для обдѣлыванія сей дороги. Исправникъ поѣхалъ по сему поводу въ Тифлисъ, а я повезъ остальныхъ на Цалну.

5-го числа привезъ гостей на Гуссейнъ-ханскій постъ, откуда отпустилъ ихъ въ Шындлары къ Сергѣеву въ полкъ, а самъ поѣхалъ въ Башкегетъ.

6-го числа гости всѣ пріѣхали къ обѣду; къ числу ихъ присоединился Борчалинскій приставъ, и я получилъ отъ губернатора всѣ требуемыя мною пособія для перенесенія шт.-квартиры на Манглисъ.

7-го числа губернаторъ хотѣлъ ѣхать въ Квеши, но я уговорилъ его остаться еще на одинъ день, и онъ согласился. Я старался его угостить какъ можно лучше, и онъ кажется остался довольнымъ. Я съ удовольствіемъ принималъ его, уважая отъ всей души какъ добраго и безкорыстнаго человѣка, и гость сей, нисколько неприхотливый, не могъ никогда мнѣ быть въ тягость.

8-го губернаторъ поѣхалъ въ Квеши. Въ карантинѣ, ввѣренномъ моему надзору, я приготовилъ ему завтракъ и скрылъ музыку, которая неожиданно заиграла; ему былъ пріятенъ маленькій праздникъ, который я ему тутъ сдѣлалъ, и онъ поѣхалъ весьма доволенъ пріемомъ моимъ. Съ нимъ вмѣстѣ отправилъ я въ Тифлисъ и казначея, за пріемомъ разныхъ суммъ.

13-го. Въ шесть часовъ утра былъ довольно сильный ударъ землетрясенія, который повторился въ 10 часовъ утра, но уже гораздо слабѣе. Шт.-лѣкарь Гривцовъ, возвратившійся ввечеру съ Манглиса, куда онъ ѣздилъ для пользованія прибывшаго туда и вдругъ заболѣвшаго маіора Ахтырки, сказывалъ мнѣ, что на Гуссейнъ-ханскомъ посту казачій офицеръ сказалъ ему, что послѣ сего землетрясенія изъ рѣчки вдругъ вышло множество лягушекъ, которыя покрыли лугъ и дорогу какъ саранча, что̀ должно быть дѣйствіе испуга.

22-го. Я ѣздилъ со шт.-лѣкаремъ и казначеемъ къ Сергѣеву въ полкъ, откуда, пообѣдавши и попивши прекрасныхъ винъ, воротились въ Башкегетъ. Сергѣевъ же самъ поѣхалъ въ Елисаветполь, для встрѣчи Алексѣя Петровича, который долженъ 26-го числа сего мѣсяца туда пріѣхать.

2-го Апрѣля въ Середу, по выходѣ отъ заутрени изъ церкви, узналъ я, что Алексѣй Петровичъ еще въ Субботу пріѣхалъ въ Тифлисъ. Я въ тотъ же день пріобщился святыхъ таинъ и послѣ обѣда, выѣхавши изъ Башкегета, ночевалъ въ Квешахъ.

3-го. Я пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ увидѣлся съ Воейковымъ и въ тотъ же день явился къ главнокомандующему.

4-го. Онъ выѣхалъ на Бѣлый Ключъ къ Авенаріусу и ночевалъ въ полку у Иловайскаго, а 5-го прибылъ на Бѣлый Ключъ. Желая съ нимъ провести время наединѣ, дабы поговорить о новой постройкѣ штабъ-квартиры и также выпросить и мѣсто для подполковника Кулябки, я выѣхалъ изъ Тифлиса 5-го числа и въ тотъ же день къ вечеру пріѣхалъ на Бѣлый Ключъ. Мнѣ кромѣ того надобно было видѣть распоряженія его о назначеніи мѣста для построенія штабъ-квартиры 41-го егерскаго полка, дабы знать, чего онъ бы и отъ меня сталъ требовать по такому случаю: ибо онъ ѣхалъ на Бѣлый Ключъ для того, чтобы опять перемѣнить мѣсто для полка, услышавъ, что въ родникахъ, при коихъ полкъ селится, начала изсякать вода; но онъ, кажется, болѣе для того ѣздилъ, чтобы укрыться изъ Тифлиса отъ наступившихъ праздниковъ.

6-го числа, Свѣтлое Воскресенье, мы провели почти безъ всякихъ хлопотъ. Авенаріусъ, переведшій уже часть полка въ землянки, построенныя на Бѣломъ Ключѣ, старался принять главнокомандующаго какъ умѣлъ лучше и уговаривалъ его не перемѣнять прежняго мѣста, находя, что воды на ономъ было достаточно; но онъ непремѣнно хотѣлъ перемѣнить оное, ѣздилъ нѣсколько дней по окрестностямъ для сего и наконецъ утвердилъ ему подъ строенія мѣсто, отлежащее на одну версту или полторы отъ прежняго, имѣющее всѣ тѣже удобства и неудобства, какъ первое и не признавъ за удобныя мѣста чрезвычайно выгодныя потому единственно, что вѣтеръ пересталъ дуть когда онъ чрезъ оныя проѣзжалъ и солнце стало нѣсколько грѣть. Въ сихъ случаяхъ были слишкомъ замѣтны кривыя сужденія его, основанныя на пристрастіи. Я замѣтилъ (и замѣчаніе сіе уже многими сдѣлано), что его можно склонить къ избранію самаго дурнаго мѣста, если только его тамъ хорошо накормить, напоить и доставить покой; если же будешь оспаривать съ самыми благоразумными доказательствами мнѣніе его при избраніи дурнаго мѣста, то онъ разсердится и нарочно оставитъ на ономъ изъ одного упрямства. И вообще замѣтна въ немъ особенная нерѣшимость. Начальникъ штаба, который съ нимъ былъ, велъ себя постоянно съ одинаковымъ хладнокровіемъ, не говоря ни слова и заботясь единственно о себѣ лично. Гозіушъ и Сергѣевъ забавляли его разными шутками, а Авенаріусъ не переставалъ пилить его самыми глупыми предложеніями. Совсѣмъ тѣмъ его хорошо угостили, и онъ остался, кажется, довольнымъ, грозясь мнѣ перевести и мою шт.-квартиру, что̀ для меня было бы чрезвычайное разстройство: ибо я уже началъ дѣлать строенія на избранномъ

нимъ мѣстѣ. Онъ же все хочетъ строить штабъ-квартиры тѣсныя, каменныя и окружить ихъ редутомъ, который бы могъ защищаться ста человѣками. Иногда, какъ по рѣчамъ придется, недостаточно ему рѣчки для напоенія сихъ людей; иногда онъ довольствуется колодцами въ разстояніи пяти верстъ отъ штабъ-квартиры. Слова его противорѣчатъ одно другому, и вездѣ замѣтна непростительная слабость, пренебреженіе къ обязанностямъ, единственная мысль о своемъ личномъ удовольствіи и совершенная безпечность о благосостояніи нижнихъ чиновъ. Я никогда не видалъ его еще такого, но онъ всякій годъ слабѣетъ и становится хуже. Нерадѣніе его къ занятіямъ по службѣ повторяется каждымъ изъ подчиненныхъ его въ своей обязанности; взысканія за вины считаются притѣсненіями подчиненнымъ, и счастливъ тотъ полковой командиръ, который отдѣлается отъ командованія полкомъ, не подвергнувшись названію упустительнаго по службѣ, или безпокойнаго нрава. Главнокомандующій проводитъ цѣлый день или въ игрѣ въ бостонъ, или въ раскладываніи граньпасьянса, или въ скучномъ разсказываніи анекдотовъ, которые онъ уже всякому по двадцати разъ говорилъ. Съ дѣломъ едва ли кто дерзнетъ къ нему явиться: ничего не хочетъ слушать, сердится за то, что ему приносятъ бумаги, подписываетъ ихъ почти не читая и изо всего видно, что ему служба уже весьма надоѣла. Онъ ничего не дѣлалъ на Бѣломъ Ключѣ, и я не искалъ случая съ нимъ поговорить, просилъ однакоже о Кулябкѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что теперь не имѣется вакантнаго мѣста.

8-го числа я хотѣлъ ѣхать обратно въ Тифлисъ, но Алексѣй Петровичъ велѣлъ мнѣ остаться, и безъ всякой надобности, тогда какъ занятія мои призывали меня на Манглисъ. 9-го числа я выѣхалъ изъ Бѣлаго Ключа и прибылъ въ Тифлисъ, куда онъ пріѣхалъ 10.

12-го. Я опять поѣхалъ изъ Тифлиса на Манглисъ, для осмотра тамошнихъ работъ и производящейся работы по дорогѣ отъ Тифлиса. Цѣлый день шелъ дождь, а когда я поднялся на Каджорскую гору, то засталъ меня еще туманъ. Я хотѣлъ непремѣнно проѣхать въ дрожкахъ до Манглиса, и отъ того лошади, уморившіяся отъ частыхъ поѣздокъ и грязи, едва привезли меня въ урочище гдѣ находился съ 6-ю егерскою ротою ш.-к. Григоровичъ.Я ночевалъ у него на дождѣ въ худой палаткѣ солдатской, но и тутъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что оставилъ скучный и безъ дѣла суетливый Тифлисъ, гдѣ съ утра до вечера осаждала меня скучливая толпа людей безъ дѣла.

16-го я возвратился въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ еще нѣсколько дней, въ надеждѣ переговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ о моихъ постройкахъ; но не тутъ-то было: съ утра до вечера кабинетъ его

былъ наполненъ чиновниками, считающимися при немъ въ службѣ, и онъ то въ карты игралъ, то разсказывалъ имъ анекдоты, а о дѣлѣ нельзя было и заикнуться. Видя, что мое пребываніе совершенно безполезно, я просилъ у него 18 числа позволеніе въ полкъ ѣхать. Тутъ онъ удивился, что я такъ скоро хочу ѣхать и, напомнивъ мнѣ, что мы еще не говорили о Манглисѣ, велѣлъ мнѣ ввечеру зайти. Онъ меня продержалъ до 12-ти часовъ ночи и все разсказывалъ о постороннихъ предметахъ; наконецъ простился со мною, не приказавъ ничего, и отпустилъ. Его намѣреніе было у меня истребить всѣ начатыя строенія и все сдѣлать по новому плану каменное; но, по безпечности и медленности ихъ, я плана сего не получу прежде осени, и мнѣ негдѣ будетъ зимовать. Самыя предположенія его нисколько неудобны для помѣщенія полка: въ его строеніяхъ никогда и жить не будутъ по неудобству ихъ, а если они когда и будутъ строиться, то единственно для исполненія волп его. Я просилъ его позволить мнѣ продолжать строенія деревянныя по своему плану, и послѣ долгаго упорства упросилъ его, наконецъ, обѣщаясь ему все переломать при строеніи штабъ-квартиры по его плану, если его строенія придутся на мѣстахъ занимаемыхъ моими. При томъ же онъ хотѣлъ еще пріѣхать на Манглисъ въ первыхъ числахъ Мая мѣсяца. Я боюсь пріѣзда сего, не имѣя средствъ доставить ему всѣ удобства и хорошій пріемъ и опасаясь, чтобы онъ не назначилъ опять новаго мѣста, что̀ лишило бы и меня и всѣхъ чиновъ полка моего охоты, которую я старался имъ внушить къ переселенію.

19-го числа я выѣхалъ изъ Тифлиса, переправился чрезъ рѣку Храмъ, въ которой воды очень увеличились, почевалъ на Калогирскомъ и 20-го пріѣхалъ въ Башкегетъ, гдѣ сталъ отдыхать отъ несносной и безпорядочной жизни, которую я велъ.

23-го числа, въ день Св. Георгія, я дѣлалъ парадъ и давалъ обѣдъ у себя всѣмъ нижнимъ чинамъ, кавалерамъ сего ордена. Вечеръ проводили у Золотарева, командира 1-й карабинерной роты, въ которой былъ образной праздникъ. Я ушелъ рано; но Сергѣевъ, котораго я звалъ на праздникъ, оставался тамъ съ офицерами очень поздно, и шумное веселіе, болѣе похожее на пиршество сумасшедшихъ, заняло у нихъ часть ночи; я же былъ доволенъ, зная другихъ веселящимися.

1-го Мая офицеры, собравшись, давали мнѣ праздникъ на пчельникѣ, при чемъ были употреблены всѣ средства, въ рукахъ нашихъ находящіяся, дабы придать болѣе торжества сему празднику: орудія и стрѣлки, разсыпанные по горѣ и въ кустахъ, сопровождали пальбою поздравленія, когда пили на здоровье мое.

7-го, капитанъ Даленъ прислалъ при рапортѣ своемъ одного пойманнаго въ Красномъ лѣсу, что̀ близъ Цалны, по слѣдующему случаю. Роты 6-й егерской (которая разработываетъ дорогу отъ Тифлиса къ Манглису) одинъ унтеръ-офицеръ Сиволоцкій, съ двумя рядовыми, былъ посланъ ш.-к. Григоровичемъ на охоту въ сей лѣсъ къ Турецкимъ границамъ. Ранивши козу, они остановились передъ вечеромъ въ балаганѣ и, поставивши два ружья въ ономъ, при коихъ оставался унтеръ-офицеръ, рядовые пошли съ однимъ ружьемъ отыскивать раненую козу. Унтеръ-офицеръ только что отдалился на нѣсколько шаговъ отъ балагана, дабы принесть воды, какъ изъ сидящихъ за кустами пяти хищниковъ Турецкихъ одинъ по немъ выстрѣлилъ, но не попалъ, и всѣ бросились на него, связали его, обобрали все оставшееся въ балаганѣ, ружья, патроны, котлы и шинели и уѣхали. Пришедшіе вскорѣ рядовые развязали унтеръ-офицера и дали о семъ знать на Цалну, откуда былъ посланъ казачій разъѣздъ, который хотя и нашелъ слѣдъ, ведущій въ Турецкія границы, но хищниковъ настичь не могли. Вмѣстѣ съ посылкою сего разъѣзда было дано изъ Цалны знать и Татарскому караулу, охраняющему границу, о семъ происшествіи. Начальникъ того караула Юзъ-Баши-Наба поскакалъ въ лѣсъ и, отдалившись отъ товарищей своихъ, настигъ одного человѣка у начала лѣса, пѣшаго, на коего напавъ схватилъ и съ помощію прибывшихъ товарищей связалъ. Между тѣмъ товарищи пойманнаго, находившіеся вблизи, начали стрѣлять по нашимъ Татарамъ, которые также завели перепалку, и Турки, коихъ было двое, ушли отстрѣливаясь и скрылись въ скалы. Пойманный былъ присланъ ко мнѣ съ Юзъ-башею, который уличалъ его, что онъ хищникъ, ссылаясь на выстрѣлы товарищей его и говоря, что и сей по немъ спустилъ курокъ, держа ружье въ упоръ, но оно осѣклось, послѣ чего будто самъ Юзъ-баши стрѣлялъ, и у него также ружье осѣклось, а затѣмъ онъ ударилъ Турку кинжаломъ по головѣ, но прорубилъ только шапку и такимъ образомъ обобравъ его связалъ и привелъ на Цалну. Пойманный, напротивъ того увѣряетъ, что онъ съ товарищами ничего не знаетъ о шайкѣ, напавшей на солдатъ, что они сами были пѣшіе, приходили на охоту изъ Турецкаго селенія Хыршыси, нисколько не имѣя намѣренія грабить, а только защищались отъ напавшихъ на нихъ нашихъ караульныхъ Татаръ. Унтеръ-офицеръ, присланный сюда съ ними, также говорилъ, что сего пойманнаго не было въ числѣ захватившихъ, связавшихъ и ограбившихъ его; а потому я и удостовѣрился, что сіи люди точно не принадлежали къ первой шайкѣ. Но они могли также быть хищниками, и потому, дабы дознать истину, я велѣлъ сдѣлать пойманному легкій допросъ подъ розгами, но ничего не узналъ: онъ

все оправдывался. Вчера велѣлъ я выстроить висѣлицу и, надѣвъ ему веревку на шею, повели его къ оной; онъ испугался, лишился чувствъ, видя близкую смерть, но также показывалъ прежнее, а потому я рѣшился донести о семъ происшествіи начальству, съ испрошеніемъ, какъ мнѣ велятъ поступить съ пойманнымъ Туркою. Нѣкоторое подозрѣніе падаетъ на него. Сверхъ того я велѣлъ назвать ему нѣсколько человѣкъ изъ деревни Хыршыси, изъ коихъ онъ однакоже ни одного не знаетъ, хотя и показываетъ себя изъ той деревни. На правой рукѣ онъ имѣетъ знакъ якоря, сдѣланный порохомъ, который, по словамъ здѣшнихъ жителей, означаетъ принадлежащаго къ войску янычаръ. Онъ содержится за строгимъ карауломъ на полковой гауптвахтѣ.

11-го я поѣхалъ въ Тифлисъ, куда и прибылъ въ тотъ же день, для принятія прибывшихъ 2-хъ ротъ 25 и 26-го егерскихъ полковъ, на укомплектованіе моего полка. Первою командовалъ кап. Барскій, второю пор. Родіоновъ. 12-го числа я принялъ первую, 13-го вторую. Люди имѣли много претензій на своихъ ротныхъ командировъ. Одному, именно Родіонову, мнѣ удалось помочь, и рота отказалась отъ претензіи; но кап. Барскій на котораго, повидимому, нижніе чины были озлоблены, не успѣлъ въ своемъ искѣ, и я принужденъ буду представить о сей претензіи по начальству, не имѣя права уничтожить ее. Я остановился у Воейкова, былъ озабоченъ съ утра до вечера и не имѣлъ много свободнаго времени, дабы съ нимъ вмѣстѣ побыть. Скучныя посѣщенія разныхъ людей мнѣ столько надоѣли, что я искалъ случая какъ можно скорѣе выбраться оттуда. 14-го, распросившись съ Иваномъ Александровичемъ, я хотѣлъ на другой день ѣхать; но того же числа пріѣхалъ изъ Гори Алексѣй Петровичъ, куда онъ ѣздилъ гостить къ Попову, а потому я остался.

15-го. Онъ объявилъ, что будетъ въ концѣ мѣсяца на Манглисъ, при чемъ я чрезвычайно боюсь, чтобы онъ не перемѣнилъ мѣста моей штабъ-квартиры, на коемъ сдѣлано уже такъ много строеній, что это лишило бы меня и всѣхъ сослуживцевъ моихъ охоты къ постройкамъ, и намъ негдѣ было бы зимовать.

19-го я разбилъ прибывшихъ людей по ротамъ своего полка и принялся за изготовленіе бумагъ къ отправленію ихъ къ своимъ мѣстамъ.

26-го, въ Духовъ день, была здѣсь сильная гроза и убило на улицѣ молніею одного солдата 2-й карабинерной роты. Я сейчасъ вскочилъ съ постели, пробудившись отъ тяжелаго сновидѣнія, коего впечатлѣніе до сихъ поръ еще безпокоитъ меня весьма много. Я видѣлъ сію ночь во снѣ, что Н. Н. М. умерла послѣ продолжительной и трудной болѣзни, видѣлъ ее умирающею и страждущею, будучи обнадеженъ родителями въ полученіи ея, если она выздоровѣетъ; но

смерть похитила у меня ее со всѣми надеждами. Неужели сонъ сей предвѣщалъ мнѣ истину, и я долженъ еще разъ узнать тоже самое, безъ всякой надежды на пробужденіе мое отъ обманчиваго сповидѣнія? Мысль сія и безпокойное предчувствіе не оставляютъ меня.

Маіоръ Гладкій-Сацкій, простой хохолъ, которому надзпранія за работами были поручены, по возвращеніи изъ Манглиса, всегда доносилъ мнѣ, что все идетъ какъ пельзя лучше. Я давно уже замѣчалъ, что человѣкъ сей сколько ни былъ ограниченъ, но не менѣе того имѣлъ свою степень отечественной хитрости, и я замѣчалъ изъ отвѣтовъ его, что болѣе заботило его собственное его хозяйство на повой штабъ-квартирѣ, чѣмъ успѣхъ въ постройкахъ полковыхъ, въ чемъ онъ могъ всегда свободно распоряжаться въ мое отсутствіе, потому что на Манглисѣ находились роты его баталіона. Не менѣе того я не переставалъ ласкать его и оказывать довѣренность, въ надеждѣ склонить его болѣе къ общей пользѣ; потому что я, ожидая извѣстія о прибытіи Алексѣя Петровича, не могъ оставить Башкегета. Сіе самое побудило меня, около 6 или 7-го числа, послать его на Манглисъ, куда онъ неотступно и самъ просился. Изъ слишкомъ свободнаго изложенія мнѣній его на счетъ отдаваемыхъ мною ему передъ отъѣздомъ приказаній, я заключилъ, что ласки мои во вредъ послужили, и что давно уже дѣйствія на Манглисѣ не согласовались съ моими распоряженіями. Сіе самое побудило меня выѣхать изъ Башкегета недождавшись ни его возвращенія, ни извѣстія объ Алексѣѣ Петровичѣ, и потому 7-го числа я собрался выѣхать на другой день, и часу въ 11-мъ почи получилъ при летучей картѣ письмо отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ извѣщалъ меня, что около половины мѣсяца будетъ на Манглисъ, между тѣмъ упрекалъ мнѣ въ томъ, что я, готовясь къ смотру, собралъ цѣлый баталіонъ въ Башкегетѣ и занимался ученіями, тогда какъ слѣдовало заниматься постройками на Манглисѣ. Совершенно ложное обвиненіе сіе меня много безпокоило, я не могъ почти всю ночь уснуть и всталъ въ 1-мъ часу, дабы написать отвѣтъ. Приказавъ отправить изъ Башкегета на Манглисъ музыкантовъ, пѣсенниковъ и всякаго народа для увеселенія главнокомандующаго на Манглисѣ, я выѣхалъ самъ изъ Башкегета 8-го числа и пріѣхалъ на Цалпу, гдѣ и остался ночевать и въ тотъ же день отправилъ съ Цалны отвѣтъ свой Алексѣю Петровичу. Прилагаю здѣсь списокъ какъ съ его письма, такъ и съ моего отвѣта.

Любезный Николай Николаевичъ!

Ты ждешь инспекторскаго смотра и, желая пощеголять на ономъ, удерживаешь людей праздными, тогда какъ въ Манглисѣ много принесли бы они тебѣ пользы, занимаясь работою. Это невѣрный расчетъ: ты по-

кажешь хорошій баталіонъ, а на зиму не успѣешь сдѣлать жилищъ, и по необходимости надобно будетъ раздѣлить полкъ, и не на короткое время остаться должна будетъ часть на Башкегетѣ. Теперь ни словомъ не похвалю за исправность и чрезвычайно благодарилъ бы, если бы устроилъ какое нибудь для людей пристанище. Къ половинѣ сего мѣсяца думаю побывать въ Манглисахъ; тебя увѣдомлю заблаговременно. Прощай. Вѣрный Ермоловъ. 6-го Іюня 1824. Тифлисъ.

Отвѣтъ на письмо А. П. Ермолова.

М. г. Алексѣй Петровичъ. Получивъ письмо, коимъ вашему в-ву угодно было меня удостоить, я счелъ обязанностью своею извѣстить васъ о занятіяхъ своихъ, дабы увѣрить васъ, что я не заслужилъ упрека мнѣ сдѣланнаго. Съ самаго начала построекъ на Манглисѣ, въ послѣднихъ числахъ Генваря мѣсяца, я не занимался обученіемъ полка, не сводилъ не только баталіона, но даже роты, и едва остается на Башкегетѣ достаточно людей на двѣ смѣны караула. Имѣя болѣе 7-ми ротъ въ откомандировкахъ, съ остальнымъ количествомъ невозможно и было распорядиться такимъ образомъ, чтобы въ одно время учиться, сдѣлать двѣ дороги, заготовить нужные матеріалы для построекъ и подвинуть сіи послѣднія до степени, въ коей онѣ находятся теперь и въ которой вы сами изволите увидѣть ихъ. Зная обязанность свою, я никогда не рѣшился бы упустить изъ вида исполненіе воли вашей, отвлекая людей отъ построекъ для приготовленія ихъ къ смотру, при предстоящихъ важнѣйшихъ занятіяхъ. Мнѣ также извѣстно, что противно было бы волѣ вашей, еслибъ самая малая часть полка осталась зимовать на Башкегетѣ, и я согласно сему велъ занятія людей, устроивая жилища на Манглисѣ и дороги, нисколько не занимая ихъ ученіями, даже по одиночкѣ. Посѣщеніе вашего в-ва, коимъ обѣщаетесь удостоить меня и сослуживцевъ моихъ, давно поощряетъ насъ къ вящшимъ трудамъ. Я смѣю надѣяться, что вы останетесь довольны успѣхами оныхъ но также, что вы до узрѣнія ихъ увѣритесь въ совершенной несправедливости сказаннаго вамъ на мой счетъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. Цална, 8-го Іюня 1824 года.

9-го я пріѣхалъ на Манглисъ и нашелъ часть вновь обработанной Цалнской дороги весьма испорченною отъ проѣзда женатыхъ нижнихъ чиновъ изъ Башкегета съ семействами и тяжестями и постоянно шедшихъ давно уже проливныхъ дождей, отъ коихъ вода въ Алгеткѣ такъ увеличилась, что сорвала только что построенную съ большими трудами плотину у мельницы. Дорогою меня съ бричкою опрокинуло. Я прежде всего объѣхалъ всѣ работы и нашелъ у маіора небольшое поле засѣянное просомъ, строющійся наружный домъ при временныхъ землянкахъ женатой ротѣ въ оврагѣ, не по плану, и большой сарай при 5-й егерской у монастыря, рубленный для ко-

нюшни. Отвлекая такимъ образомъ людей отъ настоящихъ построекъ, безъ сомнѣнія нельзя было ожидать хорошаго успѣха, при чемъ люди 5-й егерской, повидимому, не были употребляемы къ постройкамъ штабъ-квартиры, которая была предоставлена одной плотничной командѣ безъ всякой помощи. Зачатыя строенія я нашелъ весьма хорошей отдѣлки, но съ медленнымъ успѣхомъ, и потому виновныхъ въ семъ погонялъ сколько можно было; потому что они распоряжались съ воли баталіоннаго командира, которому я дѣлалъ полную довѣренность и который, употребивъ ее во зло, былъ первый виновникъ всему. Я сталъ самъ заниматься надсматриваніемъ за работами и порядками, что̀ и продолжалъ до сего дня, ожидая прибытія Алексѣя Петровича, для пріема коего уже сдѣланы всѣ нужныя заготовленія и коего пріѣздъ неминуемо причинитъ ущербъ въ успѣхѣ работъ.

13-го, извѣстясь о скоромъ пріѣздѣ Алексѣя Петровича, я поѣхалъ на вечеръ по дорогѣ въ Тифлисъ и остановился ночевать на станціи, выстроенной мною на половинѣ дороги, которую я назвалъ Пріютинымъ.

14-го поутру главнокомандующій прибылъ и, позавтракавъ, отправился въ Манглисъ, гдѣ онъ занемогъ. Погода все была дождливая. Проведши нѣсколько дней въ игрѣ въ карты и безъ всякаго дѣла, онъ поѣхалъ отсюда 19-го числа, не сдѣлавъ ничего, позволилъ мнѣ продолжать строенія и нашелъ, что мѣсто, которое онъ самъ избралъ, было весьма дурно, ибо вода отдалена. Кромѣ того онъ нашелъ, что дороги по гористымъ мѣстамъ во всѣ стороны отъ Манглиса весьма затруднительны, чего онъ не могъ замѣтить въ прошломъ году и о чемъ я ему много разъ говорилъ и писалъ. Работы во время пребыванія его здѣсь замедлились; ибо, проводя цѣлый день въ разсказываніи анекдотовъ или игрѣ, онъ другимъ ничего дѣлать не даетъ, а если и обратитъ вниманіе на минуту къ дѣлу, то для того единственно чтобы перемѣнить безъ всякой выгоды, а по однѣмъ прихотямъ своимъ. Я былъ доволенъ его отъѣздомъ; но къ сожалѣнію слышалъ отъ него обѣщаніе скоро опять возвратиться. Частыя посѣщенія сіи, клонящіяся единственно къ увеселенію его, будутъ причиною, что я не успѣю ничего сдѣлать. Я ожидаю, кромѣ того, на дняхъ бригаднаго командира, который также отвлечетъ меня отъ занятій.

25-го пріѣхалъ сюда бригадный командиръ князь Эристовъ, для смотра ротъ и того же числа кончилъ оный. Скучный и вмѣстѣ очень глупый старикъ сей несносенъ своею болтливостью, но не менѣе того

заслуживаетъ уваженія по отличной добротѣ своей и прежней дѣятельной службѣ въ молодыхъ лѣтахъ его.

29-го, въ день Петра и Павла, полковаго праздника, все предалось здѣсь введенному до меня обряду пьянства, не одни нижніе чины, но къ неудовольствію и самые офицеры. Командиръ 6-й егерской ш.-к. Григоровичъ былъ имянинникъ. Онъ созвалъ товарищей своихъ; неумѣренное употребленіе напитковъ скоро погрузило ихъ въ пьянство, а затѣмъ послѣдовали ссоры и упущенія по своимъ обязанностямъ.

Въ теченіе нынѣшней весны обдѣлана была 6-ю ротою егерскою дорога отъ Тифлиса сюда, и выстроена въ 20 верстахъ отсюда станція на дорогѣ. Мѣстоположеніе оной восхитительно, и я съ удовольствіемъ провелъ тамъ время. Уединенное мѣсто сіе, которое я назвалъ Пріютинымъ, не имѣетъ себѣ подобнаго во всѣхъ странахъ мною видѣнныхъ, и я счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ быть помѣщикомъ онаго, а не временнымъ жителемъ.

Манглисъ. 8-го числа пріѣхалъ сюда изъ Башкегета Турокъ Іегія-бекъ, посланный ко мнѣ отъ пограничнаго начальника Ахалкалакской крѣпости Абдулы-бека съ письмами на тотъ случай, что нынѣшнею весною были Турками ограблены въ Красномъ лѣсу, около Цалны, нѣсколько солдатъ, бывшихъ на охотѣ и оплошно отшедшихъ отъ своихъ ружей, вслѣдствіе чего нашими караульными Татарами былъ захваченъ одинъ Турокъ, послѣ небольшой перестрѣлки въ нашихъ границахъ съ его товарищами, котораго полагали изъ числа грабителей. Онъ содержался на гауптвахтѣ, и по требованію оттуда и удостовѣренію, что онъ невиновенъ, былъ отпущенъ; но ружье его, кушакъ и шапка, какъ взятыя съ бою, остались у караульнаго взявшаго его. Іегія-бекъ просилъ о возвращеніи ему отнятыхъ вещей и привезъ ружье и вещи, ограбленныя отъ тѣхъ солдатъ, что̀ я и исполнилъ, прося Абдуллу-бека письмомъ о возвращеніи другихъ вещей и людей, угнанныхъ недавно Турками изъ кочевья.

Башкегетъ, 27 іюля. 14-го Іюля мнѣ минуло тридцать лѣтъ.

17-го я получилъ изъ Бѣлаго Ключа отъ Воейкова письмо, коимъ онъ извѣщаетъ меня о прибытіи на другой день ко мнѣ главнокомандующаго, и вызываетъ меня на встрѣчу. Немедленно по полученіи сего письма я отправился въ новую штабъ-квартиру полка Иловайскаго, гдѣ долго дожидался Алексѣя Петровича; но наконецъ узналъ, что онъ, отъѣхавъ отъ Бѣлаго Ключа 4 версты, воротился, потому что

дорога показалась ему дурна. Я возвратился въ Манглисъ, досадуя, что всѣ хлопоты, остановки въ работахъ, все было излишнее. Вслѣдъ за мною пріѣхали Сергѣевъ, Симчевскій и Воейковъ; послѣдній доставилъ ко мнѣ письмо отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ извѣщалъ меня, что за дурною погодою не пріѣхалъ ко мнѣ, а между тѣмъ звалъ меня въ Тифлисъ, дабы увѣрить меня, что новая дорога, которая идетъ отъ Кульгутинскаго поста къ Манглису лучше той, которую я уже обдѣлалъ. Новая дорога сія была еще въ прошломъ году осмотрѣна мною, и я нашелъ ее довольно хорошею, но нѣсколько кружною. Я намѣревался ее обдѣлывать; но нерѣшимость его и охота къ перемѣнамъ заставили меня отыскивать другую, которую я и нашелъ гораздо ближе и почти такую же хорошую въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ избралъ ее. Дорогу сію я обработалъ. Въ проѣздъ по ней подъ гору онъ нашелъ ее хорошею, но ѣдучи обратно на гору, она показалась ему крута, и онъ сталъ утверждать, что дорога сія хуже идущей изъ Моздока, чрезъ Крестовую гору, и приказалъ Воейкову осмотрѣть видѣнную мною въ прошломъ году. Воейковъ призналъ ее удобнѣе, и симъ онъ увѣрился, что обработанную надобно бросить, а за сію приняться. Онъ писалъ ко мнѣ также, что Воейковъ мнѣ покажетъ сію дорогу, которую я самъ Воейкову показалъ. Напрасно я увѣрялъ его, что если дорогу сію и сдѣлать, то всѣ будутъ ѣздить по обработанной уже, потому что она удобна и короче.

18-е и 19-е число я провелъ въ угощеніи прибывшихъ, а 20-го отправился съ ними на станцію къ Тифлису, гдѣ провелъ всю ночь въ шумномъ кругу, поилъ ихъ до невозможности, велѣлъ качать, стрѣлялъ изъ ружей и самъ представлялъ изъ себя человѣка въ особенности довольнаго такимъ пиромъ.

21-го я проводилъ ихъ въ Тифлисъ, гдѣ 22-го явился къ Алексѣю Петровичу. Онъ мнѣ сталъ опять о дорогѣ говорить и, видя его упорство, я согласился, что дорога сія лучше обработанной, но что я только затрудняюсь въ обдѣлкѣ одного крутаго спуска, который именно не знаю какъ обработать, чтобы онъ былъ отлогъ и лучше тѣхъ, которые на старой дорогѣ, и просилъ его о назначеніи инженернаго офицера для осмотра сего мѣста. Онъ назначилъ Боборыкина.

23-го прибылъ я въ Манглисъ, гдѣ засталъ всѣ строенія въ разореніи, и къ сожалѣнію узналъ, что въ мое отсутствіе остававшіеся офицеры не переставали гулять, пьянствовать по цѣлымъ ночамъ, причемъ даже были сдѣланы неудовольствія остававшемуся здѣсь стар-

шимъ маіору Потебнѣ, надъ женою коего ругались въ пѣсняхъ. Но нельзя вездѣ усмотрѣть, и съ таковымъ народомъ должно еще довольну быть, что чего-нибудь худшаго не случилось.

Манглисъ, 5-го Августа. Въ Башкегетѣ я засталъ все общество встревоженное и узналъ, что причиною всего сего былъ полковой адъютантъ Артемовскій, человѣкъ, который мною былъ совершенно облагодѣтельствованъ. Онъ былъ недоволенъ за то, что обѣщанное ему награжденіе корпуснымъ командиромъ въ прошломъ году еще не было имъ получено, не взирая на всѣ старанія мои доставить ему оное. На пирахъ не упущалъ онъ случая поставлять общество противъ меня и, напаивая подполковника, заставлялъ его произносить на мой счетъ, въ присутствіи всѣхъ, самыя нелѣпыя рѣчи. Мнительный нравъ мой показалъ мнѣ въ сихъ происшествіяхъ послѣдствія самыя дурныя, и потому я принужденъ былъ взять мѣры, дабы войти въ сіе дѣло и узнать сущность онаго. Я началъ съ Артемовскаго, коему сдѣлалъ выговоръ за нарушеніе порядка въ мое отсутствіе, не показывая однако никому, что мнѣ извѣстно было все сдѣланное ими противъ меня. Послѣ того я увидѣлся съ Золотаревымъ, коего весьма огорчило то, что я назначилъ къ выступленію 1-ю карабинерную роту, коею онъ командовалъ, и тѣмъ разлучалъ его съ женою Кулябки. Артемовскій подружился съ нимъ и мутилъ его, представляя ему, что я по службѣ гналъ его. Я успокоилъ Золотарева, обѣщавшись ему позволять пріѣзжать въ Башкегетъ, когда онъ отведетъ роту. Ввечеру пригласилъ я Кулябку, и послѣ долгаго разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ помнитъ весьма зло, сдѣланное ему Артемовскимъ и что всѣ дѣйствія его противъ меня, хотя и руководимыя собственнымъ огорченіемъ, но не менѣе того имѣли главную причину свою въ происках Артемовскаго. Мнѣ надобно было видѣть еще всѣхъ у себя вмѣстѣ, и потому я пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ 31-го Іюля. Все шло своимъ порядкомъ, но послѣ ужина многіе перепились, и казначей въ пьяномъ видѣ сталъ поносить маіоршу Потебню, женщину точно презрительную, но которую не должно было обижать въ моемъ домѣ. Сіе самое побудило меня его выслать изъ дома.

4-го Августа я перешелъ отъ монастыря на штабъ-квартиру, гдѣ остановился въ палаткахъ на прекрасномъ мѣстѣ, въ сосновой рощѣ. Опредѣлившійся на службу въ мой полкъ отставной артилерійскій поручикъ Романовъ ѣздилъ на дняхъ въ Тифлисъ и, возвратившись третьяго дни, извѣстилъ меня, что на Тифлисскій казачій

постъ прибыли при немъ люди Кіатъ-аги изъ Туркменіи съ жеребцомъ, кибиткою, коврами и прочими вещами, которыя ко мнѣ посылалъ Кіатъ и о коихъ я на дняхъ получилъ отъ него письмо. Онъ исполнилъ по порученію моему, данному его сыну при отъѣздѣ изъ Тифлиса, коего я просилъ о семъ, присоединивъ и двѣ львиныя шкуры. Мнѣ весьма пріятно было видѣть довѣренность и привязанность сего старика ко мнѣ, и нынѣшній случай оную весьма доказалъ.

14-го числа ввечеру я слышалъ, что пѣсельники во 2-й ротѣ пѣли послѣ работы и, желая успокоить нижнихъ чиновъ, при томъ зная, что таковыя веселія не бываютъ безъ дурныхъ послѣдствій (потому что офицеры перепьются) я оставилъ ихъ веселиться до 10 часовъ вечера, а въ 10 часовъ велѣлъ адъютанту написать къ ротному командиру поручику Житинскому записку, коею приказывалъ ему отпустить пѣсельниковъ, во уваженіе трудовъ ими переносимыхъ въ теченіе дня и предстоящихъ на другой день. Записка, заставшая офицеровъ пьяными, была сожжена, и приказано пѣть громче. Вслѣдъ за симъ я послалъ адъютанта съ приказаніемъ принести ко мнѣ шпагу поручика, а ему приказать идти на гауптвахту. И сіе не было исполнено, а пѣсельниковъ, переставшихъ пѣть, стали бить. Я пошелъ самъ уже послѣ полночи и ударилъ сборъ. Ротный командиръ вышелъ передъ ротою пьяный. Я арестовалъ его, а какъ онъ медлилъ идти на гауптвахту, я велѣлъ его силою оттащить туда, а сегодня отдаю приказъ по полку, коимъ предписываю ему удалиться изъ полка, выставя все его поведеніе передъ офицерами и всѣмъ полкомъ. Вотъ послѣдствія мѣръ снисхожденія, мною взятыхъ съ недавняго времени.

21. Вчера я простилъ Житинскаго, по просьбѣ Антонова. Призвавъ его ввечеру къ себѣ, я ему сдѣлалъ наставленіе при всѣхъ собравшихся офицерахъ; послѣ того, отдавъ ему шпагу, прочелъ приказъ написанный мною по сему случаю, но еще не отданный по полку и коимъ я ему предписывалъ удалиться изъ полка, изорвалъ его и простилъ, видя искреннее раскаяніе его, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ прапорщику Яновскому въ томъ, что онъ билъ пѣсельниковъ, дабы заставить ихъ пѣть, что онъ поступилъ не какъ добрый товарищъ, будучи самъ виновенъ: видя, что ротный командиръ его подъ наказаніемъ, не пришелъ самъ ко мнѣ и не признался въ своей винѣ, прося взысканія или прощенія.

27-го. Вчера я разговаривалъ съ Абдуллою, человѣкомъ Кіатъ-аги, привезшимъ ко мнѣ отъ него разныя вещи, и узналъ, что Якши-

Магмедъ, сынъ его, жившій при мнѣ около двухъ лѣтъ и просвѣтившійся нѣсколько узнаніемъ грамоты Русской и части Ариѳметики, не можетъ ужиться между Туркменами, коихъ находитъ глупыми, необразованными и скучными дикарями, не дающими ему свободнаго времени для занятій, которыя бы онъ продолжать хотѣлъ, что́ и содѣлываетъ ему тамошнюю жизнь несносною, а его ненавистнымъ его соотчичамъ. Судно, отвозившее его на тотъ берегъ, надѣлало тамъ безпорядки. Нашедши въ Челекенѣ одну Персидскую расшиву, лейтенантъ взялъ оную силою, говоря, что отъ правительства нашего запрещено пускать ихъ къ Туркменамъ и забралъ весь товаръ, на оной находившійся, принадлежавшій Кіату и простирающійся на сумму 10 тыс. р. асс. Кіатъ былъ въ то время удрученъ сильною глазною болѣзнію; онъ послалъ на расшиву трехъ Туркменъ въ лодкѣ просить лейтенанта, чтобы ему хотя товаръ возвратили; но лейтенантъ, увидя приближающуюся лодку, послалъ баркасъ противъ нихъ; трое Туркменъ поворотили на берегъ и убѣжали, послѣ чего онъ пустилъ изъ фальконетовъ два выстрѣла по кочевью, изъ коихъ одно ядро упало у самой кибитки Кіата и чуть не убило меньшаго сына его, хотѣвшаго выдти изъ оной. Туркмены, собравшіеся къ Кіату по сему случаю, упрекали его въ дружбѣ съ нами и требовали мщенія; но онъ запретилъ имъ сіе, обѣщавъ имъ возвратить всѣ пропавшіе товары ходатайствомъ у главнокомандующаго, чѣмъ и усмирилъ ихъ. Вмѣстѣ съ отправляющимся обратно судномъ онъ написалъ два письма, одно къ Алексѣю Петровичу, а другое ко мнѣ, съ объясненіемъ сего обстоятельства; но я письма сего не получалъ, почему и полагаю, что лейтенантъ, сдѣлавшій сіе наспіе, опасаясь, чтобъ извѣстія о семъ не дошли до главнокомандующаго, истребилъ письма. Теперь, узнавъ о семъ, я опишу все происшествіе Алексѣю Петровичу, дабы виновники, разстроивающіе доброе согласіе между нами и Туркменами, пріобрѣтенное толикими трудами, не остались безъ должнаго взысканія.

Абдулла также сказывалъ мнѣ о болѣзни, появившейся на Челекенѣ по отплытіи судна, которая въ теченіи 15 дней унесла изъ числа 300 душъ 47. По описанію должна быть холера: люди, поутру заболѣвшіе, къ вечеру умирали съ сильною рвотою и поносомъ, имѣя на лицѣ признаки человѣка изнуреннаго шестимѣсячною болѣзнію. Онъ также сказывалъ мнѣ объ одномъ случаѣ, доказывающемъ строгость правовъ, сохранившуюся между Туркменами. Послѣ послѣдняго моего путешествія въ Туркменію на берегахъ Оокъ, одинъ молодой Туркменъ, недавно женившись, сталъ жить особо съ молодою женою своею въ кочевьѣ и снаряжать себѣ кибитку. Замѣтивши, что одинъ молодой

человѣкъ былъ въ любовной связи съ его женою, онъ вознамѣрился застать ихъ вмѣстѣ, уличить и наказать. Для сего удалился онъ однажды ввечеру изъ кочевья, приказавъ женѣ снабдить его хлѣбомъ на нѣсколько дней и говоря, что онъ идетъ въ дальнее кочевье для отысканія пропадшаго верблюда. Ночь была мѣсячная. Удалившись съ нѣкоторыми товарищами, которыхъ онъ взялъ въ свидѣтели, за бугоръ, онъ замѣтилъ входящаго въ кибитку его любовника его жены. Въ полночь онъ возвращается со свидѣтелями къ своей кибиткѣ и велитъ женѣ отпереть двери; она притворяется не узнавшею голоса его и медлитъ, дабы дать время любовнику спрятаться. Любовникъ становится у самаго входа, дабы поспѣшнѣе выбѣжать. Мужъ, не дожидаясь долго, вламывается въ дверь съ обнаженною саблею и, увидя соперника своего, убиваетъ его, а въ слѣдъ за симъ и жену свою при свидѣтеляхъ, послѣ чего беретъ бандуру, садится у порога своей кибитки и всю ночь въ радостномъ изступленіи поетъ пѣсни. Едва утренняя заря освѣтила окрестности, какъ онъ беретъ трупы убіенныхъ имъ и вѣшаетъ ихъ за ноги по обѣ стороны верблюда, на котораго самъ садится съ бандурою и съ пѣснями влачитъ любовниковъ по всему кочевью, въ присутствіи всего собравшагося народа, послѣ чего онъ отправился такимъ же образомъ въ другое кочевье къ родителямъ жены его и бросилъ у дверей кибитки ихъ трупъ ея, сдѣлалъ тоже самое и съ трупомъ любовника, котораго отвезъ къ дому его родителей. И никто не смѣлъ вступиться за убитыхъ, ни родители, ни пріятели ихъ; отъ того, что мужъ засталъ ихъ при свидѣтеляхъ, а убилъ обонхъ вмѣстѣ. Если же бы онъ убилъ только одного изъ двухъ, то, по обычаямъ Туркменъ, цѣлый родъ умерщвленнаго сталъ бы мстить ему и, кровь за кровь, уничтожился бы который нибудь изъ двухъ родовъ.

Манглисъ, 11-го Сентября. 29-го Августа, я поѣхалъ въ Тифлисъ, дабы отправить Абдуллу къ Кіату, обратно въ Туркменію, что́ и исполнилъ, послав подарковъ Кіату, и поручилъ находящемуся въ Бакѣ Вартану Хачетуровичу послать къ нему еще 125 четвертей хлѣба. О поступкѣ же морскихъ офицеровъ съ нимъ я писалъ къ Воейкову, дабы онъ довелъ оный до свѣдѣнія Алексѣя Петровича.

Въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ ко мнѣ изъ Ленкорана новый священникъ, изъ 45-го флотскаго экипажа, Тимоѳей Никитинъ, переведенный ко мнѣ въ полкъ по желанію моему и его собственному, съ которымъ я вмѣстѣ 8-го числа выѣхалъ изъ Тифлиса обратно въ Манглисъ, гдѣ безпрерывные проливные дожди много препятствовали успѣхамъ въ работахъ.

Корпусный командиръ, отыскивая новую дорогу съ линіи въ Грузію, долженъ къ 15 числу сего мѣсяца прибыть въ селеніе Тиби, куда полковникъ Поповъ выступилъ съ 1000 ч. пѣхоты и 4 орудіями, для соединенія съ Алексѣемъ Петровичемъ, который выступилъ съ отрядомъ изъ Кабарды и долженъ придти въ горы, вмѣстѣ съ Поповымъ.

24-го уѣхалъ отсюда прежній священникъ Лука Савинъ въ Тифлисъ, для слѣдованія въ Астрахань. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга поручикъ князь Орбеліанъ моего полка, который, намѣреваясь служить въ гвардіи, выходитъ въ отставку. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Мадатовымъ, женившимся на Саблуковой въ Тифлисѣ.

Октября 11-го.—9-го я прибылъ ночевать въ Пріютино, а 10-го явился къ корпусному командиру. Вчера было ровно восемь лѣтъ какъ мы сюда прибыли въ Грузію съ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ праздновалъ день сей и былъ очень веселъ. Я воспользовался симъ, чтобы выпросить у него прощеніе шт.-кап. Калантарову, моего полка, который былъ отданъ подъ судъ за произведенный имъ безпорядокъ и драку въ саду на дняхъ, гдѣ онъ изорвалъ мундиръ на одномъ полицейскомъ офицерѣ. Случай сей, въ коемъ болѣе участвовалъ одинъ выключенный изъ службы офицеръ, былъ еще первый такого рода, встрѣтившійся съ Колонтаровымъ, который смирный малый, хорошаго поведенія и нечаянно попался въ такое дѣло. Онъ дожидался только Сентября мѣсяца, чтобы проситься въ гарнизонъ, не чувствуя себя, по ограниченнымъ способностямъ своимъ, въ силахъ командовать ротою, отъ которой онъ и отказался въ прошломъ году, когда я ему хотѣлъ поручить оную. Послѣ долгаго сопротивленія корпусный командиръ, наконецъ, согласился и простилъ ему.

Тифлисъ, 12-го. Я былъ поутру у князя Мадатова, гдѣ увидѣлся съ женою его, родственницею моею. Она была весьма рада меня увидѣть, не имѣя никого здѣсь ближнихъ. Она чувствовала, какъ изъ словъ ея замѣтить можно, несообразность супружества своего, получивъ воспитаніе отличное и живши всегда при дворѣ, быть супругою человѣка необразованнаго какъ князь Мадатовъ. Новое родство мое съ нимъ нѣсколько сблизило насъ, и онъ вчера, отведши меня въ сторону, объявилъ мнѣ данное ему порученіе отъ сестры жены его Бакуниной, дабы сказать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ для женитьбы на Н. Н. Мордвиновой, коей родители и она сама теперь соглашаются выдти за меня. Онъ мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ отпускъ для сего, говоря, что Бакунина не могла сего иначе сдѣлать какъ по порученію

самого адмирала. Я отвѣчалъ ему, что состояніе мое и отца моего не позволяетъ мнѣ предпринять сего путешествія и сдѣлать свадьбу въ столицѣ; при томъ же, желая увѣриться въ томъ, что я и нынѣшній разъ также не буду обманутъ, я полагалъ бы мнѣніемъ своимъ, что гораздо лучше было бы адмиралу пріѣхать на будущее лѣто къ водамъ Кавказскимъ со своимъ семействомъ, и тогда бы я самъ выѣхалъ туда же, и дѣло сіе совершилось бы. Мадатовъ находилъ сіе затруднительнымъ, и потому я предложилъ другое средство, чтобы адмиралъ пріѣхалъ въ свои Крымскія деревни, куда бы и я пріѣхалъ.

14-го. Умеръ поутру подполковникъ Пономаревъ, оставивъ по себѣ семейство, состоящее изъ пяти дочерей, двухъ сыновей, жены и тещи, въ крайней бѣдности. Сіе самое побудило меня съ Поповымъ сдѣлать подписку для нихъ: я далъ 600 р. асс., Поповъ 500 и, проведя вечеръ у Попова, мы впятеромъ собрали 2300 р., для вспоможенія имъ. Я просидѣлъ у Попова до 6-го часу утра; мы провели ночь довольно дурно и выпили множество Шампанскаго вина, такъ что сегодня, вставши въ половинѣ 11-го часа, я почувствовалъ себя весьма нездоровымъ.

15-го. Ввечеру я ѣздилъ прощаться съ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ тронулъ меня описываніемъ своего состоянія и того, на что онъ можетъ считать когда выйдетъ въ отставку. Онъ счелъ мнѣ доходы свои и сказалъ, что будетъ жить въ Крыму и заниматься воспитаніемъ своихъ двухъ сыновей.

Манглисъ. 1-го Ноября я перешелъ въ домъ свой, не желая болѣе подвергать здоровья своего непостоянству климата и далѣе испытывать терпѣніе свое на морозѣ, уже нѣсколько дней продолжающемся и весьма ощутительномъ, живши на дворѣ въ палаткахъ. Дней пять тому назадъ, я началъ учиться погрузински, единственно для того, что мнѣ весьма легко будетъ выучиться сему языку и чтобы не упрекать себя въ томъ, что живу болѣе восьми лѣтъ между народомъ, коего языку не выучился. Домъ мой, хотя я въ немъ и ночевалъ сегодня, еще не совсѣмъ готовъ; я занимаю двѣ маленькія комнаты, которыя только осталось окрасить, прочія же должны также въ скоромъ времени поспѣть.

12-го. Пріѣхавшій изъ Тифлиса пор. Ляшевскій сказалъ мнѣ, что 8-го числа сего мѣсяца кап. Боборыкинъ застрѣлился, будучи въ домѣ у полковника Давыдова. Онъ сдѣлалъ сіе при женѣ его, которая вбѣжала въ комнату, услышавши пистолетную осѣчку, и застала его,

когда онъ уже другимъ пистолетомъ застрѣливался. Она сама упала безъ чувствъ отъ испуга и долго была въ такомъ положеніи, пока ее привели къ жизни. Если справедливо все сказанное мнѣ, то нельзя не порицать Боборыкина въ поступкѣ, который можно назвать безчестнымъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ сіе въ домѣ, въ коемъ былъ принятъ ласково и дружески; но слухи сіи могутъ быть несправедливы.

17-го. Желая доставить Воейкову пріятное, я велѣлъ нарядить пѣсельниковъ въ одежду больныхъ и пригласить имъ его къ себѣ на обѣдъ, по случаю недавняго перенесенія въ новое строеніе полковаго лазарета. Обманъ хорошо удался. Воейковъ точно счелъ ихъ за больныхъ, и когда мы сѣли обѣдать въ лазаретѣ, то мнимые больные встали со своихъ коекъ и стали въ перевязкахъ своихъ и халатахъ пѣть и плясать. Угостивши его такимъ образомъ въ лазаретѣ, я хотѣлъ подобный же сему праздникъ дать ему на обработывающейся вновь дорогѣ между Татарами, но 20 числа получилъ отъ главнокомандующаго предписаніе по летучей картѣ съ полученія сего прибыть въ Тифлисъ, собравшись такъ, чтобы на нѣкоторое время отъѣхать въ Караклисъ и Гумры. Не зная причины столь внезапнаго и неожиданнаго требованія, я долженъ былъ торопиться выѣхать, тѣмъ болѣе, что летучая карта сія была уже три дни въ дорогѣ, потому что она была отправлена черезъ Бѣлый Ключъ и Цалну. И такъ по полученіи оной чрезъ нѣсколько часовъ я собрался въ дорогу и того же дня выѣхалъ съ Воейковымъ и ночевалъ на Пріютинскомъ посту, куда были высланы напередъ пѣсельники и стрѣлки. 21-го числа, не доѣзжая 23 верстъ Тифлиса, лошади понесли повозку, въ которой я съ Воейковымъ сидѣлъ. Такъ какъ онѣ несли къ канавѣ, въ которую бы повозка опрокинулась, я рѣшился спрыгнуть, и сдѣлалъ сіе такъ несчастливо, что ушибъ себѣ очень крѣпко лѣвую ногу. По пріѣздѣ въ Тифлисъ боль такъ усилилась, что я во всю первую ночь не могъ глазъ сомкнуть. Я остановился на квартирѣ Воейкова. Замѣчая, что я ему мѣшалъ (ибо ко мнѣ ходило множество народа, притомъ же больное состояніе мое должно было его безпокоить, что̀ онъ показывать совѣстился) я рѣшился перейти отъ него и на третій день ввечеру, какъ мнѣ уже полегче было, я перешелъ на свою старую квартиру къ князю Бебутову, гдѣ пробылъ до 2-го числа сего мѣсяца, не въ состояніи будучи двигаться безъ костылей. Алексѣй Петровичъ провелъ у меня одинъ вечеръ и былъ очень веселъ и доволенъ. Я хотѣлъ было проводить время свое у Мадатовой, предпочитая хотя съ трудомъ выѣхать со двора, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ (ибо докучливые гости съ утра до вечера не оставляли меня), но она была столь

осторожна, что сказалась больною для того единственно, чтобы заставить меня не выѣзжать и тѣмъ предохранить ногу мою отъ бо́льшей боли. И такъ я провелъ въ Тифлисѣ 13 скучныхъ, безпокойныхъ и несносныхъ дней, и я издержалъ въ сіе время близъ 1000 р. на подчиванье и Шампанское вино, отъ коего отдѣлаться возможности нѣтъ.

1-го Декабря, наканунѣ выѣзда моего, я былъ у Алексѣя Петровича и просилъ его, кажется, съ успѣхомъ, о представленіи маіора Гладкова-Сацкаго въ подполковники. И такъ поѣздка моя была не совсѣмъ излишнею; а ушибъ ноги, отъ котораго надѣюсь скоро выздоровѣть, избавилъ меня отъ дальней и весьма непріятной поѣздки на границу, куда меня хотѣли послать, кажется, для размежеванія оной.

5-го пріѣхалъ сюда поручикъ Рудневъ, недавно опредѣленный въ мой полкъ изъ 15-го егерскаго. Ввечеру, приказавъ казначею достать у Артемовскаго расходную тетрадь его, я записалъ ему 6-мъ числомъ въ оную, безъ его вѣдома, на приходъ 500 рублей, желая симъ показать ему мое вниманіе за его усердіе къ службѣ, подарить его въ день моего ангела и поддержать какъ человѣка, коего женатое состояніе требуетъ большихъ расходовъ.

6-го поутру, при собраніи всѣхъ господъ, въ штабъ-квартирѣ находящихся, сдѣлано было освященіе дома моего, и служили молебенъ для дня ангела моего. Къ обѣду собрались также всѣ господа, а ввечеру былъ балъ, на коемъ присутствовали полковыя наши жены. Къ сему случаю пріѣхалъ изъ Тифлиса Цинамсваровъ. Послѣ ужина, когда остались одни мущины, желая повеселить господъ по ихъ обычаю, я сдѣлалъ такъ называемое ими гулянье, т. е. пьянство, но съ нѣкоторою умѣренностью, и былъ до 5 часовъ утра свидѣтелемъ ихъ шумной радости. И такъ я провелъ день сей не для своего удовольствія, а въ угожденіе сослуживцамъ своимъ, не знающимъ другаго веселія и принявшимъ сіе угощеніе мое съ нелицемѣрнымъ удовольствіемъ.

8-го я писалъ къ Мордвинову длинное письмо, коимъ, увѣдомляя его о сказанномъ мнѣ княземъ Мадатовымъ, объявлялъ рѣшительно, что иначе не могу согласиться на женитьбу съ дочерью адмирала, какъ въ такомъ только случаѣ, если онъ пріѣдетъ въ Крымскія свои деревни, куда бы и я выѣхалъ, и женившись увезъ бы ее въ Грузію, не имѣя средствъ ни предпринять путешествіе, ни жить въ Россіи; но врядъ ли они согласятся на сіе, и я не вижу, чтобы давнишнее мое намѣреніе когда-нибудь сбылось.

Командиръ 2-го батальона Гладкій-Сацкій объявилъ мнѣ, что, желая угостить меня 13-го числа сего мѣсяца (потому что онъ слышалъ, что я сей день праздную освобожденіе мое изъ Хивы), онъ пригласилъ господъ на подписку для сего угощенія, что всѣ было подписались, но когда листъ сей дошелъ до Артемовскаго, то онъ обидѣлся тѣмъ, что женатыхъ хотѣли особенно пригласить къ сему (чѣмъ именно намѣревались ему болѣе чести сдѣлать). Въ присутствіи фельдфебелей ввечеру, при отданіи приказанія, онъ объявилъ гласно, что ни онъ, ни жена его не будутъ на семъ собраніи, въ обидныхъ выраженіяхъ для маіора Гладкаго-Сацкаго и, созвавъ офицеровъ 1-го баталіона, здѣсь находящихся, онъ представилъ имъ, что ихъ обидѣли офицеры 2-го баталіона тѣмъ, что не пригласили на совѣщаніе для устроенія сего праздника, и пригласилъ ихъ всѣхъ выскоблить свои подписи. Отпустивши Гладкаго-Сацкаго, я послалъ за Артемовскимъ и распросилъ его. Оказалось все сказанное справедливымъ; онъ полагалъ еще себя правымъ. Я не могъ вступиться въ сіе дѣло, потому что я лично былъ въ оное замѣшанъ, и казалось бы, какъ будто я напрашиваюсь на оную. Желая прекратить всякую ссору между офицерами, я было отказался отъ сего угощенія; но Михаилъ Антоновичъ представилъ мнѣ, что желавшіе отъ усердія своего мнѣ доставить пріятный вечеръ ничѣмъ не были виновны, и я согласился принять угощеніе офицеровъ 2-го баталіона. Офицеры же 1-го баталіона, сожалѣя о своемъ поступкѣ, не знаютъ теперь, какъ поправить его. Слѣдовало бы выставить зачинщика передъ цѣлымъ обществомъ, а именно Артемовскаго; но я не могу сего сдѣлать, ибо не долженъ бы и знать о семъ происшествіи. А потому я оставилъ сіе до перваго удобнаго случая, который вѣроятно въ скорости представится.

12-го Артемовскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, имъ совращенныхъ, отправился къ маіору Гладкому-Сацкому, просилъ у него прощенія и позволенія участвовать въ даваемомъ мнѣ праздникѣ, и получилъ оное; послѣ чего маіоръ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня также оставить сіе, на что̀ и я согласился, не находя нужнымъ въ такомъ случаѣ продолжать распрю, а прекративъ ее со временемъ выставить виновныхъ. Ввечеру я служилъ молебствіе въ своей комнатѣ, не полагая, чтобы мнѣ на другой день дали съ усердіемъ совершить сей долгъ.

13-го поутру собрались ко мнѣ всѣ офицеры и просили выдти къ параду, для сего дня приготовленному. Маіоръ командовалъ и сдѣлалъ небольшое баталіонное ученіе на площади. За симъ данъ мнѣ былъ обѣдъ офицерами, послѣ котораго всѣ ѣздили со мною прогули-

ваться, а ввечеру былъ данъ балъ, и на площади былъ дѣланъ щитъ съ моимъ вензелемъ, при чемъ пальба и крики ура сопровождали всеобщее веселіе. Всякій желалъ отъ чистаго сердца, какъ мнѣ казалось, доставить мнѣ удовольствіе; пили замое здоровье, веселились какъ могли. Праздникъ сей кончился 14-го въ 4-мъ часу утра, и имъ пресѣклись всѣ неудовольствія и ссоры между офицерами.

18-го ввечеру меня настигла необыкновенная тоска. Собравъ нѣсколько изъ офицеровъ, я старался съ ними развеселиться и провелъ вечеръ вмѣстѣ; за симъ остался у меня священникъ, съ коимъ я просидѣлъ до 1-го часа утра.

Манглисъ, 23-го. О случившемся со мною непріятномъ происшествіи пишу здѣсь, для большей предосторожности на будущее время. Мѣсяца два тому назадъ какъ я просилъ рапортомъ губернатора о нарядѣ 66 подводъ, для перевезенія изъ Башкегета оставшагося тамъ заготовленнаго сухаго лѣса, для построенія полковаго обоза, на что̀ въ отвѣтъ получилъ отношеніе довольно грубое и колкое, коимъ онъ предлагалъ мнѣ разсчитать сколько мнѣ уже дано подводъ. Я получилъ оное на Пріютинѣ въ слѣдованіи въ Тифлисъ, гдѣ ушибъ себѣ ногу. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Тифлиса, я съѣздилъ съ трудомъ къ губернатору и, объяснившись съ нимъ на счетъ сей бумаги, показалъ ему желаніе, чтобы онъ ее назадъ взялъ; но онъ по глупости своей не понялъ моего намеканія и отвѣчалъ мнѣ: Что̀ же дѣлать? По службѣ нельзя иногда избѣжать неудовольствій. По возвращеніи сюда я написалъ къ нему рапортъ, что въ исчисленіе тягостей, переносимыхъ жителями, я входить не въ правѣ, потому что сіе есть его дѣло, а что я удовольствовался бы и просто отказомъ его безъ всякихъ околичностей. Въ сіе самое время случились здѣсь морозы, такъ что мельницы не успѣвали перемалывать нужнаго количества муки. Я просилъ немедленно Борчалинскаго пристава, чтобы онъ присылалъ мнѣ поставляемый жителями хлѣбъ въ магазинъ мукою, на что̀ и получилъ отвѣтъ, что хотя онъ и не можетъ сего вдругъ сдѣлать, по случаю замерзанія воды на мельницахъ и въ дистанціи, но по немногу можетъ доставлять ко мнѣ муку. Между тѣмъ, дабы болѣе обезпечить себя продовольствіемъ, не полагаясь совершенно на пристава, я писалъ въ коммисіонерство и въ штабъ, прося о высылкѣ 300 четвертей муки ко мнѣ изъ Тифлисскаго магазина. Въ отвѣтъ получилъ я, что коммисіонерство сдѣлало уже свое распоряженіе и просило губернатора о высылкѣ подводъ. Въ отвѣтъ на мой рапортъ губернатору, я получилъ два отношенія 20 числа, коими первымъ отзывается самымъ

пустымъ образомъ на счетъ нарядовъ подводъ, а другимъ (еще болѣе свидѣтельствующимъ объ ограниченности ума своего) извѣщаетъ меня, что вмѣстѣ съ симъ предписалъ онъ не посылать ко мнѣ муки, а хлѣбъ зерномъ, что̀ онъ сдѣлалъ по личному своему неудовольствію на меня. Готовясь на другой день писать къ нему, я получилъ отъ корпуснаго командира повелѣніе, коимъ, находя меня виновнымъ въ томъ, что не было здѣсь заблаговременно запасено муки и находя, что дороги къ Манглису непроходимы для обывательскихъ быковъ, предписывалъ мнѣ прислать за сими 300 четвертей муки своихъ лошадей. Мнѣ весьма прискорбно было видѣть обвиненіе, сдѣланное безъ всякаго изслѣдованія дѣла и по однимъ вѣроятно пустымъ и неосновательнымъ отзывамъ губернатора, не хотѣвшаго дать подводъ, дабы болѣе отмстить мнѣ. Я написалъ было вчера рапортъ къ А. П., коимъ объяснялъ все дѣло, но послѣ перемѣнилъ его, подумавъ, что сіе можетъ возродить новыя неудовольствія, и отложилъ оправданіе мое до личнаго съ нимъ свиданія, чему теперь препятствуетъ больная нога моя. Я написалъ ему только, что теперь уже не предстоитъ надобности въ сей мукѣ, ибо предварительными распоряженіями моими и случившеюся оттепелью предупрежденъ недостатокъ въ мукѣ. Но сегодня и сей рапортъ не послалъ, а послалъ къ Воейкову съ объясненіемъ дѣла.

Манглисъ, 25-го. Сегодня я получилъ письмо отъ Воейкова, коимъ онъ извѣщаетъ меня, что А. П. былъ недоволенъ на меня тѣмъ, что губернаторъ сказалъ ему, что я обратилъ назадъ 1000 четвертей пшеницы, привезенныя ко мнѣ жителями, чего никогда не бывало. Онъ по сему случаю зоветъ меня въ Тифлисъ для объясненія лично, и я завтра ѣду въ Тифлисъ, не взирая на свою больную ногу, дабы оправдать себя въ налганномъ на меня губернаторомъ. Сегодня былъ здѣсь парадъ изъ 2-го баталіона по 6-ти взводовъ каждый, а послѣ того молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ на площади передъ домомъ моимъ. За симъ обѣдъ у меня, и теперь продолжается вечеринка, на которой находятся всѣ офицеры. Со мною ѣдетъ священникъ нашъ, который по прибытіи сюда заболѣлъ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Воейкова, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что примиреніе мое съ губернаторомъ не удастся; и такъ я самъ ѣду рѣшить дѣло сіе лично въ Тифлисѣ.

27-го я пріѣхалъ въ Тифлисъ и явился къ Алексѣю Петровичу, коему объяснилъ причины недостатка въ мукѣ, представляя ему, что на Манглисѣ казенныхъ мельницъ не имѣется. Онъ отмѣнилъ присылку лошадей моихъ за провіантомъ въ Тифлисъ, по тому случаю, что я управился съ перемоломъ провіанта. Вчера я былъ у губернатора и

съ нимъ также помирился. И такъ, кончивши дѣла свои, я сегодня былъ опять у А. П. и, переговоривъ о мельницахъ, не замѣтилъ въ немъ никакого неудовольствія на меня. Отобѣдавши у губернатора, я позвалъ его къ себѣ, и миръ водворился между нами лучше еще прежняго.

Манглисъ, 2 Генваря 1825. 30-го Декабря выѣхалъ я изъ Тифлиса и прибылъ ночевать въ Пріютино, откуда выѣхалъ 31-го и пріѣхалъ сюда. 31-го собрались ко мнѣ на вечеръ всѣ офицеры, и мы встрѣтили въ 12 часовъ ночи новый годъ вмѣстѣ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XXI.

Назначеніе помощникомъ къ князю Бебутову и отношенія къ нему.—Сраженіе при Кюрюкъ-Дара.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Отношенія къ генералу Реаду.—Участіе въ освобожденіи плѣнныхъ Грузинскихъ княгинь.—Письмо князя Орбельяна.—Назначеніе генерала Муравьева главнокомандующимъ.—Предшествующая ему молва.—Извѣстіе о кончинѣ императора Николая.—Отношенія къ Муравьеву.—Эпизодъ съ письмомъ князя Мирскаго.—Недовольство своимъ положеніемъ и выѣздъ въ Петербургъ.—Прощальное письмо князя Орбельяна.

Имѣя въ виду преклонный возрастъ и слабое здоровье князя Бебутова, императоръ Николай былъ весьма озабоченъ выборомъ генерала для замѣны Бебутова, въ случаѣ его болѣзни или смерти. Поэтому онъ писалъ къ князю Воронцову, что кромѣ Лидерса и Сакена не имѣетъ никого въ виду; но Лидерса не желалъ бы отпускать съ Дуная, гдѣ онъ можетъ замѣнить князя Горчакова. „На сей вопросъ обращаю твое особое вниманіе“, прибавилъ Государь (письмо отъ 4-го Января 1854 г.). Князь Воронцовъ отвѣчалъ на это 18-го Января 1854 г., что „считаетъ совершенно способнымъ командовать корпусомъ на Турецкой границѣ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго; военныя достоинства его здѣсь всѣмъ и, смѣю думать, Вашему Величеству извѣстны. Онъ пріобрѣлъ большой опытъ и въ военномъ дѣлѣ вообще, и въ познаніи края, и пользуется общею довѣренностью“. Императоръ утвердилъ выборъ князя Воронцова, но съ тѣмъ, чтобы князь Барятинскій находился при Бебутовѣ съ самаго открытія кампаніи. „Поздно и неосторожно было бы, прибавилъ Государь, выслать Барятинскаго тогда только, когда несчастіе случилось бы уже съ Бебутовымъ“. Вслѣдствіе этого, князь Воронцовъ, еще до выѣзда изъ Тифлиса,

назначилъ князя Барятинскаго помощникомъ князю Бебутову, и въ Маѣ 1854 года князь Александръ Ивановичъ уѣхалъ въ Александрополь. Въ это время, по личному повелѣнію Государя, военный министръ князь В. А. Долгоруковъ настойчиво писалъ въ Тифлисъ и требовалъ скорѣйшаго, рѣшительнаго наступленія на непріятеля: а между тѣмъ генералъ Реадъ, 7-го Іюля № 267, послалъ князю Долгорукову копію съ рапорта къ нему князя Бебутова отъ 28-го Іюня № 109, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: Турки хотятъ его заманить къ Карсу, но онъ не пойдетъ, ибо это отдалитъ его отъ Гурійскаго отряда, и всѣ выгоды тамъ будутъ на сторонѣ непріятеля. Затѣмъ, по слухамъ, Австрія выступаетъ противъ насъ, вынудила наши войска отступить къ Серету, и это даетъ Англо-Французамъ возможность предоставить защиту Европейской Турціи Австрійцамъ: сами же они вѣроятно пойдутъ въ Батумъ, и тогда намъ придется очень плохо. Александропольскому отряду уже не до наступленія будетъ, а останется подумать объ успленіи гарнизоновъ Эривани и Александрополя, да на Цалкѣ защищать дороги въ Тифлисъ".

Прочитавъ эту бумагу, Николай Павловичъ, недовольный предшествовавшими преувеличенными страхами и предположеніями Тифлисскаго штаба, написалъ собственноручно: „Скверно! Писалъ это вѣроятно не князь Бебутовъ, а князь Барятинскій. Боюсь, что никакого толку не будетъ". Въ тоже время было получено въ Петербургѣ донесеніе Ханыкова изъ Персіи совершенно успокоительнаго свойства, и Государь на немъ написалъ: „если эти свѣдѣнія справедливы, то еще менѣе понятно и извинительно бездѣйствіе Бебутова".

Военный министръ, вслѣдствіе этого, написалъ Реаду, что Государь съ крайнимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что князь Бебутовъ не только не предпринимаетъ рѣшительныхъ дѣйствій, но явно устремляетъ свои виды и соображенія не впередъ, а назадъ, и заботится объ отступленіи его корпуса. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Андрониковъ только что два раза разбилъ Турокъ въ Гуріи, а по донесеніямъ Ханыкова въ Турецкой арміи болѣзни, смертность, побѣги и упадокъ духа; наша медленность и непредпріимчивость только въ ихъ пользу.

Вскорѣ Императору пришлось пріятнымъ образомъ убѣдиться, что онъ напрасно такъ думалъ о князѣ Барятинскомъ, вовсе не участвовавшемъ въ составленіи рапорта князя Бебутова; (авторомъ письма былъ, если не ошибаюсь, генералъ-маіоръ Невѣровскій).

Отношенія князя Александра Ивановича съ Бебутовымъ были все время, безъ измѣненія, хороши; но можно ли чувствовать себя удобно и проявить мѣру своихъ способностей въ положеніи помощника, безъ опредѣленнаго круга дѣйствій, правъ и обязанностей? Для самостоятельнаго военнаго человѣка подобное положеніе непріятно и вредно, какъ ему лично, такъ и самому дѣлу. Князь же Бебутовъ, хотя по профессіи военный, умный и образованный человѣкъ, былъ въ сущности хорошій администраторъ, умѣлъ говорить съ солдатами, заботился объ нихъ, достойно и любезно обращался съ офицерами, но военному дѣлу, въ болѣе обширномъ смыслѣ, былъ чуждъ. Не взирая на блистательную побѣду, одержанную имъ 19-го Ноября при Башъ-Кадыклярѣ, въ немъ все-таки преобладала нѣкоторая нерѣшительность.

Александропольскій дѣйствующій отрядъ составляли: 19-ти батальоновъ (изъ которыхъ девять отличныхъ, старыхъ Кавказскихъ и десять 18-й дивизіи, недавно прибывшихъ изъ Россіи, въ бою не испытанныхъ), 26 эскадроновъ драгунъ, три казачьи полка, 12 сотенъ милиціи, съ 74 орудіями, всего около 19 съ пол. тыс. человѣкъ; драгуны и казаки прекрасные, артилерія отличная. У непріятеля было съ начала 30, послѣ 40 батальоновъ, съ массою конницы. Несмотря на такое неравенство силъ, мы, благодаря великому качественному превосходству нашихъ войскъ, уже доказанному на опытѣ, могли разбить Турокъ на голову, гдѣ и когда угодно. Тѣмъ не менѣе, мы не открывали наступленія, хотя Императоръ не переставалъ настаивать на движеніи впередъ.

Наконецъ, князь Бебутовъ рѣшился и выступилъ за 30 верстъ отъ Александрополя къ селенію Кюрюкъ-Дара, гдѣ и расположился лагеремъ. Верстахъ въ 18-ти впереди стоялъ Турецкій Муширъ-Зарифъ-Мустафа-паша, съ 60-тысячною Анатолійскою арміею. Его окружали многіе иностранные офицеры разныхъ націй. Съ половины Мая онъ уже сосредото-

чилъ здѣсь свои войска, все собирался открыть наступательныя дѣйствія, поѣдалъ свои запасы и, наконецъ, рѣшился оставить свою позицію, но неизвѣстно собственно съ какою цѣлью.

Узнавъ объ этомъ вечеромъ 23-го Іюля, князь Бебутовъ приготовилъ отрядъ свой къ движенію, съ цѣлью, или отрѣзать Туркамъ путь къ Карсу, если они туда пойдутъ, или встрѣтить ихъ въ полѣ, если они вздумаютъ насъ атаковать.

Устроивъ ночью вагенбургъ, въ которомъ оставлены тяжести и ранцы (отрядъ, всего около 18-ти тысячъ человѣкъ) предъ разсвѣтомъ двинулся къ деревнѣ Мешко, близъ которой пересѣкается дорога въ Карсъ. Когда разсвѣло, стало очевиднымъ, что Турки хотятъ насъ атаковать, угрожая нашему лѣвому флангу, съ цѣлью отрѣзать отъ вагенбурга и Александрополя. Пришлось намъ не атаковать самимъ, а отбивать атаку непріятеля, сражаясь въ избранныхъ имъ условіяхъ, для насъ невыгодныхъ. Въ такомъ оборотѣ дѣла нельзя было не винить все начальство отряда.

Князь Барятинскій осмотрѣлъ подробно мѣстность между Кара-Яйлы и Ходжа-Вали; она оказалась гористою, со скатомъ горы Малой-Ягны; въ разныхъ направленіяхъ тянулся рядъ пологихъ возвышеній и неглубокихъ лощинъ. Рѣшено было часть войскъ отдѣлить для отпора непріятелю у Кара-Ягны (нашъ лѣвый флангъ); другою, главною, дѣйствовать въ центрѣ, а остальною, меньшею, удерживаться до времени на правомъ флангѣ; послѣ же, усплившись, ударить здѣсь на непріятельскій лѣвый флангъ. Для направленія войскъ, согласно этому, поѣхалъ князь Барятинскій.

Въ 5-ть часовъ утра непріятель стремительно атаковалъ нашъ лѣвый флангъ; направленная туда пѣхота еще не успѣла подойти: тамъ пока геройски отбивались Нижегородскіе и Тверскіе драгуны, съ конной артилеріей. Бой былъ жестокій; двѣ трети драгунъ уже выбыли изъ строя; два наши орудія были захвачены Турками; въ эскадронахъ оставалось по 40 человѣкъ; нѣкоторые, совсѣмъ безъ офицеровъ, продолжали отчаянно бросаться на непріятельскіе батальоны... Наконецъ, подошла пѣхота, но усталые отъ быстраго движенія батальоны 18-й дивизіи, новички въ бою, не могли рѣшительно

ударить на непріятеля. Командовавшій ими генералъ Бѣлявскій счелъ необходимымъ начать отступленіе...

Минута была критическая. Сраженіе могло почти считаться проиграннымъ. Въ это время князь Барятинскій поистиннѣ проявилъ всю силу своего военнаго таланта. Онъ угадалъ, что прорывомъ непріятельскаго центра можно дать дѣлу другой оборотъ и, не теряя времени, двинулъ отборные батальоны Грузинскаго и Эриванскаго полковъ, въ колоннахъ, къ атакѣ на непріятельскій центръ.

Съ артилеріею въ интервалахъ, молча, пошли эти безподобные батальоны впередъ. Не взирая на жестокій огонь изъ 36 орудій, на градъ штуцерныхъ пуль, выпускаемыхъ сосредоточенными здѣсь Турецкими стрѣлковыми батальонами, гренадеры продолжали наступать; въ полуверстѣ отъ непріятеля остановились, дали нашимъ батареямъ послать Туркамъ нѣсколько залповъ ядеръ и гранатъ, и опять пошли. Три Турецкихъ стрѣлковыхъ батальона выбѣжали впередъ и осыпали насъ тучею пуль изъ штуцеровъ. Это не остановило гренадеръ. Оставалось шаговъ двѣсти; наши барабаны забили наступленіе, гренадеры перекрестились, взяли на руку, и черезъ нѣсколько мгновеній начался рукопашный, кровавый бой, который едва ли бы выдержать и не Туркамъ.

Трудная, очень трудная была эта атака: мы дрались одинъ противъ трехъ. Но что̀ могло устоять противъ такихъ батальоновъ, предводимыхъ истинными героями-офицерами? Опрокинутые, разбитые Турки отступали, усѣявая поле трупами, брошенными орудіями, ящиками и проч. Но и наши батальоны были разстроены и утомлены до крайности.

Въ эту минуту появилась масса непріятельской кавалеріи,—и положеніе опять оказалось опаснымъ. Но князь Барятинскій, собравъ быстро нѣсколько батальоновъ, построилъ ихъ въ каре: артилерія сыпнула по Турецкимъ всадникамъ картечью, и они показали тылъ.

Въ 9-ть часовъ утра, послѣ четырехчасоваго боя, разбитая Турецкая армія бѣжала; лишь часть ея, дѣйствовавшая на нашемъ слабомъ правомъ флангѣ, еще продолжала свои усилія, надѣясь на успѣхъ. Князь Барятинскій поспѣшилъ передвинуть туда съ лѣваго фланга кавалерію, съ появле-

ніемъ которой непріятель подвергся общей участи, начавъ поспѣшно отступать. Уже когда центръ непріятеля былъ разбитъ, и Турки, отступавшіе сначала медленно, затѣмъ постепенно шли все поспѣшнѣе, наконецъ въ разбродъ, всѣмъ стало ясно, что насталъ отличный моментъ для преслѣдованія всѣми силами и полнаго пораженія Турокъ. Всѣ окружавшіе князя Барятинскаго на этомъ настаивали; но онъ не хотѣлъ или не могъ взять на себя этого распоряженія и послалъ князя Мирскаго за приказаніями къ князю Бебутову. (Въ первый разъ во все время сраженія испрашивались имъ приказанія).

Князь Бебутовъ; находившійся подъ впечатлѣніемъ неудачнаго начала сраженія и сначала даже не вѣрившій въ побѣду, не далъ рѣшительнаго отвѣта, сказавъ: „а вотъ посмотримъ“, и поѣхалъ къ князю Барятинскому, гдѣ вмѣстѣ съ генераломъ Брюммеромъ стали совѣщаться.

А между тѣмъ Турки уходили...

Наконецъ, совѣщаніе кончилось, и отдано было приказаніе—отступать въ Кюрюкъ-Дара.

Что̀ было истиннымъ мотивомъ такого рѣшенія—неизвѣстно. Сослались, по обыкновенію, на утомленіе войскъ, особенно драгунъ, на разстройство, недостатокъ боевыхъ запасовъ и проч. (что̀, впрочемъ, бываетъ послѣ всякаго сраженія); если однако все это препятствовало преслѣдованію (хотя Новороссійскій драгунскій полкъ, казаки, милиція и нѣкоторая часть пѣхоты могли бы еще безъ особаго напряженія двинуться), то по крайней мѣрѣ не за чѣмъ было такъ спѣшить отступленіемъ, и можно было остаться на мѣстѣ, пока непріятель не скрылся бы совсѣмъ изъ виду. Четыре Турецкихъ батальона на крайнемъ правомъ флангѣ непріятеля долго стояли, въ очевидномъ ожиданіи приказанія сдаться; но, видя, что на нихъ не обращаютъ вниманія, направились дальнымъ обходомъ на Огузлы восвояси *).

Приходится заключить, что отсутствіе единой воли играло здѣсь главную роль. Князь Барятинскій сдѣлалъ въ этомъ

*) Оффиціальная реляція не совсѣмъ совпадаетъ съ моимъ изложеніемъ; но я руководствуюсь правиломъ не скрывать истины и передаю событія по достовѣрнымъ разсказамъ очевидцевъ.

сраженіи все, что отъ него и слѣдовало ожидать; вѣроятно, больше онъ сдѣлать не могъ.

Тѣмъ не менѣе, побѣда была славная и, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, для Россіи весьма важная: 15 орудій, 2 т. плѣнныхъ съ 86 офицерами, масса разнаго рода оружія, знаменъ, штандартовъ остались въ нашихъ рукахъ. Мы потеряли до 2 т. человѣкъ (въ томъ числѣ болѣе ста офицеровъ), девятую часть всѣхъ сражавшихся.

Бывшій при Турецкой арміи Венгерецъ Кмети, на другой день сраженія писалъ Англійскому консулу въ Эрзерумѣ: „Вчера мы потерпѣли страшное пораженіе (dreadful thrashing), отъ Русскихъ: 3 тысячи убито, 2 тысячи взято въ плѣнъ, и мы бѣжали въ большомъ безпорядкѣ въ Карсъ. Русскій отрядъ былъ силенъ, а насъ всего было 25 тыс. человѣкъ (?!). Обо всемъ этомъ пишу лорду Стратфорду".

За сраженіе 24 Іюля князь Барятинскій былъ награжденъ Георгіемъ 3-й степени.

Въ концѣ лѣта князь Александръ Ивановичъ возвратился въ Тифлисъ къ своей должности начальника штаба. Несмотря на постоянно хорошія отношенія къ генералу Реаду, съ которымъ онъ во время отсутствія изъ Тифлиса велъ дружескую переписку, сочетаніе этихъ двухъ лицъ было неудачно. Какъ уже выше сказано, генералъ Реадъ не обладалъ ни знаніемъ края, ни достаточною опытностью, ни настолько блестящими способностями, чтобы справиться съ командованіемъ на Кавказѣ въ такое трудное время. Онъ былъ какъ въ лѣсу, въ постоянномъ колебаніи, и не вполнѣ довѣрялся князю Барятинскому, все опасаясь, что пылкость и рѣшительность начальника штаба вовлекутъ его, Реада, въ какую-нибудь бѣду, особенно въ столкновеніе съ Петербургомъ, чему примѣромъ служили уже вышеприведенныя замѣчанія Государя по поводу Гагръ и плана очистить Дагестанъ. Можетъ быть почтеннаго генерала задѣвало и то, что всѣ, и частно, и оффиціально, и Кавказскія, и Петербургскія служебныя лица, обращались больше къ князю Александру Ивановичу, нежели къ нему; онъ видѣлъ себя какъ бы игнорированнымъ и зналъ, что играетъ роль подставнаго лица. Когда впослѣдствіи генералъ Реадъ былъ назначенъ командовать 3-мъ пѣхотнымъ

корпусомъ, да еще при этомъ удостоился весьма лестнаго отзыва Императора за свою Кавказскую дѣятельность, то считалъ себя совершенно счастливымъ и, оставивъ Тифлисъ, продолжалъ посылать самыя дружескія письма князю Барятинскому *).

Въ то время главная бѣда на Кавказѣ состояла въ томъ, какъ уже выше сказано, что не было настоящаго главнокомандующаго: край оставался безъ хозяина. Присылка хозяина была чуть ли не важнѣе присылки новыхъ резервовъ. Почему въ Петербургѣ медлили назначеніемъ и длили междуцарствіе Реада, трудно понять. На возвращеніе князя Воронцова надеждъ уже не было со времени отъѣзда его изъ Тифлиса и, нѣтъ сомнѣнія, этотъ достойнѣйшій государственный человѣкъ не могъ желать вреда общему дѣлу, ради своего личнаго самолюбія. Хотя князь Воронцовъ не посылалъ просьбы объ увольненіи, но трудно предполагать, чтобы этотъ мотивъ былъ поводомъ; ибо одного намека со стороны Государя князю Воронцову на необходимость хозяина на Кавказѣ было бы достаточно, чтобы князь Михаилъ Семеновичъ поспѣшилъ отказаться отъ своего поста, въ виду серьезной болѣзни. Очень можетъ быть, что Государь затруднялся, на комъ остановить выборъ, или полагалъ, что Реадъ окажется способнымъ окончательно занять свой временный постъ. Князь же Барятинскій считался еще слишкомъ молодъ...

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, князь Барятинскій въ этотъ разъ уже не проявлялъ такихъ тревожныхъ опасеній. Кромѣ побѣды у Кюрюкъ-Дара, Турки были еще два раза разбиты: генераломъ барономъ Врангелемъ на Чингильскихъ высотахъ, что̀ повело къ занятію нами Баязета, и княземъ Андрониковымъ на границѣ Гуріи.

Угрожающіе сборы Шамиля разрѣшились вторженіемъ его конныхъ партій въ Кахетію, гдѣ ограничились захватомъ значительнаго числа плѣнныхъ жителей, въ томъ числѣ княгинь Чавчавадзе и Орбельяни. Какъ ни прискорбно было это происшествіе, но особаго, общаго значенія оно не имѣло. Затѣмъ Шамиль еще разъ, въ Октябрѣ, попытался атаковать на Кумыкской плоскости вновь поселенный аулъ мирныхъ

*) Вслѣдъ затѣмъ ген. Реадъ былъ убитъ при неудачной атакѣ Ѳедюхинныхъ высотъ 7-го Августа 1855 г.

Чеченцевъ, Истису; прикрываемый одной ротой Кабардинскаго полка; но подоспѣвшими шестью ротами съ казаками, подъ командою барона Николаи, былъ разбитъ и постыдно бѣжалъ... Въ краѣ водворилось полное спокойствіе.

Князь Барятинскій принялъ самое живѣйшее участіе въ судьбѣ плѣнницъ. Къ нему обратились всѣ мольбы о содѣйствіи къ освобожденію ихъ. И, нужно сказать, что дѣйствительно, благодаря князю, состоялся чрезъ 8-мь мѣсяцевъ обмѣнъ Грузинскихъ княгинь на служившаго въ Россіи сына Шамиля, и плѣнницы возвратились благополучно домой. Не говоря о близкихъ родныхъ, но и вся Грузія, въ лицѣ ея лучшихъ людей высшаго сословія, не могла не оцѣнить такого участія князя. Привожу здѣсь письмо одного изъ достопочтеннѣйшихъ представителей Грузіи, князя Григорія Дмитріевича Орбельяна *).

Отъ 22-го Сентября 1854 г. „Когда братъ мой Илья находился въ плѣну у Шамиля, скованный въ цѣпяхъ и кандалахъ, я не безпокоилъ правительство объ его освобожденіи, считая постыднымъ просить только объ немъ, когда многіе другіе офицеры одинаково съ нимъ несли тяжкую участь плѣнника въ горахъ. Не просилъ долгое время и теперь, когда вдова этого брата моего, племянникъ и племянницы и ближайшая родственница княгиня Чавчавадзе съ дѣтьми томятся въ плѣну, полагая, что требованія Шамиля не превзойдутъ моихъ средствъ къ освобожденію ихъ. Нынѣ, когда требованія Шамиля положительно объяснились и когда онъ первымъ условіемъ освобожденія несчастныхъ моихъ родственницъ поставляетъ возвращеніе своего сына изъ Россіи, что̀ я могу сдѣлать, какъ не прибѣгнуть къ вамъ? Помогите! Изъ глубины души вопію къ вамъ—помогите! Да не погибнетъ въ плѣну столько женщинъ и дѣтей лучшихъ фамилій Грузіи“.

Изложивъ подробно условія, требуемыя Шамилемъ, князь Орбельянъ прибавилъ: „Ваше сіятельство, судьба злосчастныхъ моихъ родственницъ и счастіе всей моей жизни зависятъ отъ того участія, какое ваше благородное сердце при-

*) Генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, скончался въ 1885 г.

метъ въ этомъ дѣлѣ. Спасеніе наше въ вашихъ рукахъ; я болѣе говорить не могу".

Отъ 23-го Декабря 1854 г. „Вы оживили упадшій мой духъ письмомъ отъ 16-го Декабря, которымъ извѣщаете меня объ изъявленіи сыномъ Шамиля желанія возвратиться къ отцу. Что̀ мнѣ сказать вамъ, благородный князь? Я ничего не скажу, но Богъ воздастъ вамъ за живое участіе, принимаемое вами въ судьбѣ несчастныхъ родственницъ моихъ, къ которымъ завтра же отправляю человѣка съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ".

Въ это время уже было извѣстно о назначеніи главнокомандующимъ и намѣстникомъ генерала Муравьева. Князь Орбельянъ прибавляетъ въ письмѣ: „Участь Грузіи рѣшена, и новый главнокомандующій назначенъ; но неужели я не увижу васъ проконсуломъ Кавказа? Или для этого непремѣнное условіе 60 лѣтъ?"...

О назначеніи генерала Муравьева военный министръ извѣщалъ князя Барятинскаго (письмо 3-го Декабря) и между прочимъ писалъ: Mourawieff ne tardera pas à se rendre à Tiflis, et votre présence y sera indispensable pour le mettre au courant de la situation du pays. Vous apprécierez sans doute la gravité des motifs qui s'opposent à votre arrivée ici. L'Empereur est d'ailleurs persuadé que vous vous attacherez à obtenir la confiance de votre nouveau chef ainsi que vous avez si bien su le faire avec le prince Voronzoff et le général Read *).

Вѣроятно князь Барятинскій, уже при первомъ извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго, заявилъ желаніе уѣхать въ Петербургъ.

Генералъ Муравьевъ пользовался большою военною репутаціею и популярностью. Всѣ помнили его замѣчательное, самоотверженное путешествіе въ Хиву, его пребываніе въ

*) Переводъ. „Муравьевъ не замедлитъ отправиться въ Тифлисъ, и ваше присутствіе тамъ будетъ необходимо для ознакомленія его съ положеніемъ въ краѣ. Вы, безъ сомнѣнія, признаете важность причинъ, препятствующихъ вашему пріѣзду сюда. Императоръ убѣжденъ, что вы сумѣете пріобрѣсти довѣріе вашего новаго начальника, также какъ вы сумѣли такъ хорошо сдѣлать это при князѣ Воронцовѣ и генералѣ Реадѣ".

Константинополѣ съ вспомогательнымъ Русскимъ корпусомъ султану противъ Египетскаго паши, его долговременную опалу, придавшую ему, безъ сомнѣнія, своего рода извѣстность. Его считали обломкомъ славной памяти временъ отечественной войны, преемникомъ Кутузовыхъ, Ермоловыхъ; онъ слылъ начальникомъ требовательнымъ, взыскательнымъ, но справедливымъ, и немало было людей, радовавшихся его назначенію. Въ послѣдніе мѣсяцы командованія князя Воронцова, возжи управленія, особенно административно-гражданской части, нѣсколько ослабли въ старческихъ рукахъ; большинство сознавало, что ихъ необходимо подтянуть и надѣялось, что генералъ Муравьевъ это сдѣлаетъ безъ промедленія.

Съ первыхъ шаговъ на Кавказѣ генералъ Муравьевъ, не особенно спѣшившій въ Тифлисъ, двигавшійся медленно отъ Ставрополя по Кавказской линіи, уже показалъ, что онъ какъ будто дѣйствуетъ въ роли ревизора, открывателя упущеній своего предмѣстника. Пріемы его въ этомъ отношеніи были не совсѣмъ удачны. Отъ замѣчательной проницательности Кавказскихъ офицеровъ это не могло ускользнуть, и ошибки были тотчасъ подмѣчены. Когда же онъ изъ Грозной написалъ къ А. П. Ермолову письмо и сдѣлалъ его достояніемъ гласности, когда въ письмѣ этомъ онъ бросилъ всей Кавказской арміи въ лицо упрекъ въ „лѣни, усыпленіи, роскоши“ и т. п., огромное большинство поняло, что ошиблось въ генералѣ Муравьевѣ. Онъ приближался къ Тифлису, предшествуемый мрачною молвою объ его рѣзкихъ выходкахъ, возбуждая чувства нерасположенія.

Князь Барятинскій, со свойственнымъ ему спокойствіемъ и достоинствомъ, выжидалъ что̀ будетъ. Не въ его характерѣ было пугаться какихъ бы то ни было тучъ. Въ разговоры и сужденія о новомъ главнокомандующемъ, онъ, само собою, не вступалъ.

Въ двадцатыхъ числахъ Февраля 1855 г. князь Барятинскій получилъ предложеніе генерала Муравьева выѣхать къ нему на встрѣчу въ Душетъ, откуда на другой день предполагался торжественный въѣздъ въ Тифлисъ; но ночью князь внезапно возвратился въ городъ, а въ слѣдъ за нимъ пріѣхалъ и самъ главнокомандующій. Причиною такой пере-

мѣны было полученное съ фельдъегеремъ потрясающее извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича.

Князь Барятинскій плакалъ, искренно сожалѣя о смерти Государя. Онъ вспоминалъ высокія качества его характера и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сожалѣлъ о судьбѣ новаго Государя, призваннаго къ царствованію въ такое трудное для Россіи время, Государя, такъ искренно имъ любимаго и которому онъ такъ глубоко былъ преданъ. При новомъ царствованіи князю Барятинскому должно было открыться еще болѣе блистательное служебное поприще: но онъ вовсе не былъ въ этомъ увѣренъ, зная, что государи не всегда сохраняютъ чувства и отношенія временъ предшествовавшихъ ихъ воцаренію: являются другія вліянія и разнородные интересы окружающихъ лицъ, вообще придворныя компликаціи, борьба съ которыми трудна, опасна и не совсѣмъ пріятна. Съ Наслѣдникомъ престола князь былъ въ перепискѣ, но къ Императору долго не рѣшался даже послать поздравленіе. Послѣ уже призналъ онъ умѣстнымъ и необходимымъ выразить чувства соболѣзнованія по случаю кончины отца.

Что̀ чувствовалъ по поводу этого печальнаго событія генералъ Муравьевъ, внѣ, такъ-сказать, офиціальныхъ проявленій, мы не знаемъ; но, нѣтъ сомнѣнія, и онъ не менѣе искренно скорбѣлъ подъ гнетомъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внезапной кончины Императора, извѣстнаго силою воли, обширнымъ знаніемъ дѣлъ и положенія Россіи. Не могъ онъ не задуматься тотчасъ же и о своемъ личномъ положеніи. Поводъ къ такому заключенію подаетъ мнѣ разсказъ одного высокоуважаемаго, правдиваго человѣка, пользовавшагося многолѣтнимъ дружескимъ расположеніемъ Н. Н. Муравьева. Вотъ что̀ онъ, со словъ самаго Муравьева, мнѣ разсказывалъ: Когда Николай Павловичъ пригласилъ въ Петербургъ Муравьева для предложенія ему должности главнокомандующаго на Кавказѣ и тотъ явился во дворецъ, то былъ приглашенъ Государемъ въ кабинетъ, гдѣ находился и Наслѣдникъ-Цесаревичъ. Войдя туда, генералъ былъ очень любезно встрѣченъ Государемъ, который при этомъ, обратясь къ сыну, сказалъ: „Александръ, придвинь генералу кресло“. Наслѣдникъ поспѣшилъ исполнить приказаніе отца,

не скрывъ однако нѣкотораго неудовольствія или смущенія... И въ туже минуту Муравьевъ понялъ, что невинно пріобрѣлъ нерасположеніе.

Я привелъ здѣсь этотъ случай потому, что онъ не могъ не повліять на отношенія генерала Муравьева къ князю Барятинскому. Ему, конечно, были извѣстны отношенія князя Александра Ивановича къ Наслѣднику; вспомнивъ же о неблагопріятномъ для него случаѣ въ кабинетѣ императора Николая, онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ придти къ заключенію, что въ своемъ начальникѣ штаба видитъ предъ собою готоваго преемника.

Сначала взаимныя отношенія ихъ казались удовлетворительными. Главнокомандующій, предпринявъ поѣздку въ Гурію и Имеретію, любезно переписывался съ княземъ Барятинскимъ; но князь видимо тяготился своимъ положеніемъ. Они были люди совершенно различнаго склада, различныхъ взглядовъ, оба слишкомъ самостоятельные для взаимныхъ уступокъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что генералъ Муравьевъ пріѣхалъ уже съ предубѣжденіями не только противъ князя Воронцова, но и противъ его любимца начальника штаба; а тотъ, въ свою очередь, едвали могъ почувствовать особую симпатію къ Муравьеву послѣ всѣхъ его выходокъ на пути въ Тифлисъ и особенно послѣ пресловутаго письма къ Ермолову.

Между тѣмъ случился еще эпизодъ, послужившій къ обостренію отношеній между Муравьевымъ и Барятинскимъ.

Дѣло въ томъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Мирскій, прочитавъ письмо Муравьева къ Ермолову, вознегодовалъ и со всею пылкостью, свойственною молодости, рѣшился на поступокъ дерзкій и преступный въ смыслѣ военной дисциплины, но вполнѣ понятный и возбудившій въ свое время восторгъ въ массѣ Кавказскихъ офицеровъ. Говорю это положительно, какъ очевидецъ.

Письмо генерала Муравьева было въ высшей степени оскорбительно для Кавказской арміи. Еслибы даже обвиненія въ нераспорядительности, неумѣніи, злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ начальниковъ были справедливы, то и въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ никакого основанія, не говорю

права, бросать упрекъ въ лицо всей арміи, которая каждый день доказывала свою доблесть въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, съ неодолимыми преградами природы и климата. Не задолго передъ пріѣздомъ генерала Муравьева, батальоны этой арміи шли одинъ на трехъ-четырехъ Турокъ, превосходившихъ насъ вооруженіемъ, и наносили имъ страшныя пораженія; шесть ротъ Кабардинцевъ геройски атаковали Шамиля съ 15-ю-тысячной толпой горцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Развѣ онъ не зналъ объ этомъ?

То, что́ почувствовалъ князь Мирскій, читая слова: „погрязли въ лѣни и усыпленіи, требуютъ войскъ для защиты войскъ“, почувствовали и еще многіе изъ насъ. Мы, не стѣсняясь, тутъ же въ Грозной, въ день написанія и разглашенія письма, очень громко это выражали. Но выразить негодующій протестъ на бумагѣ взялъ на себя князь Мирскій и въ подписанномъ своимъ именемъ письмѣ высказалъ то, что́ было на душѣ у всѣхъ.

Повторяю, это былъ поступокъ дерзкій, преступный, особенно въ военное время, но намъ тогда понятный и сочувственный. Впослѣдствіи самъ князь Мирскій очень удачно сравнилъ свой порывъ и свое состояніе души съ тѣмъ, которое заставляло въ былыя времена молодыхъ офицеровъ Кабардинскаго или Куринскаго полковъ бросаться на вѣрную смерть, не для славы и пользы отечества, а для того, чтобы доказать, что Кабардинцы лучше Куринцевъ, или на оборотъ. Впрочемъ, не всякому это понять; также какъ жителю столичнаго дворца не понять привязанности какого нибудь Хевсура къ его дымной саклѣ, висящей надъ обрывомъ, у подножія снѣговаго хребта.

Письмо Мирскаго было распространено въ многихъ копіяхъ по всему Кавказу и тогда же попало въ руки главнокомандующаго. Общая молва гласила, что письмо было составлено въ кабинетѣ князя Барятинскаго Мирскимъ, при содѣйствіи Ростислава Фадѣева (онъ тогда былъ въ Тифлисѣ при начальникѣ штаба и вскорѣ высланъ въ батарею, въ крѣпость Воздвиженскую), и всѣ этому вѣрили. Такая увѣренность основывалась на всѣмъ извѣстныхъ близкихъ отношеніяхъ Мирскаго къ князю Барятинскому, именно въ то время

ставшихъ особенно близкими, потому что Мирскій, находясь съ батальономъ въ Тифлисѣ, просиживалъ цѣлые дни, а иногда и ночи, у князя, когда тотъ бывалъ нездоровъ. Между тѣмъ князь о письмѣ узналъ лишь тогда, когда оно распространилось въ публикѣ.

Впослѣдствіи, въ Петербургѣ, князь Барятинскій передалъ Мирскому слѣдующій разговоръ свой съ Муравьевымъ по поводу письма.

— Читали ли вы письмо, подписанное Мирскимъ? спросилъ Муравьевъ.

„Читалъ, и содержаніе его тѣмъ болѣе меня огорчило, что человѣкъ, дерзнувшій написать это письмо, очень мнѣ близокъ".

— Въ такомъ случаѣ оставимъ этотъ разговоръ.

„Почему же? Не смотря на близкія мои отношенія съ Мирскимъ, я могу судить объ его поступкѣ совершенно безпристрастно, разъ дѣло касается службы".

— Знаете ли вы, что́ я думаю. Не предать ли Мирскаго суду? Какого вы объ этомъ мнѣнія?

„Конечно, вы можете предать его суду, и онъ того заслуживаетъ; но врядъ ли это было бы удобно и для васъ, такъ какъ вы сами подали ему поводъ и примѣръ вашимъ письмомъ къ Ермолову".

— Это вопросъ другой; но я вижу, что такой оборотъ дѣла васъ бы огорчилъ и потому полагаю оставить его безъ послѣдствій".

Кончилось тѣмъ, что князь Мирскій, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Крымъ, въ Азовскій пѣхотный полкъ *).

Съ каждымъ днемъ князь Барятинскій становился все болѣе и болѣе недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ находилъ, что Муравьевъ къ нему придирается изъ за пустяковъ, вмѣшивается въ подробности, до него не касающіяся, и вообще

*) Нужно однако сказать, что генералъ Муравьевъ за обѣдомъ, который ему давали въ Тифлисѣ, въ 1856 году, послѣ увольненія его отъ должностей намѣстника и главнокомандующаго, сознался въ своей ошибкѣ, сожалѣлъ о письмѣ къ Ермолову и отдалъ полную справедливость достоинствамъ Кавказской арміи: черта, рисующая благородный характеръ Н. Н. Муравьева.

не выказываетъ ему достаточнаго довѣрія. Видно было, что онъ рѣшительно подумываетъ оставить Кавказъ. Близкіе люди совѣтовали ему остаться, сдѣлать кампанію въ Азіатской Турціи и подъ начальствомъ столь опытнаго военнаго начальника, какимъ считали Муравьева, пріобрѣсть и самому драгоцѣнный опытъ, могущій послужить ему съ пользою впослѣдствіи. Совѣты однако не подѣйствовали, и князь Барятинскій, 9 Мая, попросилъ увольненія отъ должности начальника штаба и отпуска въ Петербургъ.

Генералъ Муравьевъ уговаривалъ его остаться и, какъ писалъ въ отзывѣ военному министру, предлагалъ командованіе корпусомъ вмѣсто князя Бебутова. Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе было сдѣлано искренно: Муравьевъ, вѣроятно признавалъ полезнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи на театрѣ войны молодаго энергичнаго генерала, хотя находилъ его не соотвѣтствующимъ въ званіи начальника штаба, Съ другой стороны, едва ли ему улыбалось присутствіе Барятинскаго въ Петербургѣ. Онъ могъ подозрѣвать, что, пользуясь милостью Государя, князь легко можетъ ему вредить. Подозрѣніе понятное, хотя у князя едва ли было подобное намѣреніе; но и выхвалять Муравьева, въ противность своему убѣжденію, онъ, само собою, не сталъ бы.

Приготовляясь къ выѣзду, князь Барятинскій какъ-то разъ сказалъ, что его заботитъ отправка значительной библіотеки. На это Муравьевъ отвѣчалъ: „Напрасно вы отправляете вашу библіотеку; вѣдь вы, по всей вѣроятности, скоро возвратитесь сюда на мое мѣсто“.

Наконецъ, отпускъ былъ данъ, причемъ генералъ Муравьевъ прибавилъ, что должность начальника штаба „временно“ поручаетъ генералъ-маіору Индреніусу.

За нѣсколько времени до выѣзда, 25 Апрѣля 1855 года, князь Барятинскій послалъ находившемуся за границею князю Воронцову слѣдующее письмо:

„Пользуюсь отъѣздомъ Жіовани*), чтобы написать вамъ это конфиденціальное письмо. Я убѣжденъ, что вы горячо принимаете къ сердцу интересы будущаго этой страны и ея арміи, а потому думаю, что тѣ под-

*) Бывшій камердинеръ князя Воронцова, довѣренный его человѣкъ, пріѣзжавшій въ Тифлисъ за разными вещами.

робности, которыя я вамъ могу дать, будутъ для васъ любопытны. Я полагаю, что генералъ Муравьевъ преданъ пользамъ страны и что онъ пріѣхалъ сюда съ наилучшими намѣреніями, но, къ несчастію, не вѣрно настроенный, очень предубѣжденный и подъ впечатлѣніемъ завистливыхъ убѣжденій, всегда стремящихся унизить истинную заслугу *). Кажется также, что у него не достаетъ такта, что о воспитаніи его мало заботились и что его развитіе не стоитъ на высотѣ его положенія: у него много дѣланнаго и мало естественнаго. Отъ совокупности всего этого, разумѣется, онъ до сихъ поръ не могъ внушить никому никакой симпатіи. Усердіе и священный огонь вдохновенія, необходимые въ великихъ дѣлахъ и которые вы умѣли всегда такъ удачно подмѣчать и поддерживать въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, здѣсь совершенно угасли. Къ тому же, я полагаю, вы сами знаете генерала Муравьева, и даже быть можетъ лучше чѣмъ я; вспоминаю кстати объ одномъ разговорѣ, который мы вели съ вами относительно его личности. Теперь я думаю вамъ легко представить себѣ ту печальную картину, которую мы въ настоящее время изъ себя изображаемъ. Правленіе здѣсь можно смѣло назвать палочнымъ, во всей его грубости, правленіе, которое подавляетъ всѣ честныя и хорошія чувства и котораго не существовало здѣсь уже давно.

„Вы легко теперь поймете, что я съ нетерпѣніемъ ожидаю и встрѣчу радостно тотъ день, когда буду въ состояніи покинуть свое мѣсто и эту страну, къ которой, какъ вы знаете, я привязанъ всѣмъ сердцемъ и которую хотѣлъ бы видѣть подъ управленіемъ вполнѣ мнѣ симпатичнымъ. Начавъ это письмо, я почувствовалъ необходимость писать вамъ все чистосердечно, а потому вы простите мнѣ, если я задѣваю здѣсь довольно щекотливый вопросъ; но вѣрный способъ, который представляется для доставленія вамъ этого письма, позволяетъ мнѣ удовлетворить моему желанію побесѣдовать съ вами вполнѣ откровенно.

„Князь Горчаковъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ арміи, которою онъ командуетъ; но такъ какъ я еще не знаю, что̀ именно поручитъ онъ мнѣ, то подожду предложенія болѣе опредѣленнаго. Вы знаете, что я принялъ мѣсто, которое занимаю теперь, лишь по привязанности къ вамъ, съ полнымъ намѣреніемъ помочь вамъ въ вашихъ трудныхъ работахъ, отдаваясь дѣлу со всею любовью и стараніемъ, которыя были всегда вамъ хорошо извѣстны.

„По вашему приказанію я дѣйствовалъ также и при генералѣ Реадѣ, надѣясь, что вы возвратитесь; но когда этой надежды болѣе не стало, я думаю, что не навлеку на себя вашего неудовольствія, покинувъ эту страну. Врядъ ли мнѣ станетъ когда-нибудь такъ грустно, какъ въ ту минуту, когда я оставлю ее. Это чувство вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы вы не раздѣляли его со мною. Если дѣйствительно мы наканунѣ заключенія мира, я хотѣлъ бы на нѣкоторое время покинуть армію и посмотрѣть, не

*) Sous l'impression de l'opinion jalouse, qui tâche toujours de rabaisser le vrai mérite.

дадутъ ли мнѣ въ Россіи мѣсто генералъ-губернатора, чтобы освоиться съ гражданскимъ управленіемъ нашей страны. Я былъ бы несказанно благодаренъ, еслибы вы мнѣ дали по этому поводу вашъ совѣтъ. Вы мнѣ всегда оказывали столько вниманія, что я не боюсь быть нескромнымъ, прибѣгая къ вашей опытности и прося васъ не оставить меня вашими совѣтами.

„Восемь дней тому назадъ Тифлисъ испыталъ большую радость, видя возвращеніе своихъ дорогихъ плѣнницъ изъ Ведена. Радость этихъ дамъ, какъ вы можете себѣ представить, полная и—что̀ пріятнѣе всего—эта вынужденная прогулка послужила лишь къ процвѣтанію ихъ здоровья; изо всего ихъ красиваго семейства недостаетъ лишь маленькой Лидіи. Шамиль, какъ настоящій рыцарь, проводилъ ихъ изъ Ведена до Мичика, при свитѣ отъ 6 до 7000 человѣкъ, куда Николаи со своей стороны явился съ сыномъ Имама и гдѣ произошелъ размѣнъ. Еслибы достоинство двухъ враждующихъ вождей позволило имъ сойтись и поговорить, это былъ бы прекрасный случай для Николаи короче познакомиться съ нашимъ старымъ, доблестнымъ врагомъ. Если вы получаете Русскія газеты, то можете прослѣдить точныя подробности происшедшаго размѣна.

„Горячо и искренно желаю, чтобы курсъ вашего лѣченія въ Карлсбадѣ принесъ вамъ желаемое здоровье и возвращеніе въ Россію, гдѣ надежда снова васъ увидать сильно меня радуетъ“.

Въ половинѣ Мая князь Барятинскій уѣхалъ въ Петербургъ и 6-го Іюня 1855 года назначенъ состоять при Государѣ, съ отчисленіемъ отъ должности начальника Кавказскаго штаба. Въ третій разъ покинулъ онъ Кавказъ. Но если въ 1835 и 1845 годахъ объ этомъ сожалѣло нѣсколько товарищей и близкихъ знакомыхъ, то въ 1855 году сожалѣла уже вся Кавказская армія, всѣ Русскіе и всѣ лучшіе люди туземнаго населенія. Тотъ же князь Гр. Дм. Орбельянъ, письма котораго приведены выше, прекрасно выразилъ это сожалѣніе въ письмѣ къ князю Барятинскому отъ 25 Мая, слѣдующими искренними строками, подъ которыми тогда (я вполнѣ въ этомъ убѣжденъ) подписалось бы девять десятыхъ представителей всѣхъ слоевъ Кавказскаго общества.

„Вы уѣхали, оставили войска Кавказскаго корпуса, которыя такъ любили васъ за доблестные подвиги, за истинно-солдатскую, вѣрную службу въ лѣсахъ Чеченскихъ, въ горахъ Дагестанскихъ, въ дали отъ прихотей покойной жизни; оставили Грузію, которая васъ такъ глубоко уважала за благородство вашей души, за возвышенный образъ мыслей и возлагала на васъ большія надежды свои. Я не говорю о

моей скорби: зная мою преданность, вы поймете всю силу того огорченія, которымъ я былъ пораженъ при неожиданномъ извѣстіи о вашемъ выѣздѣ въ Россію. Баронъ Николаи и я хотѣли встрѣтить васъ въ Петровскомъ, полагая, что пароходъ вашъ остановится тамъ хотя на часъ; но и это не исполнилось. Пусть же Богъ сопутствуетъ вамъ на новомъ блистательномъ поприщѣ, открывающемся для вашей дѣятельности, для вашихъ благородныхъ стремленій служить мечемъ и правдою великому Престолу!“

Въ этомъ же письмѣ, между прочимъ, князь Орбельянъ сообщилъ послѣднія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ и объ отношеніяхъ Шамиля къ возвращенному сыну. Однажды отецъ спросилъ его, отъ чего онъ все такъ печаленъ? Сынъ отвѣчалъ: „Могу ли быть веселъ, когда мой благодѣтель императоръ Николай скончался“. Шамиль задумался и произнесъ: „Да, мы оба должны чтить память этого великаго падишаха; онъ возвратилъ мнѣ сына, а тебя сдѣлалъ человѣкомъ“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову*).

(Писано во Владикавказѣ, въ Февралѣ 1855 года).

Въ углу двора обширнаго и пышнаго дворца, въ коемъ сегодня ночую, стоитъ уединенная, скромная землянка ваша, какъ укоризна нынѣшнему времени. Изъ землянки вашей, при малыхъ средствахъ, исходила сила, положившая основаніе крѣпости Грозной, покоренію Чечни. Нынѣ средства утроились, а все мало да мало. Дѣятельность вашего времени замѣнилась бездѣйствіемъ; тратящаяся нынѣ огромная казна не могла замѣнить безкорыстнаго усердія, внушеннаго вами подчиненнымъ вашимъ, для достиженія предназначаемой вами цѣли. Казна сія обратила грозныя крѣпости ваши въ города, куда роскошь и довольства жизни привлекли людей постороннихъ (женатыхъ). Все перемѣнилось, обстроилось; съ настойчивостію и убѣжденіемъ въ правотѣ своей требуютъ войскъ для защиты; войска обратились въ горожанъ—и простота землянки вашей не поражаетъ ослабѣв-

*) Письмо это и отвѣтъ на него нѣкогда облетѣли всю читающую Россію. Напечатаны они были много позднѣе. Н. Н. Муравьевъ писалъ свое письмо подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него землянкою Ермолова. Онъ самъ разсказываетъ о томъ въ приводимой ниже выдержкѣ изъ позднѣйшихъ его записокъ. П. Б.

шихъ воиновъ Кавказа, въ коихъ духъ хотя и не изчезъ, но силы стали немощны.

Таковое состояніе дѣлъ, конечно, подало поводъ и къ частнымъ злоупотребленіямъ начальниковъ. Хотя солдата не грабятъ, но пользуются трудами его, какъ работою тягловаго крестьянина, состояніе, которое солдатъ предпочитаетъ строевой службѣ. Посудите, какое мое положеніе! Исправить въ короткое время безпорядки, вкоренившіеся многими годами безпечнаго управленія, а въ послѣднее время и совершеннымъ отсутствіемъ всякой власти и управленія! Трудъ великій, позднихъ послѣдствій котораго я не увижу и который доставитъ мнѣ только нареканіе всего населенія. Но вы, зная меня, убѣдитесь, что это меня не останавливаетъ: если не достигну конца, то дамъ направленіе сему великому дѣлу, поглощающему силы и казну Россіи. Въ землянку вашу послалъ-бы ихъ учиться; но академія эта свыше ихъ понятій.

Не скажу, чтобы здѣсь не было покорности; напротивъ того, здѣсь всѣ покорны; но покорность эта не приводитъ ихъ къ изученію своихъ обязанностей, а только къ исполненію того, что прикажутъ. Надобно пока и этимъ довольствоваться, съ надеждою на время, которое выкажетъ сотрудниковъ, ибо дарованій здѣсь встрѣчается болѣе, чѣмъ въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи. Отъ многихъ слышалъ я справедливыя сужденія, что ваша Грозная крѣпость служила основаніемъ покоренію Чечни. И въ самомъ дѣлѣ, нынѣ видимъ множество огромныхъ мирныхъ ауловъ, переселяющихся подъ стѣны строенныхъ вами укрѣпленій. Чеченцы эти ходятъ съ нами въ экспедиціи и безпощадно дерутся противъ непокорныхъ родственниковъ. Уже здѣсь учреждено пять наибствъ, есть пристава и судъ, установленный въ подражаніе вашего Кабардинскаго суда. Я былъ въ Нальчикѣ, гдѣ уставъ вашъ и прокламація служатъ единственнымъ руководствомъ для дѣлъ, встрѣчающихся не только между Кабардинцами, но даже между племенами, живущими въ горахъ.

Край этотъ, чрезъ который въ 1816 году нельзя было проѣхать безъ сильнаго конвоя и пушекъ, нынѣ спокоенъ, благодаря началу, вами положенному; и я надѣюсь, что народы сіи не пошевелятся при теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ и не прельстятся воззваніями, развѣ увидятъ среди себя устроенныя войска, чему не предвижу возможности, даже на Правомъ флангѣ нашемъ, который частію объѣхалъ, не касаясь Черноморья.

2. Письмо подполковника Тенгинскаго полка, князя Д. И. Святополка-Мирскаго.

(13 Марта 1855, Тифлисъ.)

Новый нашъ главнокомандующій, на пути слѣдованія своего въ край, ввѣренный царскою милостію его управленію, написалъ изъ кр. Грозной къ бывшему своему начальнику Алексѣю Петровичу Ермолову письмо, въ которомъ онъ излагаетъ мнѣніе свое о положеніи края и мысли, которыя

должны служить началомъ его управленія. Генералъ Муравьевъ дозволилъ снять копіи съ этого письма, не скрывая желанія, чтобы оно получило всеобщую извѣстность; и потому я полагаю, что оно извѣстно уже и вамъ, и что ѣдкія выраженія онаго отозвались въ вашемъ Русскомъ сердцѣ скорбнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ сотнямъ тысячъ Русскихъ сердецъ, которыя бьются на Кавказѣ, полныя любви и преданности къ Царю и Отечеству. Эти строки, написанныя въ положеніи ген. Муравьева и адресованныя къ Алексѣю Петровичу Ермолову, будутъ имѣть огромный отголосокъ въ Россіи и не могутъ не поколебать того мнѣнія, которое Россія до сихъ поръ имѣла о Кавказскомъ войскѣ. Кавказъ отъ Россіи далеко, а сочетаніе двухъ именъ, Ермолова и Муравьева, внушаетъ Русскимъ довѣріе. Не одинъ Русскій, думающій о судьбахъ своей родины, прочитавъ эти строки, задастъ себѣ вопросъ: „Не на краю ли гибели эта родина, когда тѣ изъ ея сыновъ, которыхъ онъ привыкъ считать самыми дѣятельными, воинственными и сильными, стали немощны силами и погрязли въ лѣни и усыпленіи?“

Но неужели мы, Кавказскіе служивые, должны безропотно покоряться этому приговору и со стыдомъ преклонять предъ нимъ голову? Нѣтъ, наша совѣсть слишкомъ чиста для такого униженія. Не стали немощными и безсильными тѣ войска, которыя побѣдили многочисленныхъ враговъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ляромъ, Курюкъ-Дара и на Чолохѣ. Мы не обманывали Россію въ теченіи четверти вѣка; она смѣло можетъ гордиться нами и сказать, что нѣтъ арміи на свѣтѣ, которая переносила бы столько трудовъ и лишеній, сколько Кавказская. Нѣтъ арміи, въ которой бы чувство самоотверженія было болѣе развито. Здѣсь каждый фронтовой офицеръ, каждый солдатъ убѣжденъ, что не сегодня, то завтра, не завтра, такъ послѣ-завтра онъ будетъ убитъ или изувѣченъ. А много ли въ Россіи Кавказскихъ ветерановъ? Ихъ тамъ нѣтъ почти,—кости ихъ разбросаны по всему Кавказу.

Кавказскій солдатъ работаетъ много и отстаетъ отъ фронтоваго образованія; но онъ „не тягловой крестьянинъ“, потому что онъ трудится не для частныхъ лицъ, а для общей пользы. Вмѣсто денежнаго капитала—употребляютъ капиталъ его силъ и способностей; онъ расходуетъ силы эти и потъ для сбереженія государственной казны. Если это дурно, то не мы въ этомъ виноваты. Что же касается до вопроса „землянокъ и дворцовъ“, то не намъ темнымъ людямъ его разрѣшать; помню только, что когда меня учили Исторіи, я видѣлъ въ ней, что завоеванія и особенно упрочиванія оныхъ не дѣлались всегда силою одного оружія, а что постройки великолѣпныхъ зданій и распространеніе цивилизаціи часто къ этому способствовали; это зависитъ отъ принятой системы, которую не мы рѣшаемъ. Мы бы желали только, чтобы не было рѣзкихъ переворотовъ: нельзя же по произволу, въ одинъ мигъ, передѣлывать Аѳинянина Спартанцемъ, Спартанца Аѳинянином,—это дѣло многихъ лѣтъ, болѣе обстоятельствъ, чѣмъ людей, и оно принадлежитъ къ общей системѣ государства.

Кавказское войско не есть войско обыкновенное; Кавказское войско не есть войско, дѣлающее кампанію. Это скорѣе воинственный народъ, издаваемый Россіею и противупоставляемый воинственнымъ народамъ Кавказа, для защиты Россіи. Такое положеніе дѣлъ не заведено никѣмъ: оно дѣлалось силою обстоятельствъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ устроенія здѣшняго края. Избѣжать этого положенія, не покоривъ Кавказа, невозможно, развѣ завести, по примѣру среднихъ вѣковъ, воинственный орденъ монаховъ, отрѣшившихся отъ всего земнаго, кромѣ боя и молитвъ. Но возможно ли это?

Не намъ рѣшать вопросъ, почему Кавказъ еще не покоренъ; потому ли, что не живемъ въ землянкахъ, имѣемъ законныхъ женъ и нѣкоторыя удобства жизни, или потому, что его не успѣли покорить нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда цѣлое народонаселеніе разбѣгалось отъ одного гула пушечнаго выстрѣла, когда не было никакой связи между Кавказскими племенами и обществами, и когда не было мирюдизма, начало и отчасти развитіе котораго относятся также ко времени землянокъ.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ заключить, что по моему мнѣнію все на Кавказѣ совершенно хорошо. Гдѣ же нѣтъ дурныхъ людей и злоупотребленія? Гдѣ же люди понимаютъ вполнѣ и исполняютъ въ совершенствѣ свой долгъ? Мы всѣ убѣждены, что здѣсь многое остается сдѣлать, многое истребить и завести и всегда желали болѣе совокупной и послѣдовательной системы веденія войны, болѣе разборчиваго опредѣленія царскихъ наградъ; а потому когда мы убѣдились, что силы князя Воронцова ему измѣнили и что онъ уже не въ состояніи управлять нашимъ краемъ въ эти трудныя времена, скорбя о горькой участи заслуженнаго старца, одного изъ знаменитѣйшихъ представителей Русской славы, мы могли желать и ждать съ нетерпѣніемъ новаго энергическаго начальника. Люди, желающіе добра, желаютъ всегда сильной власти.

Назначеніе генерала Муравьева мы встрѣтили съ восторгомъ, не потому, чтобы онъ уже ознаменовалъ себя великими дѣлами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, а потому, что онъ умѣлъ какъ-то возбудить великія надежды, которыя и мы раздѣляли; но мы ожидали, что генералъ Муравьевъ ѣдетъ сюда съ чувствомъ уваженія къ Кавказскому войску, котораго мы въ правѣ требовать по нашимъ заслугамъ и чувствамъ, насъ оживляющимъ: въ добромъ дѣлѣ здѣсь всѣ почти сотрудники. Мы съ истинною скромностію, свойственною людямъ, испытавшимъ свои силы, ожидали, что намъ укажутъ наши ошибки и недостатки, дадутъ пособія, чтобы ихъ исправить и усовершенствовать по мѣрѣ силъ и способностей; но мы не ждали оскорбленій. Заботливаго, хотя и суроваго отца, а не насмѣшливаго порицателя ожидали мы отъ царской милости.

Письмо, написанное новымъ главнокомандующимъ въ кр. Грозной и распространенное по Кавказу и Россіи, изумило насъ и огорчило; но недолго будетъ наше уныніе. Наше чувство чуждо подлаго униженія; мы покорны, но покорны царской волѣ и закону, а не бранному слову. Мы под-

нимемъ брошенную намъ перчатку предъ судомъ Россіи и потомства. Пусть нами руководятъ мудрыя начертанія; пусть геніальная рука укажетъ путь— мы готовы на все, что̀ возможно человѣку, на всякія жертвы и лишенія. Сколько бы ни было жертвъ и страданій частныхъ, во всякомъ случаѣ это исполинское соревнованіе поведетъ ко благу и славѣ нашего Отечества. Намъ остается вознести ко Всевышнему усердныя молитвы, дабы потомство сказало, что вождь былъ достоинъ арміи, а армія была достойна вождя.

ЗЕМЛЯНКА А. П. ЕРМОЛОВА.

Выдержка изъ Записокъ Н. Н. Муравьева.

Въ крѣпости Грозной вспомнилъ я о землянкѣ А. П. Ермолова, о существованіи коей я еще слышалъ въ Россіи, и пожелалъ видѣть ее. Я полагалъ найти остатки ея въ какомъ-либо закоулкѣ обширнаго форштата кр. Грозной; но мнѣ сказали, что она находится на самомъ дворѣ занимаемаго мною дома, и я пошелъ смотрѣть ее въ сопровожденіи всѣхъ начальниковъ и генераловъ, постоянно меня окружавшихъ. Къ удивленію нашелъ я ее въ углу двора совершенно уцѣлѣвшею и какъ бы недавно построенною, хотя лѣсъ уже былъ старый. Можетъ быть, поддерживалъ ее кто-либо изъ начальниковъ, свидѣтель еще первыхъ дѣйствій Ермолова къ покоренію Чечни. Я вошелъ въ землянку изъ тѣсныхъ сѣней, въ которыя спускались нѣсколькими ступенями. На лѣво была дверь въ занимаемую Ермоловымъ комнату вышиною нѣсколько поболѣе его роста; ширины могла она имѣть до 4-хъ аршинъ, длиною не болѣе 5-ти; изъ сѣней на право была дверь въ небольшую комнату слуги его. Потолка не было, мало-наклонная крыша была засыпана толстымъ слоемъ земли. Необъяснимо чувство поразившее меня при входѣ въ это скромное жилище, изъ котораго, за 40 почти лѣтъ передъ тѣмъ, человѣкъ съ высокимъ дарованіемъ прилагалъ совѣстливый трудъ свой къ совершенію дѣла, представлявшаго въ то время большія препятствія—дѣла еще нынѣ неконченнаго при огромныхъ средствахъ и пожертвованіяхъ Россіи. Но не было послѣ его людей въ томъ краѣ!

Еще болѣе былъ я смущенъ, когда, выйдя изъ землянки Ермолова, взглянулъ на пышный дворецъ Барятинскаго, окружавшій ее своими службами. Я остановился и задумался посреди окружавшихъ меня. Въ мысляхъ моихъ пробѣжали событія почти цѣлаго полустолѣтія, я сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ, и все что̀ было передъ

глазами указывало на самомъ дѣлѣ причины неуспѣха, утратъ и язвъ, постоянно и безъ пользы истощавшихъ силы Отечества: роскошь, корысть и лицепріятіе—и я, задолго передъ тѣмъ гонимый Государемъ, нынѣ, въ годину бѣдствій и испытанія, былъ имъ же избранъ для возстановленія имъ же разрушеннаго! Сердце мое закипѣло новымъ рвеніемъ къ службѣ Отечества и Государя своего, не задолго передъ тѣмъ умолявшаго меня трудиться надъ его дѣломъ—человѣка, которому я уже въ душѣ простилъ нанесенныя мнѣ прежде оскорбленія. Прервавъ думы, я выразилъ въ твердыхъ, но короткихъ словахъ окружавшимъ мысли свои, показалъ на эту скромную землянку, изъ которой исходила настоящая сила, стараясь убѣдить ихъ, что не отъ количества людей зависѣлъ успѣхъ, но отъ доблести начальниковъ. Къ памяти А. П. Ермолова всѣ они имѣли уваженіе, но поняли ли меня или нѣтъ? А если поняли, то располагали ли такъ поступать какъ я указывалъ, того не знаю.

Возвратившись въ квартиру, мнѣ пришла мысль — воздать А. П. Ермолову должное, описавъ въ письмѣ къ нему то, что̀ видѣлъ и тѣ впечатлѣнія, которыя произвелъ на меня видъ могущественной землянки его, располагая только утѣшить этимъ старца, котораго уважалъ; но въ тотъ вечеръ я не могъ приняться за письмо, потому что у меня зубы сильно болѣли и отложилъ исполненіе намѣренія своего до возвращенія во Владикавказъ. Врангеля просилъ я для сбереженія землянки построить надъ нею навѣсъ, что̀, я слышалъ, онъ и сдѣлалъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1855-й годъ.

Вотъ и конецъ бѣдственнаго 1854 года. Привѣтствуемъ тебя, новый пришлецъ! Будь радостнымъ гостемъ, скажи радостное слово!

Три факта характеризуютъ прошедшій годъ: убытки съ долгами, вооруженія съ поспѣшностью и начало войны съ нерѣшительностью. Россія начала защитою другихъ—кончаетъ самозащитою. Франція обѣщала побѣды—терпитъ неудачи. Англія разсыпалась въ угрозахъ и пришла къ сознанію безсилія. Германія хотѣла управлять дѣломъ и второстепенно идетъ за другими. Турція, Испанія, Италія потеряли всякую самостоятельность.... Нельзя, чтобъ такая продолжительная болѣзнь, достигнувъ усилій 1854 года, обошлась безъ перелома. Переломъ будетъ, и горе тѣмъ, кто его не предвидитъ или видя не понимаетъ.... Прошлый годъ въ полномъ смыслѣ слова переходный; онъ чреватъ будущимъ....

Умеръ Шеллингъ. Умираетъ отвлеченная наука уединенныхъ мыслителей. Другіе двигатели еще не обозначились. Они, однако, должны явиться на мѣсто этихъ ранговъ, орденовъ, отличій, которые такъ упали, которыми такъ мало довольствуется даже ограниченное самодовольство.

Въ кругу друзей, въ самый день юбилея Н. И. Греча, я читалъ небольшую разговорную статью, подъ названіемъ: «Кто идетъ? Деньги! Что несетъ? Комфортъ! Куда спѣшитъ? Къ плясуньямъ!» Этимъ характеризуются наши нравы... Но кого убѣдишь? Еслибъ явился Платонъ, могъ бы имѣть дѣйствіе только на поколѣніе не зараженное, а не на современное. Мы нуждаемся не столько въ идеалогахъ и нравоучителяхъ, сколько въ педагогахъ и учредителяхъ. Массѣ нужны установленія, а не идеи; иначе самыя простыя истины не дойдутъ до нея. А какое благопріятное время теперь для того, чтобъ дать образованіе народу! И не готово ли оно миноваться и войти въ тотъ періодъ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, II, 345.

затрудненій и невозможности, о которомъ читаемъ у Шлоссера. «Либеральная партія, говорилъ Менцель въ 1836 г. (Geschichte der Deutschen) приготовлялась къ будущему преимущественно изученіемъ Французскихъ журналовъ. Нѣтъ доказательства, которое бы лучше и вѣрнѣе обнаруживало то постоянное вліяніе, которое всегда оказывала Франція, лишь на время остановленное войною за независимость. Нравственная и умственная способность заниматься собою, своими интересами не возвратилась къ намъ, и мы остались, какъ прежде, въ заколдованномъ кругу Французскаго вліянія. Насъ тревожили и волновали не столько вопросы Нѣмецкіе, оставшіеся неразрѣшенными, какъ напр. объ учрежденіяхъ, о свободѣ тисненія, о торговлѣ, о свободномъ плаваніи по Рейну и проч., сколько движенія и событія въ другихъ странахъ; а, впрочемъ, надобно сказать, что у себя мы видѣли только перемѣны министерствъ безъ всякаго значенія и скучныя рѣчи депутатовъ. Мы жили, мыслили и чувствовали по журналамъ иностраннымъ, и среди ихъ мы были болѣе дома, чѣмъ у себя».

И это говорится о Германіи, гдѣ были покрайней мѣрѣ перемѣны министровъ и рѣчи депутатовъ, гдѣ были, и въ сильной степени развитія, наука и искусство, и облагороженныя ими учрежденія общественныя, и добросовѣстность частной жизни. А у насъ?

Подъ словами къ «плясуньямъ» я желалъ указать то гибельное явленіе, которое особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ представляютъ «мраморныя дѣвы» (les filles de marbre), пріѣзжающія по вызову нашихъ аристократовъ, особенно изъ Парижа. Это цѣлая, многочисленная галерея Фринъ и Аспазій. Онѣ ждутъ пера даровитаго. Многихъ изъ молодежи онѣ погубили.

Изъ Севастополя все нѣтъ ничего. Князь Меншиковъ доноситъ, что выпалъ снѣгъ; вѣроятно завтра донесетъ, что растаялъ. Много шума по поводу переговоровъ о мирѣ, по моему мнѣнію невѣроятныхъ. Остряки шутятъ: «on nous menace de la paix!» Однако, въ концѣ Января въ Крыму надобно ожидать чего нибудь рѣшительнаго. Небольшая побѣда дивизіи Ушакова на Дунаѣ еще не обнародована. Молодые князья отправляются въ Севастополь, а князья Французскій и Англійскій возвращаются.

Изъ внутреннихъ дѣйствій хвалятъ назначеніе Игнатьева генералъ-губернаторомъ (послѣ отказа на это мѣсто старика Анненкова), адмирала М. (преобразователя морской смѣты) въ Государственный Совѣтъ. Порицаютъ назначеніе князя Урусова въ Витебскъ и Ѳедора Анненкова въ Нижній.

Не вѣрю я искренности мирныхъ переговоровъ. Уши вянутъ и волосы становятся дыбомъ при чтеніи писемъ Княжевича изъ Симфе-

рополя; послѣднее, отъ 16-го, въ которомъ онъ пишетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ насъ тяготитъ не столько непріятель, сколько наша собственная армія... Нѣтъ ни порядочнаго пріюта, ни фуража, ни продовольствія; цѣна на все удесятирилась, а доставка изъ Перекопа и Геническа затруднительна; Петербугрская почта опаздываетъ на 8 дней. Какой же миръ можетъ быть заключенъ послѣ страшныхъ пораженій нашихъ и послѣ такого убѣжденія враговъ въ превосходствѣ надъ нами?...

Сегодня вышли награды Сенату: семь Бѣлыхъ Орловъ, три Владимира, одна Анна... Какая цѣль этихъ наградъ? Униженіе стариковъ? Уравненіе годовъ? Награда скромности? Слышно: почему же нѣтъ?

Графъ Перовскій, министръ удѣловъ, переименованъ въ полные генералы и генералъ-адъютанты для начальства надъ полкомъ стрѣлковъ Императорской фамиліи....

Но хорошо ли поступаютъ наши враги, напирая до крайняго униженія?... Въ насъ уже сильно чувство великой, самостоятельной народности, и оскорбить это чувство не выгодно и страшно. Хорошо ли дѣлаютъ они, не пользуясь настоящими предложеніями?

Опять, какъ осенью, объ насъ забыли, вызывая пожертвованія и предписывая наборы. Только по этимъ случаямъ и нисходятъ до насъ... Впрочемъ Европа и канцлеръ должны знать, какъ и что съ нами будетъ... Къ намъ сегодня, 8 Января, пріѣзжали: Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Университетъ, чтобы объявить о милости Царя, соизволяющаго на назначеніе студентовъ въ военную службу; министръ А. С. Норовъ въ гимназіи поздравить учениковъ 6 и 7 класса съ царскою милостію: имъ приказано учиться маршировать по субботамъ и учиться артикуламъ и пріемамъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ... Эта мѣра мало говоритъ въ пользу мира, и объ немъ мало говорятъ въ городѣ. Говорятъ о брошюрѣ принца Наполеона «de la conduite de la guerre d'Orient»; о предстоящемъ юбилеѣ Московскаго Университета; объ убійствѣ д. с. с. Оленина его людьми за жестокое обращеніе его, дѣтей и жены его (здѣсь винятъ и полицію, и предводителя; это третій разъ, и своевременныя мѣры, слѣдствіе и отобраніе имѣнія предупредили бы его; объ измѣненіи формы военнаго обмундированія, сближеннаго съ Русскимъ и болѣе свободнымъ; о свадьбахъ (гр. Клейнмихель выходитъ за Пилларъ-Пильхау, приданое отъ казны). Говорятъ особенно о семействѣ гр. Са-ва: онъ сосланъ въ деревню, жена въ Москву, дочери во вдовій домъ. Особенно много говорятъ о балѣ Мины Ивановны. У нея былъ дворъ и городъ, между прочимъ В. Ш., который мнѣ это и пересказывалъ. Дамы были изъ оперы, изъ почтамта и негоціанства. Что за роскошь! Что за веселіе, что за раду-

шіе! Миловались и щипали корпію.—Изъ Крыма все нѣтъ ничего. Правда, непогоды, болѣзни и труды губятъ нашихъ непріятелей; но не дурно ли пользуемся мы этими союзниками въ такое дорогое для насъ время? Князь Меншиковъ доноситъ только, по словамъ плѣнныхъ Арабовъ, что Турки употребляются въ родѣ рабочаго скота для перевозки тяжестей и провіанту. На эту остроту каламбуриста Обручевъ замѣтилъ, что князь Меншиковъ долженъ знать, какъ въ 1829 г. для переноски провіанта отчислены были три батальона Русской арміи. Болѣе занимаетъ общественное вниманіе указъ 10 Января о выпускѣ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ (на неопредѣленную сумму) съ обезпеченіемъ ихъ $^1/_6$ выпускаемой суммы звонкою монетою... Подумаешь: чего уже теперь стоитъ эта война Европейскимъ правительствамъ! Франція хвалится своею подпискою, которая по послѣднему займу въ 500 мил. возвысилась на 2200 мил. франковъ, впрочемъ, при участіи капиталовъ Англійскихъ, Бельгійскихъ и Голандскихъ. Но вызовъ этотъ точно ли обнаруживаетъ преданность, довѣріе и богатство, какъ докладываетъ г. Барошъ? Едва ли. Готовность эта свидѣтельствуетъ о застоѣ производительности и торговли, на что̀ указываетъ и пониженіе банковаго процента. Эти огромные долги ведутъ къ банкротству и, можетъ быть, къ новымъ потрясеніямъ. А въ указѣ отъ 10 Января повторяется, что Россія вовлечена въ войну единственно для охраненія правъ и защиты предѣловъ своихъ.

Сегодня, 12 Января, умеръ отъ нервическаго удара графъ Н. А. Протасовъ, мужъ дочери кн. Д. В. Голицына, бывшій товарищъ министра нар. просвѣщенія и предложенный С. Д. Нечаевымъ въ оберъ-прокур. Св. Сѵнода, кажется въ 1838 году. Это былъ человѣкъ болѣзненный. Онъ помогалъ Сѵноду въ распоряженіяхъ о возсоединеніи Уніи и, при отъѣздѣ Нечаева, предложенъ имъ (какъ онъ самъ говорилъ мнѣ) за это къ исправленію его должности, за что̀ члены Сѵнода, по наущенію обойденнаго Нечаевымъ А. Н. Муравьева, представили Государю благодарность. Графъ Протасовъ былъ человѣкъ умный и образованный. Онъ начальнически взялъ управленіе въ руки и былъ едва ли не дѣятельнѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ. Главныя его дѣянія: 1) Окончаніе дѣла о возсоединеніи Уніи; здѣсь содѣйствовали ему Симашко, Антоній и Войцеховичъ. 2) Преобразованіе главнаго и губернскаго управленія (о консисторіяхъ 1840). Главное управленіе онъ развилъ чрезмѣрно.... Губернское управленіе имѣетъ недостатокъ нерѣшительности. Консисторіи не имѣютъ достаточно независимости и стѣсняютъ архіереевъ. Положеніе духовенства въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ умалилось въ своемъ достоинствѣ. 3) Преобразо-

ваніе духовныхъ училищъ, учрежденіе Казанской Академіи и ограниченіе курсовъ семинарій. Послѣдняя мѣра, по мнѣнію моему, весьма вредна; но она въ связи съ четвертой—уменьшеніемъ духовенства и введеніемъ штатнаго жалованія. Нельзя во всякомъ случаѣ не отдать справедливости дѣятельности покойнаго оберъ-прокурора; онъ ввелъ болѣе порядка въ дѣлопроизводствѣ, въ управленіи и отчетности. Это неотъемлемая его заслуга. Но онъ очень мало сдѣлалъ для духовнаго суда и для духовной проповѣди. Я видѣлъ въ деревнѣ, что̀ значатъ визитаціи и разборъ архіепископа. Вліяніе на насъ лютеранскихъ ученыхъ весьма сильно; мы покупаемъ библіи Лейпцигскаго изданія. Проповѣдь за самыми незначительными исключеніями (Филаретъ, Иннокентій) почти не слышна. Цензура духовная стѣсняетъ очень много даже свѣтскихъ писателей. Графъ Протасовъ не любилъ извѣстныхъ ученыхъ: Малова, Сидонскаго, Евгенія, Макарія. Имѣнія свои онъ оставилъ дальнимъ родственникамъ.

Сегодня долго я бесѣдовалъ съ бар. М. А. Корфомъ, человѣкомъ интереснымъ, между прочимъ, по своему продолжительному государственному служенію. Онъ уже 25 лѣтъ занимаетъ высшія мѣста въ управленіи, а между тѣмъ свѣжъ и молодъ. Мы говорили о біографіи Сперанскаго, о просвѣщеніи, о цензурѣ, которой онъ теперь, какъ предсѣдатель высшаго комитета, главный руководитель. «Я поставленъ въ положеніе дѣлать зло и нисколько не дѣлать добра», сказалъ мнѣ этотъ руководитель, приводя примѣры, какъ гр. Клейнмихель, за какое-то описаніе путейскаго офицера потребовалъ отрѣшенія цензора отъ должности; а графъ Панинъ, за «Мечтателя» (въ Москвитянинѣ), по наставленію И. И. Д-ва, писалъ письмо къ А. С. Норову, вслѣдствіе котораго уволены два цензора. Я обратился къ нему со старою моею пѣснью, приводя въ примѣръ и Пруссію въ 1806 году, и Австрію 1830-хъ годовъ, когда строгости цензуры и полиціи, препятствуя своеземному развитію, открыли такое обширное и гибельное вліяніе направленію Французскому. Я привелъ въ доказательство это страшное потребленіе бѣглой Французской литературы, брошюрами, журналами, романами, и спросилъ, не признаетъ-ли онъ возможнымъ открыть хоть небольшое отверстіе для литературы, для Русской драмы, Русской комедіи, Русскаго журнала, Русской науки, такъ стѣсненныхъ теперь инстанціями цензурными, служебными, духовными, жандармскими, личными. Но едва ли бар. Корфъ можетъ что либо сдѣлать тутъ: не то время. Онъ, впрочемъ не только согласенъ съ моимъ воззрѣніемъ, но упомянулъ, что оно неоднократно выражено и въ журналахъ ихъ комитета. О комитетѣ своемъ онъ отозвался, что въ 1848 г. онъ былъ необходимъ, чтобъ оградить отъ соціализма, про-

рывавшагося во многихъ выходкахъ и даже статьяхъ извѣстныхъ лицъ; теперь же онъ почти безполезенъ, особенно потому, что дѣйствіе его отрицательное, а власть совѣщательная.

Присланы рѣчи, говоренныя на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго Университета. Я не могъ быть на этомъ праздникѣ и ограничился письмомъ къ кн. Н. Н. Голицыну. Главнѣйшая заслуга Университета есть заслуга давности; онъ не основалъ особой школы, онъ не ознаменовалъ себя какимъ нибудь историческимъ изданіемъ, ни обнародованіемъ какого нибудь собранія источниковъ или сочиненій; онъ образовалъ около ста поколѣній, и это его главнѣйшая заслуга. Мнѣ любопытно было прочесть рѣчи. Множество адресовъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго; замѣчательнѣе прочихъ профессоровъ: Никитенки, Калмыкова, д. с. с. Заблоцкаго. Заслуживаютъ вниманія проповѣдь Филарета и рѣчь Шевырева. Знаменитый іерархъ говорилъ объ «истинѣ».

Очевидно, что проповѣдь не выработана для великаго учебнаго праздника. Въ ней нѣтъ и обыкновенной у Филарета житейской мудрости, счастливаго сближенія текста, удачнаго словообразованія. Хороша мысль, взятая у Боссюэта объ Исторіи: «не попусти себѣ тупымъ взоромъ видѣть въ бытіяхъ человѣчества только нестройную игру случаевъ и борьбу страстей или слѣпую судьбу; изощри свое око и примѣчай слѣды Провидѣнія Божія, премудраго, благаго и праведнаго», и особенно хороши послѣднія слова: «истина, когда за нее умираютъ, бываетъ особенно животворна».

Рѣчь Шевырева носитъ еще болѣе печать поспѣшности, необработанности и какой-то журнальной отрывочности. Я искалъ въ ней особенно доводовъ о заслугахъ Университета. Рѣчь написана съ увѣренностью; смѣло и красиво, но не безъ умышленныхъ умолчаній. Она начинается стихами Ломоносова Шувалову и Елисаветѣ и словами ученика его Поповскаго болѣе выразительными: «Наши дѣти, внуки и ихъ правнуки имѣютъ готовое великія сея милости участіе. Безчисленныя тысящи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... О, какую радость, какое ощущаемъ мы веселіе, возбуждаемы надеждою, что увидимъ вождѣленные плоды сего новонасажденнаго винограда, что дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего мѣста произойдутъ судіи правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе; когда, напослѣдокъ, сему прозорливостію Государыни основанному и щедротами одобренному мѣсту Россія одолжена будетъ внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ благосостояніемъ».

Дѣйствительно, великая сила убѣжденія, какъ видно, дышала въ этихъ словахъ профессора, «въ какомъ-то прозорливомъ вдохновеніи они были сказаны; теперь слова его для насъ живое событіе; ихъ вѣщая мысль совершается предъ нами воочію, на нашемъ столѣтнемъ праздникѣ». Дѣйствительно, это такъ; но надежды Поповскаго не сбылись можетъ быть и отъ того, съ Елисаветою національное развитіе стало слабѣть, отъ вліянія Западнаго при Екатеринѣ и военнаго съ Александра. Замѣчательно, что Поповскій ни слова не говоритъ о Русскомъ языкѣ, разработка котораго признается Университетомъ за лучшую свою заслугу. Тотъ фактъ, что Университетъ существуетъ и что мы празднуемъ столѣтіе его существованія, Шевыревъ приписываетъ во первыхъ, Промыслу Божію, «Коего храмъ сталъ у насъ твердо возлѣ храма наукъ»; во вторыхъ, образующей волѣ государей нашихъ (Елисаветы, послѣ Петра, собесѣдника Лейбница, признавшей «необходимую нужду въ томъ, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной Имперіи всякое полезное знаніе»; Екатерины II, въ годъ Наказа «свергнувшей иго Латинскаго языка съ науки», Павла, Александра и Николая) и ея исполнителей: Шувалова «изобрѣтателя этого полезнаго дѣла», Мелиссино, Хераскова, основателя благороднаго пансіона, педагогической гимназіи и виновника знаменитаго договора типографіи Университета съ Новиковымъ, «столько плодотворнаго для Русской словесности»; кн. Голицына, Муравьева «незабвеннаго Муравьева, чести и красы благодарныхъ питомцевъ», гр. Разумовскаго, Голенищева-Кутузова, кн. Оболенскаго, возстановителя зданій Университета послѣ непріятеля. Здѣсь мимоходомъ пропущены многіе; объ Уваровѣ намекъ. Упомянуты градоначальники, гр. Закревскій, покровители и жертвователи: родъ Демидовыхъ, царевичъ Георгій, гр. Строгановъ, кн. Урусовъ; дворяне Всеволожскіе, Горихвостовы, игуменъ Порфирій, купцы Твердышевъ, Грачевъ, купчиха Кулакова, крестьянинъ Малюгинъ. Въ третьихъ, любви Русскаго народа къ просвѣщенію. «Въ любви къ ученію и наукамъ видимъ тоже соревнованіе сословій. По долгу званія, по богатству средствъ числомъ превосходятъ дворяне. Дѣти княжескихъ и древнихъ боярскихъ фамилій сѣли первые на скамьи нашего Университета, лишь только онъ открылся. Духовенство послѣдовало имъ. Разночинцы сѣли также съ ними на лавкахъ студентовъ. Наука у насъ ровняла сословія и вызывала дарованія отвсюду для службы государственной. Торжественно давая разночинцу шпагу студента, она съ тѣмъ вмѣстѣ давала и даетъ теперь право на пріобрѣтеніе диплома дворянскаго». Послѣ обращенія къ прежнимъ и настоящимъ студентамъ, ораторъ заключаетъ: «Торжество нашего праздника соединяется со всеоб-

щею, всенародною думою, которая теперь не только на яву сопровождаетъ, но и во снѣ будитъ Русскаго человѣка». Война дѣйствительно придала особое значеніе празднику (выразившееся еще болѣе на другой день, на семейномъ пиру), и Шевыревъ, дѣятель мирнаго просвѣщенія, удачно оканчиваетъ рѣчь: «Да позволено мнѣ будетъ, въ эту минуту нашего торжества, съ высоты ста лѣтъ, прожитыхъ нашимъ университетомъ, увидѣть вдали свѣтлымъ окомъ процвѣтаніе такой науки въ Россіи, которая, озаривъ глубже духовныя стороны человѣка, какъ дважды два четыре докажетъ обезоруженной логикѣ Запада, что въ человѣкоубійственной брани мертвая ложь, а въ любви и мирѣ живая истина».—Боже мой, какъ разыгрываются событія! Какъ этотъ внѣшній трудъ борьбы умирающаго порядка помогаетъ этому внутреннему броженію и какъ эта демократія просвѣщенія пособляетъ общему движенію! Война Востока съ Западомъ есть только поводъ; настоящая война—это война народовъ съ правительствами монархическими. Не мудрено, что по окончаніи ея многіе объявятся банкротами; немудрено, что эта аристократія талантовъ и науки, такъ страдающая съ 1848 года, окончательно потеряетъ довѣріе.... Какое ополченіе вызвала Россія съ Запада, истощая, изнуряя и обезсиливая его и себя. Прочтите о засѣданіяхъ Кортесовъ въ Испаніи, дрожащихъ отъ одного ожиданія возстанія Карлистовъ и едва сдерживаемыхъ привычнымъ авторитетомъ Эспартеро. Прочтите свѣдѣнія о займѣ въ 500 мил. во Франціи, искусственно поддерживаемой ложью и насиліемъ въ своемъ самообольщеніи и невѣдѣніи. Прочтите о засѣданіи парламента 26 Января, въ которомъ Джонъ-Россель такъ неудачно и неловко, а Сидней-Гербертъ такъ невольно раскрываютъ раны болящаго тѣла. «Мы», говоритъ онъ, «адмиралтейство, перевезли снарядовъ до 100 тоннъ на Востокъ (75 т.) и въ Балтику (14 т.), 255 т., 5700 лошадей... и что же? Способы наши изсякли. И что же? Мы должны сознаться, что арміи у насъ нѣтъ...» А лорды кричатъ: слѣдствіе, слѣдствіе, назначить слѣдствіе для обнаруженія виновныхъ въ Крымскихъ бѣдствіяхъ... Джонъ-Россель вышелъ въ отставку. Ньюкестль замѣщается Пальмерстономъ. Кабинетъ готовъ откланяться. Посмотрите на эту Германію, гдѣ переписка о мобилизаціи пробудила старыя соревнованія, и разъединеніе готово выразиться въ нѣдрахъ самаго сейма. Австрія совершенно примыкаетъ къ Франціи, увлекшей за собой и горюющую о двухъ королевствахъ Сардинію. Пруссія еще держится, отстаивая прежнюю систему; но едва ли на долго. Она уже довела до половины требуемую мобилизацію и едва ли удержится отъ войны, когда на границахъ вспыхнетъ пожаръ и пройдетъ 50-тый корпусъ чрезъ Италію въ Германію, и можетъ

быть, заговорятъ Славянскія племена. Такъ дорого обходится эта точка на картѣ, называемая Севастополь. Вся препона въ безплодности Вѣнскихъ совѣщаній, вся надежда на выручку нашей военной чести. Мы перевозимъ, говорятъ въ Англіи, всю эту массу войска, снарядовъ и снабженій за 3000 миль, а надобно пройти еще только 6 миль (отъ Балаклавы къ лагерю), и эти 6 миль тяжелѣе 3000. Да тяжело возиться съ Русской землею, и дешево ея не получишь!

А у насъ продолжаются пожертвованія, адресы дворянства, Московскій университетскій праздникъ, гремящій теперь по Россіи изъ конца въ конецъ, какъ нарочно выпавшій въ дни великихъ событій... Да. А потомъ что? Или удача или слѣдствіе... Обращеніе Государя къ Университету стать офицерами въ ряды арміи есть, конечно, мѣра знаменательная; но все это носитъ печать временной необходимости и уступки и очень далеко отъ того, чтобъ избавить насъ отъ упрека вѣковыхъ опытовъ: было время, да пропущено...

Вотъ и послѣдніе дни Января, а изъ Крыма нѣтъ ничего рѣшительнаго. У насъ объявлено ополченіе по 23 съ 1000, сперва въ 6-ти губерніяхъ. Мѣра важная и тягостная. Если непріятель не придетъ въ наши предѣлы, эта мѣра, а также постоянное призываніе къ пожертвованіямъ, дастъ поводъ къ ропоту. Обѣднѣніе, даже истощеніе не далеко, а въ устахъ бѣднаго ропотъ еще ближе. Говорятъ, что отъ кн. Меншикова требуютъ отвѣта, почему онъ не пользуется благопріятнымъ для насъ временемъ, столь гибельнымъ для союзниковъ и что̀, наконецъ, онъ намѣренъ предпринять? Говорятъ, что генералъ Липранди пишетъ, что не понимаетъ, что̀ дѣлаетъ главнокомандующій.

Пробѣгаю я любопытное жизнеописаніе Пушкина, написанное Анненковымъ. Намъ, людямъ того времени, такъ любопытно описаніе жизни поэта, котораго мы знали наизустъ. Къ сожалѣнію, біографъ не могъ коснуться политической стороны жизни нашего либерала, съ котораго это политическое направленіе началось и для Россіи, чтобъ потомъ продолжиться въ Лермонтовѣ и перейти въ соціальное въ Гоголѣ и въ сотнѣ Герценовъ, Некрасовыхъ и проч.

Куда годится это ополченіе, когда ему придется помѣриться съ регулярными войсками? Какими мыслями напитаются эти толпы, предводимыя отставными деревенскими мыслителями? Какими возвратятся они въ нѣдра мирной жизни послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вольницы и въ одномъ ожиданіи побѣдъ? Не только деревенскій бытъ, не потерпитъ ли и самый семейный? Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ и пространство, и число, и время набора ополченія были сколь можно короче. Два Кочубея и В. А. Шереметевъ согласны съ моимъ мнѣніемъ; они сообщали мнѣ, что первоначальное предположеніе князя

Паскевича было: всѣ запасные магазины изъ внутреннихъ губерній перевезти на счетъ дворянства къ Бобруйску и что министръ Бибиковъ былъ вообще противъ положенія объ ополченіи (писаннаго Ѳ. Герас. Устряловымъ). Первая мысль объ ополченіи принадлежитъ графу Панину, но онъ въ комитетѣ не присутствовалъ; и вообще ропщутъ, что не были призваны, хотя для совѣта, никто, ни предводители, ни довѣренныя лица, хорошо знающія Россію. Порицаютъ §§ 36—41 положенія, въ которыхъ послѣ столькихъ пожертвованій вызываются новыя пожертвованія, и «постановленія собраній о пожертвованіяхъ исполняются безпрекословно». При бѣдности нашихъ сословій, особенно дворянства, подобныя постановленія могутъ казаться очень тяжкими.

Съ отдѣленіемъ гражданскаго управленія Государю Цесаревичу Наслѣднику не дождемся ли мы какого нибудь общаго преобразовательнаго начала?.. Впрочемъ настоящимъ порядкомъ всѣ довольны.

Говорятъ, кн. Меншиковъ очень нездоровъ; говорятъ, Тотлебенъ измучился, что госпитали переполнены. А съ Запада напираютъ все сильнѣе. Разжигающія статьи «Times» продолжаются; онѣ, по смѣнѣ министерства, настаиваютъ на производствѣ слѣдствія о причинахъ Крымскихъ бѣдствій... Говорятъ, Луи-Наполеонъ самъ станетъ во главѣ арміи и оставитъ Парижъ съ его балами, маскарадами и оргіями.... Говорятъ, Пруссія условилась съ Западомъ о нейтралитетѣ, и Англія требуетъ стѣсненія нашей торговли и безъ того уже очень стѣсненной запрещеніемъ появляться нашимъ колесамъ и кибиткамъ на Прусскомъ шоссе. У насъ заговорило ополченіе: «стальной щетиною сверкая», встаетъ Россія! Лишь бы не по пустому... Султанъ здоровъ, а Государь боленъ. Я не знаю, впрочемъ, кто теперь можетъ быть здоровъ, при этой горячкѣ и лихорадкѣ событій?

Очень читаютъ теперь стихи «Русскому Царю».

Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
Повсюду мечъ ужъ обнаженъ.
Мы слышимъ клеветы, мы знаемъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ,
Измѣны, зависти и страха порожденья....
Друзей у нашей Руси нѣтъ!....

Начались ополченныя совѣщанія въ Петербургѣ, и въ первый день много толковъ и одушевленія. Но есть и толки объ экономіи по снабженію одеждою и продовольствіемъ. Предводители объявили: готовность полная, но денегъ нѣтъ. Сукно полагаютъ заготовить разныхъ цвѣтовъ, полушубки старые, продовольствіе собрать на мѣстѣ и усло-

виться съ Военнымъ Министерствомъ; на случай движенія продовольствовать по билетамъ (въ родѣ временныхъ акцій, crédit foncier). Думаютъ предложить кандидатовъ: Ермолова, М. Н. Муравьева, графа С. Г. Строгонова, князя И. Л. Шаховскаго. Замѣчательно, что изъ этихъ четырехъ кандидатовъ только Муравьевъ можетъ быть дѣйствительнымъ начальникомъ. Ермоловъ и Строгановъ въ немилости. Все это способно и здороваго сломить, а больному человѣку это ударъ....

Государь скончался сегодня, 18 Февраля, въ часъ. Пусть исторія и гордыня человѣческая попробуютъ расчитаться съ умершимъ! Какой урокъ человѣчеству! Какое разительное зрѣлище! Я никогда не сомнѣвался, что онъ не вынесетъ. Многое и, можно думать, главнымъ образомъ неудачная война, ускорили давленіе на могучій организмъ и довели человѣка, убѣдившагося во многихъ ошибкахъ, до смерти. Такому человѣку оставалось одно: или отреченіе, или смерть.

Дай Богъ всего лучшаго молодому императору Александру II-му! Онъ добръ, снисходителенъ и кротокъ. Пока мы только это и знаемъ. Наслѣдники престола рѣдко проявляютъ настоящій свой характеръ; но, кажется, ничто не препятствовало бывшему Цесаревичу имѣть влеченіе къ людямъ достойнымъ, къ предметамъ занятій серьезнымъ. Мы знали Наслѣдника ходатаемъ за угнетенныхъ, присутствующимъ на всѣхъ парадахъ и посѣщающимъ балы. Ему 36-ой годъ. Пока онъ еще не рѣшался дозволить себѣ самостоятельныхъ дѣйствій. Онъ показывалъ во всемъ примѣръ безпрекословнаго повиновенія Отцу и Государю. О Цесаревнѣ говорили, что она отличается расчетливостью въ расходахъ. Очень можетъ быть, что теперь возметъ верхъ Русская партія (Вас. Дм. Олсуфьевъ?), для которой древнее боярство, древнее одѣяніе, крѣпостное право и т. п. будутъ на дневной очереди. Русская партія хочетъ привести къ думамъ боярскимъ и соборамъ выборныхъ людей. Она конечно была бы не безполезна для распространенія и утвержденія Русской жизни, подавляемой иностранною; но мы удивимся, когда, приступя къ дѣлу, увидимъ, что всѣ эти бояре—маркизы.

Сегодня я присутствовалъ при чтеніи манифеста въ общемъ собраніи Сената и членовъ Сунода и при поздравленіи новаго Императора въ Зимнемъ дворцѣ. Въ Сенатѣ собралось сенаторовъ и оберъпрокуроровъ до 70 человѣкъ. Одѣты были не всѣ одинаково (приказъ о черныхъ панталонахъ пришелъ слишкомъ поздно). Мы долго ожидали подписанія протокола, который былъ заготовленъ съ ошибками (кажется, вмѣсто 19-го числа выставлено было 18-ое). Потомъ сенаторы отправились въ церковь для присяги, не всѣ вмѣстѣ, а порознь. Одни подписали, другіе подписывали протоколъ. Когда мы вошли въ церковь, тамъ было уже много народа. Прочли присягу и подписали

листъ. Министръ уже давно уѣхалъ, приказавъ изготовить журналъ и дать подписать сенаторамъ. Въ Зимнемъ дворцѣ (кромѣ церкви) было очень просторно. Новый Императоръ убитъ горемъ, блѣденъ, изнуренъ и грустенъ; тоже видно было и на Еленѣ Павловнѣ. Другихъ членовъ императорской фамиліи я не разсмотрѣлъ... Великіе люди наши, вѣроятно по случаю поздравленія, нарядились въ улыбки, которая не сходила съ устъ графа Панина. Графъ велъ едва движущійся трупъ князя Чернышева, медленно подвигавшаго одну ногу за другою и готоваго упасть на каждомъ шагу. Другой графъ, Орловъ, шелъ бодро, улыбался и разговаривалъ весело. Я уѣхалъ въ три часа... Что мы потеряли? Мы потеряли человѣка съ великимъ характеромъ... Онъ отличался самонадѣянностью, независимостью. И то и другое было въ высшей степени. Стремленіе къ независимости и дало ему то громадное значеніе, которымъ онъ пользовался. Тридцать лѣтъ царствованія его будутъ памятны безчисленными постройками и усиленіемъ государственнаго начала, вызвавшаго демократію. Онъ былъ демократъ изъ демократовъ. Военный смыслъ увлекалъ его къ единству, къ однообразію, къ прямымъ линіямъ, къ регулярности, къ фронту... Заслуги его велики; но не должно забывать при этомъ помощь вѣка и невольнаго сближенія съ Западомъ. Войско, особенно военное хозяйство, финансы, управленіе, просвѣщеніе, все это непремѣнно потребуетъ преобразованій... Но онъ лично самъ обращалъ вниманіе на все и на всѣхъ; онъ многихъ обогатилъ, сдѣлалъ счастливыми, и производительно расходовалъ капиталы: это будетъ свидѣтельствовать объ эпохѣ Николая I. Кажется, три періода должно различать въ этой эпохѣ: начало до 1830, болѣе внутреннее; середину до 1849, болѣе внѣшнее, и подъ конецъ, до 1854, реакція. Удача реакціи привела къ войнѣ, а война убила человѣка.... Многіе порицаютъ, что предсмертное прощаніе обращено только къ войску, и отъ него одного покойный Государь ожидалъ устройства внутренняго и внѣшняго.

Новый Государь повторяетъ желанія и виды Петра I, Екатерины II, Александра и Николая. Впрочемъ все идетъ своимъ порядкомъ. Народъ, допущенный для поклоненія, толпится массами, ссорится съ полиціей, терпитъ давку и увѣчья. Опасаются толковъ о смерти, и даже названіе болѣзни «гриппъ» возбуждаетъ вопросъ: не отрава ли, не «грибы ли»?... Опасаются, чтобы Русская партія не задумала учредить аристократію у насъ въ Россіи, а также боятся распространенія крѣпостнаго права даже на крестьянъ казенныхъ (и это въ 1855 г.!) Но мнѣ кажется, опасенія эти преувеличены.... Если направленіе стремящееся приблизиться къ боярскимъ временамъ окажется сильнымъ, тогда мы ближе всѣхъ націй къ перевороту. Впро-

чемъ, въ началѣ царствованія неизвѣстность всегда даетъ поводъ къ толкамъ. Несомнѣнно лишь то, что сильной руки не стало и что раздоры, интриги и вліянія болѣе нежели возможны... Телеграфическіе отвѣты на извѣщенія о смерти весьма пріятны, особенно изъ Берлина и Вѣны. Перемѣщенія, сдѣланныя за день до смерти, одобряются всѣми: кн. М. Д. Горчаковъ на мѣсто князя Меншикова, а на его мѣсто генер. Лидерсъ. Графъ Ридигеръ въ Петербургъ. Цалуя въ Совѣтѣ всѣхъ министровъ, Государь пропустилъ Бибикова.

Нужда въ Крыму обнаруживается. Княжевичъ пишетъ, что въ Ялтинскомъ уѣздѣ начинается голодъ. Поставщикъ топлива (сажень кизяка по 27 р.) хочетъ отказаться. Борисъ М-въ пишетъ, что въ гошпиталяхъ очень плохо; но не такъ какъ разсказываютъ въ Петербургѣ. Особенно онъ хвалитъ дѣйствія Владимира Карамзина, который потратилъ до 30 т. р. и, накупивъ холста, фланели, травъ, простыхъ лекарствъ, приноситъ большую пользу. Но эти господа считаютъ поѣздку въ Крымъ «partie de plaisir», и на ихъ слова полагаться нельзя. Сегодня хоронили адмирала Грейга и генерала Кушелева. По городу читаютъ письмо Ермолова о принятіи имъ выбора (въ начальники ополченія).

Новый Императоръ еще занятъ военными рескриптами. Мало по малу выдвигаются новыя созвѣздія: Витовтовъ, Ростовцовъ, Олсуфьевъ, Юрьевичъ и молодые флигель-адъютанты. Въ городѣ многіе опасаются участвовать въ печальномъ шествіи (въ слѣдствіе мороза) и отыскиваютъ предлоги быть въ шубахъ, т. е. только посмотрѣть. Суевѣрные толкуютъ о паденіи колокола въ Москвѣ, легкомысленные гадаютъ о намѣреніи образовать аристократическій элементъ въ обществѣ и управленіи... Покойный императоръ сказалъ своему преемнику: «трудно тебѣ будетъ!» И конечно. Кротость, которая въ другое время могла бы служить прекраснымъ началомъ, покажется слабостью и родитъ предубѣжденія. Иностранные листы узнали о смерти въ самый день смерти и полны 18 Февр. (2 Марта) разсужденіями и надеждами на миръ... Николай умеръ... не совсѣмъ во́ время для дѣла и для самого себя. Я не ожидаю большой перемѣны отъ этой смерти, хотя одна вѣсть о ней возбудила самыя вѣрныя надежды на миръ, возвысила въ одинъ часъ фонды въ Англіи на 2, во Франціи на 5%, привела Кларендона въ Булонь для совѣщанія съ Императоромъ, ускорила распоряженіе о созывѣ конгресса въ Вѣнѣ, побудила отложить поѣздку Луи-Наполеона въ Крымъ.... и готова перемѣнить ту антипатію къ особѣ Николая I, которая видѣла въ немъ врага заклятаго. Эта вѣсть возбудила почти благоговѣніе къ памяти умершаго «великаго человѣка, охранителя порядка въ монархическомъ началѣ, постоянно сильнаго»

Эхо о кончинѣ Императора отдалось во всѣхъ краяхъ и, не безъ основанія иностранцы жалѣютъ объ усопшемъ. Никто такъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла, даже внутреннія, какъ покойный Императоръ, во время 30-ти лѣтняго дѣятельнаго царствованія. Онъ былъ самый давній вѣнценосецъ изо всѣхъ вѣнценосцевъ Европы и представитель до-Іюльскаго порядка. Старики: Меклембургъ-Стрѣлицкій, Виртембергскій, Бельгійскій и Прусскій отшатнулись отъ него и не могли найти въ немъ сочувствія. Только Декабрь 1851 года ихъ сблизилъ. Иностранцы и будущіе историки, пожалуй, скажутъ, что мы даже не понимали умершаго великаго человѣка.... Но вѣдь они, при жизни его, роптали на вліяніе Русское.... Умирая, Государь сказалъ Наслѣднику, что желалъ оставить Имперію устроенною внутри и огражденною извнѣ.... Въ городѣ носятся слухи, что Луи-Наполеонъ убитъ, въ Лондонѣ бунтъ. Къ сожалѣнію, изъ Крыма ничего нѣтъ. Кн. Меншиковъ больной уже оставилъ Севастополь, пожертвовавъ 200 т. р. Ему отданъ домъ на Англійской набережной. Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о болѣзни покойнаго Императора видно, что Евпаторійское дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Иностранныя газеты называютъ кончину Императора «catastrophe, évènement foudroyant»... У насъ тоже говорятъ о насиліи, объ отравѣ. Медики находятъ способъ леченія доктора Мандта совершенно произвольнымъ. Я думаю, что сильнаго человѣка убили событія и боюсь, чтобъ и у насъ отнынѣ событія не сдѣлались сильнѣе людей.

Сегодня перенесли тѣло въ Петропавловскій соборъ, и я сейчасъ вернулся отъ церемоніи. Мы съ 8 часовъ ждали въ душныхъ комнатахъ Главнаго Штаба, приготовляясь, въ мундирахъ, къ морозу въ 9 градусовъ. Объявили, что дозволяется идти въ шинеляхъ. Государь и генералы были въ мундирахъ. Никакого порядка. Ни мѣстъ не знали, ни рядовъ не соблюдали. О грусти и торжественности не было и помину.... Кромѣ войны полиціи съ толпою никакихъ происшествій, кажется, не было. Публики въ окнахъ домовъ было множество, на улицахъ страшная давка.... Толки и толки объ ожидаемыхъ перемѣнахъ. Думаютъ объ удаленіи Бибикова и Брока. Но тогда уснидитъ ли графъ Киселевъ?... Я шелъ съ вице-директоромъ Военнаго Министерства Устряловымъ и съ и. д. оберъ-прокурора Св. Сѵнода Карасевскимъ. Разговоры были живые, и собраніе походило всего меньше на похороны. Иностранные листы полны извѣстіями о смерти Государя. Разсказъ о послѣднихъ минутахъ разнствуетъ отъ напечатаннаго въ Русскихъ (написано В. И. Панаевымъ). Разговора съ Императрицей, о слезахъ, о насморкѣ, о словахъ къ Наслѣднику нѣтъ ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ газетахъ. Есть, что болѣзнь развилась отъ

безсонныхъ ночей, что безпокойство было постоянное. «Es ist wahrhaft übermenschlich was bei seiner Individualität der Herr im Laufe der letzten Jahren moralisch gelitten und gekämpft hat, wie jeder blessirte Soldat ihm Stich in's Herz war» *), говоритъ Нѣмецъ, и весьма вѣрно. Онъ могъ бы еще прибавить, что война была непопулярна въ Петербургѣ. Весьма можетъ быть, что Николай, прощаясь съ камерфрау Ропбекъ, благодарилъ ее за попеченія о Государынѣ Императрицѣ и прибавилъ: «und grüssen Sie mir meinen lieben Peterhof **). На слова Императрицы, что она желала бы съ нимъ вмѣстѣ отойти, Государь сказалъ: «Нѣтъ, оставайся здѣсь, береги свое здоровье, чтобы быть связью всего семейства.» Послѣднія слова были, говоритъ Пруссакъ: «Dites à Fritz de rester toujours le même pour la Russie et de ne pas oublier les paroles de papa» ***). Это справедливо. Говорятъ, что умирающій передалъ эти слова королю по телеграфу; король будто бы отвѣчалъ: «помню слова отца и прошу быть спокойнымъ»...

Замѣчательна рѣчь новаго нашего Государя дипломатическому корпусу. Но о какомъ Священномъ Союзѣ говоритъ Императоръ? Его можно было подозрѣвать до 1848 года; съ того же времени Пруссія, какъ Англія въ 1815 г., не можетъ считаться въ немъ. Вѣнскіе трактаты порвались еще съ 1830 года, Каннингъ и Англія нанесли этому началу ущербъ незалѣчимый.... Пусть уничтожится этотъ союзъ въ могилѣ Николая, который понялъ безнравственность эпохи 1830 годовъ... Геніямъ человѣчества надо указать на развитіе другими путями и постановить порядокъ взаимныхъ отношеній государствъ, основанный не на одномъ огражденіи неприкосновенности правъ престоловъ. Николаю это было трудно, Александру II-му легче.... Обстоятельства принудятъ. При непомѣрномъ развитіи силъ, событія сдѣлались могущественнѣе лицъ, и руководительныя правила не обнимаютъ раздробившееся поприще развитія.... Политика, бывшая доселѣ искусствомъ, умѣніемъ, находчивостью, взошла на степень науки, противъ которой спорить нельзя, особенно при гласности.

Сегодня были похороны. Я, стоя на Невѣ, противъ крѣпости, слушалъ страшный грохотъ пушекъ и ружей, провожавшій нашего громкаго, воинственнаго Императора. По возвращеніи изъ крѣпости, мы читали слово, сказанное протопресвитеромъ Бажановымъ... На

---

*) Дѣйствительно, то что перенесъ и съ чѣмъ морально боролся Государь въ послѣдніе годы, выше силъ человѣческихъ: каждый раненый солдатъ былъ для него ножемъ въ сердце.

**) И поклонитесь за меня моему милому Петергофу.

***) Скажите Фрицу, чтобъ онъ оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Россіи и не забывалъ словъ отца.

смерть Государя написано уже много стиховъ. Шевырева, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, едва ли не первые. Вотъ лучшее: 18 Февраля 1855 года.

Когда межъ насъ являлся онъ
Какъ ратникъ, вѣчно на походѣ,
Всегда, какъ будто удрученъ
Заботой о своемъ народѣ;
Когда свой взоръ онъ къ намъ склонялъ,
На сквозь имъ душу проникая,
И въ сердцѣ каждаго читалъ
Или коря иль одобряя:
Смущался каждый передъ нимъ! и т. д.
Ты правъ, о Труженикъ великій,
Съ рыданьемъ нашимъ надъ тобой
Звучатъ воинственные клики,
Да слышитъ врагъ земли родной,
Подъ похоронныя молитвы,
Гремя мечами мы зовемъ:
Царь, повели, мы жаждемъ битвы
И побѣдимъ или умремъ
Подъ Александровымъ орломъ!

Прочія стихотворенія еще слабѣе этого. Говорятъ, послѣдній стихъ объ Александровомъ орлѣ прибавленъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Довольно хорошо здѣсь выраженъ взоръ, всегда умный и проницательный, карающій и одобряющій. Всего лучше описана смерть:

Онъ палъ, онъ палъ! Языкъ нѣмѣетъ,
Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!
Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
Труда не кончивъ начатаго.
И равновѣсья міроваго
Ужель не дрогнули вѣсы?
Онъ палъ; но палъ какъ жилъ: мгновенья
Не оробѣлъ предъ смертью онъ.
Покоренъ волѣ Провидѣнья,
Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,
Преемнику бразды правленья
Спокойной, твердою рукою
Одну вручилъ онъ за другою!

Николай I дѣйствительно умеръ съ большимъ присутствіемъ духа и съ большою нѣжностью къ Государынѣ. 14 Декабря и 18 Февраля славнѣйшіе дни въ жизни этого Монарха.

Въ дополненіе къ воинственному манифесту 19 Февраля, къ словамъ, сказаннымъ гвардіи, дворянству и дипломатическому корпусу, сегодня въ церквахъ читали не менѣе воинственное посланіе Святѣйшаго Сунода о защитѣ церкви, престола и отечества съ намеками въ текстахъ на лукавыхъ сосѣдей и съ повтореніемъ текста, сказан-

наго покойнымъ Государемъ: «на Тя уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». Посланіе, неизвѣстно чѣмъ вызванное и припоминающее времена Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Минина и 1812 года. Все это хорошо, но не далеко ли заходимъ мы? Ополчая и приходскія церкви, не пробудили ли мы ожиданія и требованія свыше мѣры и болѣе необходимаго? Орудія эти опасны.

Рескриптъ Адлербергу - отцу есть соединеніе всего что́ только можетъ быть лестнаго для человѣка, министра и подданнаго. На привѣтствіе обращенное къ гвардіи и гренадерамъ отвѣчали генералъ-адъютанты: Сумароковъ, Плаутинъ, Арбузовъ, Витовтовъ изліяніемъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ. Графъ Перовскій надѣлъ мундиръ императорскихъ стрѣлковъ. Обѣщаютъ военнымъ красные панталоны. Манифеста милостиваго ждутъ, но позднѣе. Я получилъ уголовные приговоры, утвержденные Государемъ 20 Февраля. Теченіе дѣлъ идетъ порядкомъ. Говорятъ о перемѣнѣ министровъ, особенно Клейнмихеля, Бибикова и Брока. О Джонѣ - Росселѣ изъ Вѣны пишутъ, «qu'il est très coulant» Иностранныя газеты перестали надѣяться на близкій миръ. Много ругаютъ Пруссію. Изъ Крыма, кромѣ мелочей ничего нѣтъ. Кн. Меншиковъ 23 Февраля прибылъ въ Симферополь. 24 въ Крыму еще не знали о смерти Государя. Все еще только и толковъ, что́ о красныхъ панталонахъ. Впрочемъ, вопросъ о панталонахъ важнѣе нежели кажется, и искренно желательно, чтобъ онъ, уровнявъ и смѣшавъ насъ и военныхъ, высшихъ и низшихъ, пріучилъ общество къ бо́льшему уваженію личности.

Вопросъ о мирѣ во всѣхъ газетахъ. Patrie, Débats и Indépendance объясняютъ, что для мира взятіе Севастополя не есть и не было необходимымъ условіемъ. Взятіе апрошей 10 (22) Марта съ значительною потерею для Французовъ едва ли измѣнитъ это общее желаніе мира. Партіи во Франціи и Германіи стараются разъединить и поссорить Францію и Англію, выставляя преобладаніе первой и невыгодное положеніе второй, умышленно данное ей Крымскими генералами. Я думаю, что миръ такъ желателенъ, что три императора готовы съѣхаться въ Вѣнѣ, гдѣ и теперь на конференціяхъ, по газетамъ, очень податливы. Но я сомнѣваюсь, чтобъ миръ въ настоящемъ положеніи дѣлъ могъ быть проченъ. Его желаютъ, потому что война никому не удалась, потому что она сто́итъ дорого и вездѣ привела къ долгамъ, а главное потому, что позади этихъ фалангъ, гибнущихъ и разстроенныхъ, поднимается стоглавая демократія, готовая требовать отчета въ видѣ общаго осужденія неспособныхъ правителей. Событія не подчиняются личнымъ и правительственнымъ предначертаніямъ и берутъ верхъ надъ людьми. Какой-то фатумъ въ народныхъ тучахъ,

покрывающихъ политическій горизонтъ. Кто будетъ доволенъ миромъ? Никто. Война изъ внѣшней сдѣлается только внутренней.

У насъ все толки о панталонахъ, о султанахъ и полукафтанахъ. Многіе говорятъ, что мѣра эта принята для отвода, чтобъ въ тихомолку приготовить преобразованія болѣе важныя. Едва ли это такъ. На преобразованія нынѣ рѣшаться трудно, ибо событія увлекаютъ невольно, приводя далѣе предположеннаго.... Страхъ сильнѣе увѣренности, и съ непомѣрнымъ развитіемъ частныхъ, особенныхъ и мѣстныхъ условій государственная геніальность сдѣлалась очень рѣдкою, чтобы не сказать невозможною. Мы, умы ограниченные, привязались къ одному началу и рабски держимся его, «началу порядка»; но, близорукіе, мы не понимаемъ, что сохраненіе одного порядка, т. е. тишины и безпрекословности, есть отсутствіе живаго начала и что подъ этимъ наружнымъ порядкомъ скрываются такой безпорядокъ, безначаліе, безнравственность, которыя непремѣнно, которыя непримѣтно, измѣнятъ понятія и названія, такъ что самыя положительныя истины, при вынужденой привычкѣ къ терпимости и недобросовѣстной изворотливости, сдѣлались относительными и тянутся, утончаются до такой степени, что ими ничего связать нельзя.

Неблагодаренъ и не стоитъ довѣрія вѣкъ нашъ. Едва похоронили Государя, какъ начались толки, пересуды и порицанія открытыя, и при томъ лицами мелкими, личностями, которыя пресмыкались и не смѣли дозволить себѣ рта разинуть. Сегодня такъ говорилъ со мной директоръ канцеляріи М. И. Топильскій, сидя у князя Дмитрія Оболенскаго и пересказывалъ о такихъ же отзывахъ графини А. А. ...-ой. Впрочемъ, тутъ удивляться нечему. Память Николая, если найдетъ оправданіе, то у историковъ за его стремленіе къ единству; современники были стѣснены этимъ стремленіемъ.

*

Съ 26 Марта по 16 Апрѣля я жилъ въ Москвѣ, гдѣ, отправясь въ деревню, остановилась жена за разлитіемъ рѣкъ. Опять я слышалъ звонъ сорока сороковъ и трезвонъ Москвичей, въ которыхъ необузданность толковъ, требованій, мнѣній съ перемѣною царствованія еще болѣе усилилась. Тамъ къ кончинѣ великаго Государя отнеслись равнодушно. Много пересудовъ и лишнихъ словъ.

Отъ новаго Государя и его совѣтниковъ ожидаютъ: усиленія Русскаго элемента, учрежденія чего-то въ родѣ земской думы, ограниченія чиновничества, отмѣны инвентарей, уничтоженія III-го Отдѣленія, жандармовъ. Военныя дѣла и конференціи остаются въ сторонѣ. Хотя бомбандированіе Севастополя, отказъ отъ 3-го пункта гарантій, прекратившій Вѣнскія совѣщанія и это тріумфальное путешествіе Фран-

цузскаго пройдохи въ Англію и приготовленіе къ поѣздкѣ на Востокъ (или на Сѣверъ?) способны заглушить самыя важныя ожиданія: какое-то головокруженіе и презрѣніе къ настоящему, какая-то безотчетная нетерпѣливость и неопредѣленное вѣрованіе окружаютъ Москвича въ его праздной сферѣ. Точно онъ ищетъ на что опереться и, не находя, ждетъ, что опора явится, заранѣ будучи увѣренъ, что опора эта не въ правительствѣ. Явись великая опасность, Москвичъ будетъ искать спасенія внѣ правительства. Ополченіе для него не дѣло патріотизма, а наемъ. Онъ, какъ выражается А. П. Ермоловъ, набираетъ офицеровъ для своихъ баши-бузуковъ изъ толпы Иверскихъ приказныхъ чиновниковъ и словами Бѣлинскаго, на Французскомъ діалектѣ, называетъ ихъ «la bande des voleurs».

Иное въ Петербургѣ ..... Награды 27 Марта интересуютъ всѣхъ. Игнатьевъ и Бибиковъ настаиваютъ на инвентаряхъ, «проклятыхъ инвентаряхъ», говоритъ Юл. Вас. Шереметева. О національныхъ преобразованіяхъ управленія разсказываютъ тихо, думаютъ медленно, надѣются слабо. Сегодня я долго сидѣлъ и говорилъ съ В. А. Шереметевымъ, очарованнымъ разными назначеніями, о которыхъ ходятъ толки .... Онъ много говорилъ мнѣ вообще о тайнахъ, напоминая старое выраженіе: «en Russie tout est mystère, rien n'est secret. Особенно смущаетъ его всплывшій вопросъ объ инвентаряхъ и разорительность для имѣній двухъ наборовъ и ополченія. Это справедливо, и я боюсь, чтобы эти огромныя силы, за непмѣніемъ врага, не ополчились противъ своихъ, возвратясь вольницей въ бѣдныя свои хижины.

Другое было у графа Панина. Онъ очень интересовался Московскими толками, которыхъ, по неопредѣленности ихъ, я не могъ ему передать. А главное, ему хотѣлось знать о Ермоловѣ. Очевидно, что въ Петербургѣ его боятся и положительно думаютъ, что онъ мечтаетъ о главномъ командованіи. Милиція Московская дѣло второстепенное; она же сформирована, особенно относительно офицеровъ, очень дурно. Графъ Панинъ успѣхъ выбора Ермолова приписываетъ неумѣнью Закревскаго. Я объяснилъ, что Закревскій сдѣлалъ, что́ могъ и что выборъ опальнаго есть выраженіе оппозиціи. Доказательствомъ служитъ выборъ его же въ Петербургѣ и невыборъ его въ его деревнѣ въ Орлѣ, когда императора Николая не было уже на свѣтѣ. Повидимому, военныя дѣйствія могутъ получить огромное развитіе, и тогда имя Ермолова, въ Москвѣ и за Москвой очень громкое, будетъ и произнесено первое въ дни опасности. Алексѣй Петровичъ старъ, тяжелъ и, конечно, во многомъ поотсталъ; но его еще станетъ на время опасностей; да и при томъ тогда бываютъ нужны не столько силы, сколько довѣріе, а довѣріе толпы, массы къ Ермолову весьма сильно.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову о положеніи края распространено болѣе другихъ листовъ. Оно въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, особенно по отвѣту (сочиненному въ штабѣ князя Барятинскаго графомъ Владимиромъ Сологубомъ). Муравьевъ желченъ, и накопившаяся желчь изливается по поводу замковъ и городовъ въ Чечнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Письмо его исполнено противорѣчій и очень поверхностно. Отвѣтъ написанъ съ достоинствомъ, и особенно хорошо заключеніе. «Дарованій встрѣчаемъ здѣсь болѣе, нежели въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усыпленіи», говоритъ Н. Н. Муравьевъ. Все это можно сказать вообще о Россіи, и хотя генералъ Муравьевъ слыветъ за весьма способнаго человѣка, но едва ли онъ въ состояніи удостовѣрить, что на Кавказѣ дарованій болѣе, чѣмъ въ Россіи. Генералъ Муравьевъ слишкомъ долго ждалъ и потому слишкомъ скоро хочетъ. Понятія 1816 года Кавказу не по плечу, и если Муравьевъ къ нимъ обратится, то едва ли избѣгнетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «нареканія всего населенія».

Дѣла не двигаются ни впередъ, ни назадъ. Все зависитъ отъ хода событій въ Крыму. Наполеонъ туда не ѣдетъ, не надѣясь на вѣрный успѣхъ. А толпа, а эта демократія между тѣмъ растетъ, развивается, уставляется. Она, нетерпѣливая, уже думала было приступить къ дѣлу, низвергнувъ своенравнаго своего представителя; но ей не удалось: вѣрно еще часъ не насталъ и не переполнилась чаша.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». А грустно особенно наше внутреннее управленіе. Эти дни я часто имѣлъ переговоры съ министромъ графомъ Панинымъ. Что̀ занимаетъ этихъ господъ? Или они скрываютъ, или имъ нечего скрывать. Они не видятъ или не хотятъ видѣть, что общественные вопросы переходятъ отъ правительства въ общество и что оно при всякомъ случаѣ выражаетъ мнѣніе противное правительству. Послушали бы эти господа, что́ говорятъ о наградахъ, о рескриптахъ и т. д. Боятся они, чтобъ вызванный обстоятельствами во главу командованія Ермоловъ не сдѣлался диктаторомъ? Напрасно. Онъ уже старъ. Боятся, чтобъ Н. Н. Муравьевъ не помрачилъ своихъ свѣтлѣйшихъ предмѣстниковъ. Напрасно. Свѣтлѣйшіе уже помрачены, и Муравьевъ слишкомъ педантъ, чтобъ сдѣлаться національнымъ. Надобно бояться крѣпостнаго права, надобно бояться ложной литературы отъ цензуры, надобно бояться недовольныхъ, имя же имъ легіонъ. Какъ не убѣдятся до сихъ поръ, что право есть власть, сила, что все держится, покоится и утверждается на правосудіи и что самый опасный врагъ власти есть неразумное, дурное и злое употребленіе ея. Не то одно, что злоупотребленіе мало по малу вызываетъ противодѣйствіе, ослабляетъ достоинство и запуты-

ваетъ понятія о должномъ и честномъ; но самое рабское исполненіе велѣній власти непримѣтно установляетъ такія новыя отношенія, учрежденія и обряды, которые стѣсняютъ, ограничиваютъ и обезсиливаютъ эту власть. Мы разсуждали на дняхъ о дѣйствіи милостиваго манифеста 27 Марта 1855 года. Его писалъ скорый и самонадѣянный графъ Блудовъ и въ аналитическихъ подраздѣленіяхъ напуталъ такъ, что и распутать трудно. Подраздѣливъ милуемыхъ на подсудимыхъ (прощаемыхъ), на осужденныхъ и наказуемыхъ (облегчаемыхъ), редакторъ смѣшалъ понятія о неокончательныхъ и окончательныхъ рѣшеніяхъ; забылъ упомянуть о сословіи чиновниковъ, забылъ о женщинахъ, о несовершеннолѣтнихъ, пропустилъ отдачу въ солдаты и т. д. Что это за милости, и согласны ли онѣ съ правосудіемъ, съ требованіями общества и съ огражденіемъ самой власти?

Другой предметъ разговора—это крѣпостное право. О немъ говорятъ вслѣдствіе введенія инвентарей въ Бѣлоруссіи. Право это слабѣетъ и подмывается самымъ безпокойствомъ объ его учрежденіи, а каждый день, каждый часъ приближаетъ его уничтоженіе, если не примутъ мѣръ дать ему соотвѣтствующее времени значеніе. При покойномъ государѣ много думали и рядили объ этомъ правѣ, предполагая сперва прямо отмѣнить его, потомъ расширить пути освобожденія; наконецъ, въ 1848 году, остановились на предоставленіи крѣпостнымъ нѣкоторыхъ правъ собственности и на опредѣленіи ихъ взаимныхъ со владѣльцами обязанностей. Это инвентари. Тутъ началось развитіе крестьянскаго права противъ помѣщичьяго, и въ защиту послѣдняго—надобно сказать, система недобросовѣстная и нераціональная. Въ Петербургѣ вздумали опредѣлять мѣстныя отношенія, и опредѣленія эти во многихъ случаяхъ могли казаться нарушеніемъ правъ собственности. Вмѣсто уясненія правъ крестьянъ вѣрнѣе, кажется, было бы уяснить право помѣщика въ точнѣйшемъ опредѣленіи его обязанностей къ крестьянамъ. Это была моя мысль. Для инвентарей теперь не время: и Государь, и Совѣтъ будутъ противъ. Они измѣнены, обрѣзаны и сдѣлались изъ полумѣры четверть-мѣрою.

Прочелъ я акты Вѣнскихъ совѣщаній. Они замѣчательны; но уже содержаніе четырехъ пунктовъ, составившихъ программу этихъ совѣщаній, представляло непреоборимыя затрудненія въ томъ, что хотѣли дать самостоятельность и постоянную крѣпость распадающемуся тѣлу Турціи. Соперничество державъ, столь бдительное нынѣ—добить имперію Солимановъ трактатами. Нынче свяжутъ руки султану, завтра ноги и когда султанъ упадетъ, будутъ спрашивать, какъ же онъ не поддержался. Связаннаго—его понесутъ Англія и Франція, кажется, надолго основавшіяся на Востокѣ. Затрудненія обѣихъ державъ и не-

рѣшительность Крымскихъ военныхъ препріятій заставили принять «совѣщанія» за конгрессъ. Державы прислали двухъ значительныхъ министровъ: Джона-Росселя и Друенъ-де-Люиса, которые съ Али-пашею, въ сообществѣ съ даровитыми Буркене и Прокешъ-Остеномъ, и дѣйствительно составили бы конгрессъ, еслибъ Друенъ-де-Люисъ умѣрилъ свое диктаторство, и еслибъ мы прислали не второстепенныхъ лицъ, каковы князь Горчаковъ и Титовъ. Уступка первая, о княжествахъ, весьма важна. Уступка вторая, о Дунаѣ, почти равна отчужденію; и эту жертву конечно исторгла у насъ Австрія. Говорятъ, что мы дали знать Германіи, что, каковы бы ни были послѣдствія совѣщаній, два эти условія Россія признаётъ отнынѣ обязательными. Говорятъ, что это все очень ловко: мы обезоруживаемъ Германію и удовлетворяемъ Австрію. Можетъ быть. Но уступки очень важны и очень унизительны. Третій пунктъ, главнѣйшій, послужилъ къ разрыву конференціи. Мы всю важность полагали въ томъ, чтобъ настоять: запишите, что мы предлагали и то и се; запишите, что мы послѣдніе внесли проектъ о соглашеніи и слѣдовательно не мы были причиною разрыва. Точто дѣло идетъ о срокахъ или чиновничей отпискѣ. Меморандумъ князя Горчакова съ выписками изъ Фикельмона и маршала Мармона и съ раздражительными упоминаніями о Тунисѣ и Аденѣ, говорятъ, писанъ въ Петербургѣ. Чего они хотѣли и что́ мы предлагали? Они хотѣли уравнительнаго уменьшенія морскихъ силъ Турціи и Россіи. Есть ли какой нибудь смыслъ уравнивать насъ съ Турціей? Наши непокорныя Азіатскія провинціи, обширность нашей торговли и отдаленность отъ Петербурга, конечно, требуютъ на Черномъ морѣ для насъ болѣе кораблей, нежели для Турціи. Въ томъ-то и заключается несправедливость восточнаго вопроса, что какъ поводы его, такъ и самый предметъ не имѣютъ правильнаго и твердаго основанія. Учредить опеку и предоставлять самостоятельность, говорить за Турцію и думать, будто говоритъ Турція, поддерживать слабаго ослабленіемъ сильнаго—показываетъ, что въ дѣйствіяхъ союзниковъ по крайней мѣрѣ нѣтъ прямоты и искренности. Четвертый пунктъ, объ огражденіи интересовъ христіанъ, не дошелъ до разсмотрѣнія. И слава Богу! Мы готовы были выдать ихъ головою и, проповѣдуя дома, на площадяхъ и въ селахъ, православіе, уступили бы со-православныхъ покровительству католиковъ и Англичанъ. Хотя графъ Нессельроде и пишетъ, что четвертый пунктъ долженъ быть поставленъ первымъ, но впечатлѣніе на Востокѣ не могло быть въ нашу пользу: мнѣ не легче отъ того, что меня продали бы не первымъ, а четвертымъ на бывшихъ торгахъ въ городѣ Вѣнѣ.

ЛЮДИ ПРЕЖНЯГО ЗАКАЛА.

I. А. М. Симборскій, Динабургскій комендантъ.

(Біографическій очеркъ).

Кто не зналъ Андрея Михайловича Симборскаго въ Динабургѣ? Кто изъ тогдашнихъ Динабургскихъ жителей не помнитъ висѣвшей у него на лѣстницѣ, внизу, дощечки съ надписью: «Покорнѣйше просятъ вытирать ноги?» Остряки доказывали, что надпись эта относилась не до *входящихъ*, а до *выходящихъ*, на основаніи изрѣченія: «отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ». Симборскій драпировался личиною суроваго и строгаго человѣка, въ сущности же имѣлъ прекрасное сердце. Его не нужно было уговаривать ни на какое доброе дѣло: довольно было для этого полуслова. Отличался онъ необыкновенною сметкою и чувствомъ благоприличія. Все, что онъ устраивалъ, было складно и изящно; всякую работу онъ непремѣнно доводилъ до конца. Человѣкъ умный и образованный, Андрей Михайловичъ сознавалъ собственное достоинство и отлично размѣрялъ свое обхожденіе съ людьми. Съ аристократами онъ былъ аристократъ, съ младшими и съ подчиненными кратокъ и категоричекъ; будучи недоволенъ лицами, непосредственно ему подчиненными, онъ никогда не оскорблялъ ихъ ни крикомъ, ни жесткими словами. Человѣколюбивымъ обращеніемъ съ нижними чинами онъ опередилъ свой вѣкъ, или по крайней мѣрѣ тотъ печальный періодъ, когда мордобитіе было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Высшій Петербургскій людъ близко зналъ Андрея Михайловича. Въ высочайшіе проѣзды, Динабургъ всегда предназначался для ночлеговъ, и никто такъ не умѣлъ принять гостей, на всемъ протяженіи до Варшавы, какъ Симборскій. Въ особенности жаловала его покойная императрица Александра Ѳеодоровна, которая во всякій проѣздъ за границу ночевала въ Динабургѣ. Ея Величество находила въ Динабургской крѣпости въ «императорской квартирѣ», свою столичную спальню и кабинетъ безъ малѣйшаго измѣненія: тѣже обои, тѣже драпри, таже мебель отъ Тура и Гамбса, даже на письменномъ столѣ

таже чернильница, тѣже ножи и ножницы и всѣ бездѣлушки. Богъ знаетъ, откуда ухитрялся онъ доставать все, что̀ могло нравиться высокимъ путешественникамъ. Откуда онъ бралъ несвоевременно ананасы, виноградъ, яблоки дивныхъ сортовъ и т. п., это его тайна. Помню анекдотъ по поводу такихъ яблокъ, разсказанный мнѣ самимъ Симборскимъ. Государынѣ очень понравились яблоки. Она взяла одно изъ нихъ и, передавая своему доктору Маркусу, прибавила: «возьмите; я знаю, что вы любите яблоки». — «Это отъ того», замѣтилъ находившійся тутъ же графъ Апраксинъ, «что Мандтъ любитъ груши». Мандтъ состоялъ при Государѣ, и острота графа Апраксина относилась ко взаимному антагонизму между Мандтомъ и Маркусомъ. Симборскій не жалѣлъ издержекъ на украшеніе «императорской квартиры», лично закупалъ въ Петербургѣ все необходимое для нея, и всякое пріобрѣтеніе отличалось изяществомъ. Инженерный Департаментъ, съ генераломъ Геруа во главѣ, никогда не отказывалъ ему въ возвратѣ издержекъ.

Изысканнымъ вкусомъ своимъ, радушіемъ и хлѣбосольствомъ А. М. извѣстенъ былъ давно. Еще въ бытность начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, при Ридигерѣ, онъ слылъ Лукулломъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ говаривалъ, что только у Симборскаго и можно хорошо пообѣдать. Дѣйствительно, А. М. держалъ отличныхъ поваровъ. Въ Динабургѣ онъ каждую недѣлю давалъ обѣды на нѣсколько человѣкъ, держась правила, что число обѣдающихъ должно быть не меньше числа Грацій и не больше числа Музъ. Любимою его поговоркою, почти послѣ каждаго обѣда, было: «Хозяину заботиться сперва о томъ, чтобъ гости его были *здоровы*, а потомъ, чтобъ были *сыты*». Разъ въ годъ, 30 Ноября, въ свои имянины, давалъ онъ блистательный балъ, съ роскошнымъ ужиномъ; но танцы никогда не продолжались далѣе 2-хъ часовъ ночи. Кромѣ того, у него были назначены и Понедѣльники, на которые гости съѣзжались въ 9 часовъ, а въ половинѣ 12-го, послѣ мороженаго, непремѣнно разъѣзжались. Самъ хозяинъ рѣдко игралъ въ карты и то не болѣе трехъ роберовъ ералаша, но предпочиталъ занимать дамъ, съ которыми умѣлъ быть отмѣнно любезенъ.

12 лѣтъ былъ я при немъ адъютантомъ и зналъ его близко. Вставалъ онъ зиму и лѣто въ 6 ч. утра, обливался холодною водою и шелъ гулять. Взглядъ его, какъ хозяина, повсюду бывалъ нуженъ. Малѣйшій безпорядокъ, нечистота, разбитое окно, ничто не ускользало отъ его вниманія. Не было крѣпостныхъ работъ, на которыя не заходилъ бы комендантъ чуть не ежедневно. Въ крѣпости господствовали чистота и свѣжій воздухъ. Кто изъ тогдашнихъ Динабургцевъ

не помнитъ бѣлаго комендантскаго красавца-рысака, который какъ птичка несся по дамбѣ, въ легкихъ дрожкахъ, съ своимъ господиномъ? Вечеромъ Андрей Михайловичъ обязательно бывалъ въ театрѣ (который былъ устроенъ на «Новомъ Форштатѣ» командиромъ инженернаго арсенала полковникомъ Гагельстромомъ съ хорошею труппою актеровъ). Доклады мои онъ принималъ отъ 12 до 3-хъ часовъ, въ 4 ч. обѣдалъ и отдыхалъ ровно часъ. По совѣту врачей, Петша и Конради, онъ выпивалъ по нѣскольку стакановъ воды со льдомъ и даже въ чашку съ чаемъ опускалъ кусочекъ льду.

Вотъ домашній образъ его жизни, не измѣнявшійся ни на волосъ. Исключенія допускались только во время высочайшихъ проѣздовъ. Тогда Андрей Михайловичъ не принадлежалъ себѣ. Тяжелая служба наставала для подчиненныхъ. Комендантъ не спалъ цѣлую ночь, самъ ходилъ по фронту зданія, не дозволялъ никому не только проѣзжать, но и проходить мимо; всѣ улицы ведущія на дворцовую площадь запирались рогатками и барьерами; часовые подводились на ципочкахъ, смѣнялись шопотомъ и ходили по платформѣ главной гауптвахты въ коньгахъ, безъ малѣйшаго лязга оружія.

Противъ оконъ комендантскаго дома, съ «императорскою квартирою», находится большой зеленый плацъ, обсаженный въ два ряда пирамидальнымъ тополемъ. Вокругъ этаго плаца идетъ шоссированная пѣшеходная аллея, служащая для прогулокъ крѣпостнымъ жителямъ, такъ какъ по валу прогулка воспрещена, а другихъ мѣстъ для гулянья въ крѣпости нѣтъ. На этомъ плацу до Симборскаго производились смотры войскъ и даже ученья, и потому на немъ было больше пыли и песку нежели зелени. Симборскій, въ первый же годъ прибытія своего, исходатайствовалъ особое высочайшее повелѣніе, дабы на означенномъ плацу производились военныя упражненія *исключительно только въ высочайшемъ присутствіи.* Въ самое короткое время плацъ зазеленѣлъ прекраснымъ бархатнымъ газономъ; его часто выкашивали и укатывали тяжелымъ каткомъ; не только человѣкъ, но ни одна собака не смѣла показываться на травѣ, тщательно охраняемой арестантами, стоявшими по угламъ съ палками.

Разведя на комендантскомъ дворѣ хорошенькій садикъ и украсивъ его цвѣточными клумбами, онъ устроилъ при немъ и небольшую оранжерейку для рѣдкихъ и дорогихъ растеній. Онъ разводилъ сады гдѣ могъ, въ бастіонахъ, на гласисѣ, въ лѣтнемъ военномъ госпиталѣ и проч. Послѣдній былъ построенъ внѣ крѣпости, на сыпучемъ пескѣ и солонопекѣ, довольно далеко отъ лѣса. А. М. удобрилъ песчаную почву и развелъ на ней садъ; въ мое время это былъ прекрасный оазисъ и давалъ уже хорошую тѣнь. Но самый лучшій садъ устроилъ

онъ на гласисѣ, со стороны набережнаго фронта, между Николаевскими и Михайловскими воротами. Фронтъ этотъ былъ засаженъ густою, дикою лозою, между которою не было никакого прохода, даже ни одной тропинки. Симборскій истребилъ всю эту лозу и на мѣсто ея посадилъ нѣсколько тысячъ деревъ и кустовъ, подѣлалъ тѣнистыя аллеи, посѣялъ цвѣтовъ въ клумбахъ, построилъ бесѣдки и даже вокзалъ для танцевъ, барьеры, мостики. Въ лѣтнее время особый комитетъ изъ членовъ военно-крѣпостнаго клуба устраивалъ вечера въ этомъ садовомъ вокзалѣ, съ платою по 10 к. съ особы. Деньги эти шли на музыку, иллюминацію садика, на прохладительные напитки и мороженое. Окрестные помѣщики доставляли Симборскому множество саженцевъ и деревъ для вновь нарождавшихся садовъ.

Онъ завелъ также очень хорошій хоръ при Динабургскомъ военномъ соборѣ. Регентомъ бывалъ всегда комендантскій писарь. По сношенію съ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, въ ней приготовлялся къ регентскому званію одинъ изъ выбранныхъ кантонистовъ Петербургскаго баталіона, и назначался писаремъ въ Динабургское комендантское управленіе, на штатную вакансію. Хоръ содержался на частныя пожертвованія. Изъ церковныхъ суммъ платилось только въ придворную капеллу за обученіе регента, кажется по 50 р. въ годъ.

А. М. не былъ жаденъ и лично для себя ничего не требовалъ; но онъ не могъ противустоять теченію и остановить взяточничество и хищеніе. «Доходное мѣсто» и «безгрѣшные доходы» имѣли право гражданства въ Россіи, и промотавшимся баричамъ давались въ командованіе полки, завѣдомо «для поправленія обстоятельствъ». Особенно усердно поправляли свои обстоятельства гг. инженеры. Комендантъ не могъ слишкомъ рѣзко ограничивать произволъ ихъ: иначе его сочли бы въ столицѣ человѣкомъ неуживчивымъ, требующимъ дележа съ инженерами, тормозящимъ развитіе крѣпостныхъ работъ и т. п. и конечно скорѣе сплавили бы его, нежели командира инженерной команды. Въ Инженерномъ Департаментѣ не обращали вниманія на отчеты и смѣты инженерныхъ командъ и утверждали ихъ безпрекословно. Отъ того коменданты вообще держали себя пассивно въ отношеніи инженерныхъ работъ и утверждали своею подписью самые чудовищные акты, какъ напримѣръ: на покупку кирпичнаго щебня, когда команды имѣли его цѣлыя горы на своихъ кирпичныхъ заводахъ; на подвозку воды, когда зданіе сооружалось въ самой рѣкѣ; на наемъ вольныхъ рабочихъ, когда работы производились крѣпостными арестантскими и военнорабочими ротами; на покупку песку, когда веркъ возводился на сыпучей песчаной мѣстности и т. п. Въ

особенности инженерамъ дались два рода актовъ, чуть не еженедѣльно представляемыхъ на утвержденіе коменданта: 1) «По случаю сильноненастнаго дня» арестанты въ работу не приняты. Между тѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не случалось ни одного не только «сильноненастнаго», но и просто ненастнаго дня, и нѣсколько сотъ арестантовъ продолжало работать изо дня въ день, а инженеры показывали вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ рабочихъ. 2) «Сильною свирѣпствовавшею бурею, съ сѣверо-восточнымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ» выбито оконныхъ стеколъ въ такомъ-то зданіи столько, въ такомъ столько (глядишь, полторы или двѣ тысячи), когда люди изнываютъ отъ засухи и зноя, и такія бури свирѣпствовали въ одной только инженерной командѣ, а гарнизону и городу не удѣлялись. Между тѣмъ, куда ни взглянешь, зеленыхъ и ржавыхъ стеколъ тысячи, и всѣ требованія коменданта о перемѣнѣ ихъ откладываются въ долгій ящикъ. Особенно безобразили такія стекла прекрасное зданіе военнаго госпиталя, выходящее цѣлымъ фронтомъ на плацпарадное мѣсто, о которомъ говорено выше. Проволочка и недобросовѣстность, разумѣется, не нравились энергичному Симборскому. Разъ утромъ онъ взялъ съ собою ординарца, приказалъ ему вынуть тесакъ и бить въ госпиталѣ стекла, которыя онъ указывалъ; потомъ послалъ меня къ командиру команды сказать, что «сильною, свирѣпствовавшею сегодня бурею, съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ», разбито въ военномъ госпиталѣ нѣсколько сотъ оконныхъ стеколъ, чтобы они были немедленно вставлены и что акта объ этомъ составлять не нужно. Инженеры исполнили приказаніе. Въ родѣ этаго дѣлались дѣла и въ другихъ частяхъ гарнизона. А потому, А. М. и могъ привлекать начальниковъ различныхъ частей къ участью въ дѣлахъ до общей пользы относящихся. Такъ плацъ-маіоръ долженъ былъ доставлять для пѣвчихъ ежедневно мясо и соль; смотритель госпиталя или, вѣрнѣе, госпитальный подрядчикъ, булки и сбитень; провіантскій коммиссіонеръ муку и крупу; коммисаріатская коммисія сукно и холстъ для одежды и постелей пѣвчимъ; командиръ инженерной команды столы, стулья для нихъ и рабочихъ во всѣ сады; командиръ инженернаго арсенала устраивалъ бесѣдки, скамьи и барьеры въ садахъ, артилерійскій арсеналъ красилъ всѣ эти постройки лафетною краскою. Словомъ, А. М. умѣлъ всѣхъ и вся призвать къ жизни, связалъ разрозненныя звѣнья общества и оставилъ по себѣ въ Динабургѣ самыя лучшія воспоминанія.

Главнымъ антагонистомъ Андрея Михайловича былъ начальникъ Лифляндскаго Инженернаго Округа генералъ Теше, жившій въ той же крѣпости. Онъ постоянно вступался за инженерную команду, вообра-

жая, будто она для коменданта «дойная корова». Между тѣмъ комендантъ строго относился только къ инженернымъ работамъ и въ особенности къ работамъ по «императорской квартирѣ». Тутъ онъ дѣйствительно надоѣдалъ инженерамъ, требуя добросовѣстности и щеголеватости во всякой работѣ, заставляя передѣлывать одно и тоже по нѣсколько разъ, бракуя матеріалы и вещи, которыя инженеры думали поставить по сходной для себя цѣнѣ. Теше былъ суровый Шведъ и такъ же упрямъ, какъ и Симборскій. Оба часто схватывались, дулись другъ на друга, не перекидывались словомъ; но когда Теше, отъѣзжая по округу или возвращаясь изъ поѣздки, долженъ былъ, по уставу, представляться къ коменданту, наступало примиреніе, и не далѣе, какъ на другой день, у Симборскаго или у Теше враги пили чай за однимъ столомъ и играли въ ералашъ до новой ссоры, которая всегда бывала не за горами.

Но главнымъ яблокомъ раздора была такъ называемая «земля помѣщика Молля», обширное луговое пространство на берегу Двины, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, купленное Инженернымъ Департаментомъ у помѣщика Молля, для продовольствія лошадей гарнизона въ военное время и отданное въ вѣдѣніе коменданта. При предмѣстникѣ Симборскаго, Гельвигѣ, добромъ и безполезномъ старичкѣ, инженеры завладѣли этимъ участкомъ и пользовались на немъ сѣнокосами всегда изобильными. Симборскій, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же наложилъ на эти сѣнокосы свое veto, обратилъ ихъ для себя, а инженерамъ предоставилъ траву со всѣхъ крѣпостныхъ верковъ и съ эспланады. Пошла переписка, которая длилась десятокъ лѣтъ и окончилась только съ отъѣздомъ Симборскаго. Андрей Михайловичъ не пользовался однакожъ этимъ лугомъ одинъ: онъ давалъ плацъ-маіору по 500 и двумъ плацъ-адъютантамъ по 300 пудовъ каждому сѣна и продовольствовалъ 14 подъемныхъ лошадей, состоявшихъ при комендантскомъ управленіи.

Военнымъ госпиталемъ А. М. занимался также дѣятельно, какъ и садами. Не терпѣлъ онъ главнаго доктора, ст. сов. Рейнфельдта. Это былъ тяжелый Нѣмецъ, всегда противорѣчившій коменданту въ гигіеническихъ вопросахъ. Крѣпко разносилъ его за это Симборскій. Однажды Рейнфельдтъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: Я вижу, ваше п-во, что моя физіономыя вамъ не нравится, но я не виноватъ; ее выдэлъ Медицинскій Департаментъ и одобрилъ, когда назначалъ меня сюды». Кончилось однако тѣмъ, что Рейнфельдтъ былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ Рижскій военный госпиталь.

Канцелярскій пуританизмъ Симборскаго доходилъ до того, что онъ ломалъ себѣ голову: какъ лучше сказать «причина эта», или

»эта причина»?, «вслѣдствіе того», или «а потому» и т. п.; а какъ онъ подчищенныхъ и исправленныхъ бумагъ не выносилъ, то нужно было не рѣдко изъ-за такихъ мелочей переписывать очень сложныя бумаги. Вотъ отчего не уживались у него старшіе адъютанты, даже самые дѣльные, болѣе года. Теряя терпѣніе, они вступали съ нимъ въ споры, которые пораждали взаимное охлажденіе. Я, какъ молодой и неопытный поручикъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце и безропотно, исполнять всѣ бумажные капризы его превосходительства, хотя не рѣдко и приходилось смахивать набѣгавшую на глаза тайную слезу. Въ этой бумажно-педантической борьбѣ прошла вся моя 12-лѣтняя служба при А. М. Симборскомъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ ней, считалъ эту борьбу служебною необходимостію, съ удивленіемъ уносилъ подписанную безъ исправленія бумагу и съ безпокойствомъ заглядывалъ въ глаза моему генералу: здоровъ ли онъ? Но первые года служенія были для меня чрезвычайно тяжки. Случалось, что въ изложеніи бумагъ первостепенной важности, какъ напримѣръ адресуемыхъ въ собственныя руки Ихъ Императорскихъ Высочествъ, генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора инженеровъ, А. М., не довѣряя ни себѣ, ни мнѣ, приглашалъ учителей Русской словесности изъ Динабургской гимназіи и просилъ ихъ отыскивать въ бумагахъ погрѣшности противъ языка и грамматики.

Но не эта работа утомляла меня (писаря въ три дня не успѣвали переписывать того, что̀ заготовлялъ я въ одинъ вечеръ), а доклады. Бывало, съ пустыми бумажонками приду докладывать нарочно ранѣе, часовъ въ 11 и даже въ 10, чтобы скорѣе отдѣлаться, и сижу до 3 или 4 часовъ, послѣ чего возвращаюсь домой измученный, утомленный, ни къ чему неспособный. При кипучей дѣятельности А. М. у него и въ домѣ все кипѣло какъ въ котлѣ: звонокъ не умолкалъ, извѣщая о приходѣ разныхъ лицъ, то по службѣ, то съ визитомъ. Не успѣешь прочитать двухъ строкъ доклада, является лакей съ извѣщеніемъ о приходѣ того-то. «Погодите, я отпущу его», произносилъ А. М. и уходилъ. Эта фраза произносилась разъ тридцать въ утро, и докладъ прерывался даже приходомъ кучера или повара. Особенно надоѣдали мнѣ дамскіе визиты. Иная усидчивая дама сидѣла по часу, переливая изъ пустаго въ порожнее. Впрочемъ, на подобные случаи я имѣлъ приказаніе показываться изъ кабинета въ гостинную: генералъ произносилъ «сейчасъ», дама понимала, что хозяину некогда и вставала. «Извините, меня пилитъ адъютантъ», говорилъ онъ прощавшейся дамѣ и провожалъ ее до передней.

Онъ имѣлъ у себя записную книжку, въ которую вносилъ всѣ приказанія, которыя отдавалъ разнымъ лицамъ, и по мѣрѣ того, какъ

приказаніе исполнялось, онъ вычеркивалъ его изъ книжки. Мнѣ приказано было также носить при себѣ подобную книжку и вписывать въ нее всѣ его приказанія. Независимо отъ того, я получалъ въ теченіе сутокъ по нѣсколько записокъ съ новыми приказаніями. Это съ его стороны было деликатностію; и мнѣ—да и не мнѣ одному—рѣдко приходилось слышать фразу: «пожалуйте къ генералу» и то въ экстренныхъ только случаяхъ.

А. М. самъ не курилъ и не выносилъ табачнаго дыму. Бывало, крѣпко журилъ онъ меня, когда заставалъ въ канцеляріи дымъ. Я долженъ былъ въ началѣ, идучи къ докладу, надѣвать другой сюртукъ и полоскать ротъ. Впослѣдствіи онъ дозволилъ мнѣ курить въ канцеляріи, а много лѣтъ спустя, когда я пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ, самъ предлагалъ мнѣ покурить у камина. Во время Динабургскихъ «Понедѣльниковъ» его, гостямъ, игравшимъ въ карты въ столовой, дозволялось однакоже курить, но для этого открывались форточки и топился каминъ. Крѣпко морщился А. М., если кто-нибудь изъ пріѣзжихъ высокопоставленныхъ особъ просилъ разрѣшенія его закурить сигару или папиросу въ гостиной. Разрѣшеніе конечно онъ давалъ, но послѣ того чуть не на сутки открывались всѣ окна и вентиляторы. Также не выносилъ онъ, если отъ кого-нибудь пахло водкою: по уходѣ такого лица немедленно, даже зимою, открывались окна, и производилось куреніе одеколономъ.

Третій мѣсяцъ—срокъ прикомандированія моего къ комендантскому управленію истекалъ; полкъ нашъ долженъ былъ выступать изъ Динабурга и оставалось или назначить меня плацъ-адъютантомъ или возвратить въ полкъ. Симборскій, по исполненіи мною всѣхъ формальностей, вошелъ съ представленіемъ въ Инспекторскій Департаментъ о назначеніи меня плацъ-адъютантомъ въ крѣпость Динабургъ. Это было въ Апрѣлѣ 1847 года. Чрезъ недѣлю полученъ отвѣтъ, что какъ по закону мѣста плацъ-адъютантовъ предоставляются только раненымъ офицерамъ, то офицеръ изъ фронта не можетъ получить просимаго назначенія. Меня это очень огорчило.

«Не огорчайтесь, любезный другъ! Вы еще не знаете духа нашего бюрократизма, или вѣрнѣе канцеляризма: по полученіи перваго представленія, всегда ищутъ *нѣтъ ли причинъ отказать*; находятъ ихъ и отказываютъ; когда откажутъ и по второму представленію, тогда просите въ третій разъ; послѣ третьяго отказа просите въ четвертый разъ и какъ можно настойчивѣе; но если откажутъ и въ четвертый разъ, то.... тогда только и *начинайте просить*». Андрей Михайловичъ дѣйствительно вошелъ обо мнѣ съ вторичнымъ представленіемъ, причемъ написалъ къ дежурному генералу Павлу Николаевичу Игнатьеву соб-

ственноручное письмо, въ которомъ изложилъ, что ему нуженъ правитель канцеляріи, къ чему офицеръ раненый, и слѣдовательно больной, не можетъ быть пригоденъ, но нуженъ офицеръ молодой и здоровый. На это дежурный генералъ весьма вѣжливо отвѣчалъ, что при всемъ желаніи его онъ не можетъ сдѣлать угодное Андрею Михайловичу, потому что не осмѣлится войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, въ нарушеніе прямаго, категорическаго закона.

— «Я поправлю это дѣло лично въ Петербургѣ», сказалъ мнѣ въ утѣшеніе комендантъ. Онъ дѣйствительно собирался давно ѣхать въ Петербургъ; но рѣшеніе на счетъ меня, повидимому, ускорило эту поѣздку, и онъ уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Съ дежурнымъ генераломъ у него были довольно жаркія объясненія: одинъ настаивалъ, другой отказывалъ, въ виду собиравшихся на политическомъ горизонтѣ Европы тучъ и вѣроятія Венгерской войны, когда во фронтовыхъ офицерахъ будетъ встрѣчаться большая необходимость. Симборскій, въ опроверженіе этого, доказывалъ, что Государь сдѣлаетъ исключеніе для Динабурга, какъ первоклассной и любимой имъ крѣпости и что въ ней для военнаго времени именно и нужны здоровые офицеры, а не раненые, которымъ мѣсто въ городахъ, но не въ крѣпостяхъ. Кончилось тѣмъ, что о назначеніи моемъ состоялся высочайшій приказъ 7 Іюня, за три дня до выступленія нашего полка изъ Динабурга. И 12 лѣтъ сряду прослужилъ я подъ начальствомъ Андрея Михайловича. Это былъ самый счастливый періодъ моей жизни. Онъ полюбилъ меня, какъ сына; я привязался къ нему, какъ къ отцу.

Въ 1858 году я былъ уже десять лѣтъ капитаномъ и на этомъ мѣстѣ не могъ получить ни слѣдующаго чина, ни ордена. Симборскій не разъ самъ заговаривалъ объ этомъ и предлагалъ мнѣ мѣсто или плацъ-маіора въ Динабургѣ или какое-нибудь другое въ Петербургѣ; но я отказывался: отъ плацъ-маіорства потому, что чувствовалъ въ себѣ силы для занятія болѣе высшей должности, а отъ Петербургскихъ мѣстъ, ради тамошняго климата, какъ уроженецъ Юга. Верхомъ честолюбія моего было быть старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба 1-й арміи въ Варшавѣ. Но Симборскій именно этого и не хотѣлъ.

— Какъ? Неужели я воспиталъ васъ и сдѣлалъ дѣловымъ человѣкомъ для моихъ враговъ Горчакова и Коцебу? Куда хотите, я вашъ ходатай, только не въ Варшаву.

Что̀ у него было съ главнокомандующимъ 1-й арміи и съ начальникомъ Главнаго Штаба Коцебу, я не знаю. Послужной его списокъ заставляетъ догадываться, что у него произошло что-то крѣпко-неладное съ княземъ Горчаковымъ, во время бытности Симборскаго начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, а князя Михаила

Дмитріевича начальникомъ Главнаго Штаба при Паскевичѣ. Симборскій былъ назначенъ начальникомъ артилеріи Кавказскихъ войскъ, и вслѣдъ затѣмъ назначеніе это было отмѣнено, и онъ былъ переведенъ на Кавказъ только съ званіемъ командира пѣхотной (гренадерской) бригады. На Кавказѣ онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Коцебу, который былъ тамъ начальникомъ штаба.

Кромѣ этого, Андрей Михайловичъ поставилъ мнѣ непремѣннымъ условіемъ: приготовить на свое мѣсто одного изъ офицеровъ гарнизона и тогда уже думать о собственномъ переводѣ. Въ переговорахъ нашихъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ резервномъ баталіонѣ Костромскаго полка я нашелъ поручика Метлина, очень развитаго офицера, и началъ подготовлять его. Комендантъ оставался имъ доволенъ. Когда я увидѣлъ, что Метлинъ можетъ заступить меня хотя на короткое время, я попросился въ отпускъ на десять дней въ Варшаву. Генералъ страшно разсердился.

— Такъ вы все-таки не бросаете безразсуднаго вашего намѣренія перейти на службу къ Варшаву?—Помилуйте, ваше пр-во! Развѣ я уже перехожу? Развѣ это такъ легко, развѣ это въ моей власти? Я могу не найти вакансіи; мнѣ могутъ отказать, какъ человѣку безъ всякой протекціи, никому неизвѣстному. Мнѣ хотѣлось бы только поразвѣдать, могу-ли я тамъ и на что́ именно надѣяться?—Нѣтъ, вамъ не откажутъ. Я знаю Коцебу: онъ обѣими руками схватитъ васъ; онъ умѣетъ отличать людей дѣльныхъ. Поэтому именно и не пущу васъ въ Варшаву. Пусть Метлинъ поработаетъ подъ вашимъ руководствомъ годъ, а тамъ посмотримъ.—Но кто же дастъ вамъ офицера для прикомандированія на цѣлый годъ? Метлина потребуютъ въ баталіонъ, и я не въ состояніи выполнить вашего требованія, такъ какъ оно невозможно. — Во всякомъ случаѣ, въ Варшаву я васъ не отпускаю. Это мое послѣднее слово. Прощайте.

Я приходилъ въ отчаяніе. Это было въ началѣ 1859 года.

Послѣ долгой борьбы съ собою, я написалъ къ коменданту два рапорта: одинъ объ увольненіи меня на десять дней въ Варшаву, а другой объ отчисленіи отъ настоящей должности во фронтъ. Оба рапорта эти въ тотъ же день вечеромъ отослалъ я къ коменданту.

На другой день Андрей Михаиловичъ позвалъ меня и, подавая мнѣ оба рапорта, сказалъ: Чтобъ доказать вамъ, что я не такъ упрямъ, какъ вы, разрѣшаю вамъ поѣздку въ Варшаву. Уничтожьте рапортъ объ отчисленіи.

По прибытіи въ Варшаву, я прямо явился къ дежурному генералу Василію Ивановичу Заболоцкому.—Ваше п—во, сказалъ я ему, я служу 12 лѣтъ правителемъ канцеляріи при генералѣ Симборскомъ

въ Динабургѣ, состою больше 9 лѣтъ въ капитанскомъ чинѣ и затѣмъ не предвижу для себя ничего въ будущемъ. Я человѣкъ бѣдный, безо всякой протекціи; потому что мой начальникъ, по прежнимъ отношеніямъ своимъ къ главнокомандующему и къ начальнику Главнаго Штаба, рекомендовать меня не станетъ. Между тѣмъ, я желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ и потому осмѣливаюсь явиться прямо къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: прикажите испытать меня въ Главномъ Штабѣ; если я буду на что-нибудь годиться, то осчастливьте принятіемъ къ себѣ на службу. Я собственно для этого и просился въ десяти-дневный отпускъ.

Генералу Заболоцкому понравилась моя откровенность. Онъ приказалъ мнѣ походить съ недѣлю въ главное дежурство и поступить въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія ст. сов. Праведникова. Испытаніе состояло въ томъ, что мнѣ дали сдѣлать выписку изъ одного слѣдственнаго дѣла. Первый день я читалъ это дѣло и записывалъ на особомъ листѣ мои замѣтки; на другой день составилъ выписку и часамъ къ 3-мъ пополудни передалъ ее Праведникову. Тотъ прочиталъ ее внимательно.—Эге! да васъ учить не нужно. Завтра я доложу вашу выписку дежурному генералу.

На слѣдующій день дежурный генералъ прислалъ за мною.—Я не только согласенъ на вашъ переводъ, но скажу вамъ болѣе: намъ такіе люди нужны. Явитесь завтра къ начальнику Главнаго Штаба. Я сегодня говорилъ съ нимъ про васъ. Предупреждаю однако, что у насъ нѣтъ еще вакансіи старшаго адъютанта, а она откроется не ранѣе осени.

Коцебу также принялъ меня прекрасно. — Васъ рекомендуетъ одно то, что вы служите 12 лѣтъ у Симборскаго, у котораго адъютанты не уживались долѣе года. Вы прошли хорошую школу. Я принялъ бы васъ и безъ испытанія; но у меня нѣтъ еще вакансіи; первая же вакансія—ваша

— Не смѣю скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что мой начальникъ не желаетъ отпускать меня отъ себя; а приготовить на свое мѣсто другаго офицера, въ годовой срокъ, я не могу.

— Весьма понятно, почему онъ васъ не отпускаетъ; по закону, однако, задержать васъ онъ не имѣетъ права, ежели послѣдуетъ отъ насъ вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ вашему переводу. Но старайтесь не разсориться съ нимъ, а покончить «лагодно». (Польское выраженіе *миролюбно, спокойно*). Ожидайте осени.

Я еще разъ поблагодарилъ и вышелъ; но Коцебу, выйдя изъ кабинета въ переднюю, гдѣ мнѣ подавали шинель, еще разъ сказалъ:

Капитанъ! Не думайте, что я обѣщалъ вамъ вакансію только для того, чтобъ отъ васъ отдѣлаться; нѣтъ, я непремѣнно возьму васъ.

Говорятъ, что это была необыкновенная, безпримѣрная любезность съ его стороны. Меня однакоже она не особенно восхитила: я понялъ, что тутъ играетъ роль не личность моя, а желаніе досадить Андрею Михайловичу.

Я уѣхалъ обратно въ Динабургъ, пробывъ въ Варшавѣ всего пять дней.

— Что же такъ скоро? спросилъ комендантъ. Очаровалъ васъ коварный Коцебу или оттолкнулъ?

— Онъ обѣщалъ мнѣ мѣсто старшаго адъютанта, но не скоро, когда откроется вакансія.

Лицо Симборскаго какъ будто просвѣтлѣло.

— Что же онъ сказалъ, когда узналъ, что вы мой адъютантъ?

— Сказалъ, что это моя рекомендація; а какъ при васъ я прошелъ прекрасную школу, то и подвергать меня испытанію нѣтъ надобности.

— О, я знаю, что онъ возьметъ васъ, хотя бы для того, чтобы мнѣ насолить.

Шли мѣсяцы, и ничто не возмущало нашего согласія. Метлинъ былъ возвращенъ въ свой баталіонъ.

Осенью получено свѣдѣніе, что въ первыхъ числахъ Ноября, на обратномъ пути изъ Крыма, Государь Императоръ изволитъ смотрѣть въ Динабургѣ войска. Въ тоже время полученъ изъ Варшавскаго Главнаго Штаба вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу? Симборскій въ гнѣвѣ скомкалъ бумагу и сказалъ:

— До пріѣзда Государя Императора объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Но вотъ и высочайшій проѣздъ совершился благополучно. Его Величество благодарилъ войска, благодарилъ коменданта за отличный порядокъ въ крѣпости. Дѣла опять вошли въ свою колею.

Однажды, послѣ доклада, А. М. подалъ мнѣ бумагу Коцебу. «Надобно отвѣчать на эту бумагу: иначе Коцебу, чтобъ досадить мнѣ, повторитъ вопросъ. Какія же я могу представить препятствія? Вы платите мнѣ неблагодарностію. Я хотѣлъ самъ позаботиться о вашей судьбѣ, хотѣлъ чтобъ вы мнѣ были обязаны вашею будущностію. Куда хотите, я могъ бы перевести васъ, только не въ Варшаву. Если не хотите въ Петербургъ, то Россія не клиномъ сошлась, славу Богу!»

Крѣпко я былъ взволнованъ, слушая эту рѣчь. Я чувствовалъ, что поблѣднѣлъ; слезы меня душили и готовы были брызнуть. Я чуть-

чуть не отказался отъ предлагаемаго мѣста; но было поздно: дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Будь по вашему! докончилъ А. М. Вытребуйте опять Метлина для прикомандированія.

Отвѣтъ былъ посланъ, и чрезъ десять дней состоялся высочайшій приказъ о моемъ переводѣ. Вслѣдъ затѣмъ Коцебу потребовалъ отъ коменданта письменныхъ обо мнѣ свѣдѣній и скорѣйшаго отправленія меня къ новому мѣсту служенія.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ былъ у меня; а на другой день, прощаясь съ нимъ, мы оба плакали и горячо обнимались.

— Полноте! сказалъ мнѣ Симборскій, посмотримтесь въ зеркало, на что̀ мы похожи: мы оба разрыдались какъ бабы!

Не помню, какъ я вышелъ отъ него; но когда проѣзжалъ мимо его квартиры, онъ стоялъ у окна и на прощанье махнулъ мнѣ бѣлымъ платкомъ.

Недолго послѣ меня оставался онъ въ Динабургѣ: аудиторы, которыхъ онъ никогда не жаловалъ, сдѣлали военному министру доносъ, въ которомъ ложно обвиняли его въ вымогательствѣ и взяточничествѣ. Все что̀ онъ сдѣлалъ хорошаго для Динабурга было поставлено ему въ вину, потому что изъ всего этого онъ будто бы извлекалъ для себя барыши. Военный министръ прислалъ въ Динабургъ одного доку для производства дознанія. Тотъ долго рылся, разгребая разный соръ, но ничего не могъ добиться: никакого вымогательства не нашлось, и всѣ начальники частей показали, что добровольно участвовали въ разныхъ полезныхъ затѣяхъ коменданта и охотно ихъ поддерживали. Тогда аудиторъ напписалъ военному министру, что онъ не добьется правды, покуда нынѣшній комендантъ и плацъ-маіоръ полковникъ Байбаковъ будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ ихъ всѣ боятся и скрываютъ истину. Это было въ началѣ 1861 года.

Разъ ночью, въ 2 часа, пріѣзжаетъ къ плацъ-маіору съ Новаго Форштадта квартальный надзиратель.

— Пожалуйте къ *новому* коменданту, генералу Іолшину (бывшему до того начальникомъ III-го округа корпуса жандармовъ). Онъ остановился въ гостиницѣ Будревича и послалъ меня за вами.

Байбаковъ ужасно встревожился. Іолшинъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ вамъ высочайшій приказъ объ увольненіи въ отставку Симборскаго и васъ. Я назначенъ комендантомъ. Передайте сейчасъ приказъ этотъ Симборскому и скажите, чтобы онъ къ 11-ти часамъ утра очистилъ для меня комендантскую квартиру.

Удивительно, какъ съ Байбаковымъ, человѣкомъ полнымъ и сырымъ, не сдѣлался тутъ же ударъ (котораго онъ не избѣжалъ однакоже нѣсколько позднѣе).

Къ 11 часамъ утра Симборскій очистилъ нѣсколько комнатъ для новаго коменданта, въ остальныхъ сложилъ временно свои вещи, а самъ переѣхалъ къ кому-то изъ начальниковъ частей на квартиру, радушно предложенную. Вѣсть о такой неожиданной смѣнѣ была громовымъ ударомъ для Динабурга. Всѣ ихъ любили искренно.

Скоро послѣ того Андрей Михайловичъ Симборскій переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, а Байбаковъ умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену и шестерыхъ дѣтей.

Аудиторъ и послѣ смѣны ихъ ничего не добился; никакого слѣдствія, ни суда не было, и дѣло кануло въ вѣчность. Эти два человѣка пострадали напрасно.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ начались безпорядки. 1861-й и 1862-й годы были годами манифестацій, оскорбленія Русскихъ людей и бездѣйствія Русскихъ властей, запуганныхъ мальчишками и уличнымъ сбродомъ. Андрей Михаиловичъ постоянно осаждалъ меня требованіями писать къ нему подробнѣе и побольше о томъ, что́ у насъ дѣлается, такъ какъ свѣдѣнія изъ газетъ чрезвычайно были сжаты и неудовлетворительны. Какъ старшій адъютантъ Главнаго Штаба, я могъ знать и видѣть больше нежели газетные репортеры и потому описывалъ Симборскому всѣ Варшавскія событія ярко, не щадя виноватыхъ ни съ одной, ни съ другой стороны; писалъ съ полною откровенностью, зная, что письма эти у него и погибнутъ и ни въ какомъ случаѣ не будутъ преданы гласности.

Разъ поздно вечеромъ зашелъ ко мнѣ камергеръ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ и сказалъ:—Я сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга. Знаете ли, что меня Государь спрашивалъ объ васъ?

Я вскочилъ въ испугѣ.

— Не пугайтесь. Его Величество отозвался о васъ очень милостиво. При представленіи моемъ Государь изволилъ спросить, знаю-ли я васъ въ Варшавѣ, и когда я сказалъ, что знаю очень хорошо, потому что вмѣстѣ состоимъ при главнокомандующемъ, Его Величество что-то сказалъ о какихъ-то вашихъ письмахъ, чего я не понялъ. Можете быть увѣрены, что я доложилъ о васъ все самое хорошее. Къ кому вы писали и о чемъ, я ровно ничего не знаю; но изъ словъ Государя я понялъ, что онъ теперь «знаетъ всю правду».

Покуда С. Ѳ. Панютинъ это говорилъ, на мнѣ сдѣлалась мокра вся рубашка. Долго однако я не могъ придти въ себя. Что за письма? Не корреспонденціи же мои въ «Московскія Вѣдомости и въ «Русскій Инвалидъ»: онѣ не секретъ и выходятъ въ печати.

Прошло еще два бурныхъ года въ Варшавѣ. Симборскій жилъ въ Петербургѣ, откуда однажды уѣзжалъ за границу, гдѣ ему сняли катаракты.

Въ 1864 году я поѣхалъ въ Петербургъ, и конечно первымъ моимъ долгомъ было зайти къ Андрею Михайловичу. Это была первая встрѣча послѣ нашей разлуки.

Меня непріятно поразило, что онъ былъ въ статскомъ платьѣ.

— Что́ это значитъ, Андрей Михайловичъ, почему вы не носите военной формы?

— Мундира въ отставкѣ! Да ктожъ его носитъ? Развѣ можно надѣвать эту оборванную, общипанную, разжалованную форму? Ее выдумали тѣ, которые были убѣждены, что никогда не надѣнутъ ее сами, потому что умрутъ членами Военнаго или Государственнаго Совѣта. Въ наше законодательство напрасно внесена устарѣлая фраза «съ мундиромъ», потому что никому онъ не нуженъ.

— Помилуйте, вѣдь это награда. Я видѣлъ однакоже нѣсколько отставныхъ генераловъ въ военной формѣ.

— Хороша награда, когда ее всѣ отвергаютъ. Изъ генераловъ только тѣ щеголяютъ красною подкладкою своего пальто, которые не носили ея на службѣ, т.-е. генералы-апликэ. Знаете, что́ я вамъ разскажу объ одномъ моемъ знакомомъ отставномъ полковникѣ—и это не анекдотъ, а истинное происшествіе, о которомъ многіе говорятъ въ Петербургѣ. Полковникъ этотъ, въ своей отставной формѣ, ѣхалъ на извозчикѣ и курилъ сигару. Вдругъ на ступеньку дрожекъ вскакиваетъ какой-то деньщикъ. «Землячокъ любезный, одолжи огоньку». Полковникъ былъ озадаченъ и молча подалъ сигару. Деньщикъ закурилъ свою папиросу, потомъ потянулъ раза два сигару и, возвращая ее полковнику, прибавилъ: «Должно быть ты порядочно обкрадываешь своего барина, когда куришь такія дорогія сигары». Ясно, что деньщикъ принялъ отставнаго полковника, по его костюму, за такого же деньщика, какъ и самъ онъ. Но я надѣюсь скоро опять надѣть генеральскую форму, потому что попрошу милости у Государя о принятіи меня вновь на службу, съ зачисленіемъ по артилеріи. Я привыкъ носить эполеты чуть не съ дѣтства.

Потомъ онъ пригласилъ меня съ собою обѣдать въ Англійскій клубъ, прибавя: Вы сегодня мой гость, и я сейчасъ пошлю къ генералу Крыжановскому просить, чтобы онъ мнѣ уступилъ на сегодня свою очередь для ввода гостя въ клубъ.

Въ клубѣ я встрѣтилъ многихъ моихъ знакомыхъ и двухъ прежнихъ начальниковъ, Крыжановскаго и Рамзая. Первый пригласилъ меня обѣдать къ себѣ на завтра, и Рамзай обязалъ быть его гостемъ въ Англійскомъ клубѣ послѣ завтра. Тутъ же Симборскій представилъ меня начальнику штаба корпуса жандармовъ и управлявшему III Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи.

— Рекомендую вамъ, сказалъ Симборскій—такой-то. Онъ сдѣлалъ мнѣ славу уживчиваго человѣка, потому что прослужилъ у меня адъютантомъ двѣнадцать лѣтъ.

— Я васъ знаю, обратился ко мнѣ *, подавая руку. Въ прошломъ году вы были ранены отравленнымъ кинжаломъ. Съ владѣльца дома, въ который скрылись ваши убійцы, взыскано штрафа 20 тысячъ рублей, которые и переданы вамъ.

— Мнѣ?.. Съ владѣльца дома, Гродзицкаго, дѣйствительно взыскана эта сумма; но я не видалъ изъ нея мѣднаго гроша. Еслибы я получилъ такую сумму, то вѣрно не былъ бы сегодня въ Петербургѣ.

— Чѣмъ же васъ наградили?

— Ничѣмъ. Еще нѣтъ двухъ лѣтъ какъ я получилъ Станислава на шею, а штабная служба моя не считается бытностію въ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Кромѣ того, продолжалъ *, я знаю васъ по письмамъ къ Андрею Михайловичу. Они послужатъ матеріаломъ для исторіи послѣдняго Польскаго мятежа.

— Кстати, Андрей Михайловичъ, перебилъ я, обращаясь къ Симборскому, какимъ образомъ письма мои удостоились такого вниманія?

— Я самъ отвозилъ ихъ къ шефу жандармовъ князю Долгорукову и просилъ довести до высочайшаго свѣдѣнія, что за безобразія творятъ въ Варшавѣ этотъ выжившій изъ ума старикъ Горчаковъ и совѣтчикъ его Коцебу. Бѣдные Русскіе, что̀ они тогда вытерпѣли!

Такимъ образомъ загадка разъяснилась.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Варшаву я имѣлъ величайшее удовольствіе прочитать, что генералъ-лейтенантъ Симборскій 1-й вновь опредѣленъ на службу, съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артилеріи. Въ этомъ положеніи онъ и оставался до смерти.

Послѣ столь рѣзко высказаннаго Андреемъ Михайловичемъ мнѣнія объ отставномъ мундирѣ, я сталъ замѣчать, что отставные какъ будто стыдятся той награды, которую старинный законъ даетъ имъ за отлично-усердную и нерѣдко запечатлѣнную кровью службу. Конечно всѣмъ извѣстно, какой въ нынѣшнемъ году произвело между отставными военными восторгъ извѣстіе, появившееся въ газетахъ, будто имъ *возвращаютъ* эполеты (какъ будто послѣдніе были *отняты* за какой-нибудь штрафъ); какъ отставные ликовали и благословляли высшее начальство за то, что оно, заботясь столько о строевыхъ, простерло свою милость и на отставныхъ и какое горькое наступило потомъ разочарованіе, когда узнали, что извѣстіе это было только газетною уткою. А жаль! Можно съ увѣренностію сказать, что еслибы отстав-

ному мундиру были присвоены эполеты, то всѣ отставные поголовно надѣли бы его и дѣйствительно считали бы его высокою наградою.

Прошло еще около трехъ лѣтъ. Я долженъ былъ, по дѣламъ службы, съ мѣсяцъ пробыть въ Петербургѣ. Каждый день бывалъ я у Андрея Михайловича и часто встрѣчался тамъ съ двумя родными братьями его, Іеронимомъ и Дмитріемъ Михайловичами. Первый былъ также артилерійскій генералъ-лейтенантъ, а второй — генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Дмитрій Михайловичъ имѣлъ большое семейство; другой же братъ былъ бездѣтенъ.

Однажды я засталъ Андрея Михайловича въ сильномъ волненіи: онъ спорилъ съ какою-то Петербургскою чуйкою. Андрей Михайловичъ говорилъ:

— Я сторговалъ въ зеркальномъ магазинѣ цѣльное зеркало въ печной простѣнокъ, такихъ-то размѣровъ, за 300 рублей; между тѣмъ вы вставили стекло меньшихъ размѣровъ и требуете тоже 300 рублей.

— Помилуйте, ваше пр-во, возражала чуйка, потряхивая волосами: это ничего, что стекло меньше рамы простѣнка; за то мы отрѣзали отъ другихъ зеркалъ вершка по два и съ трехъ сторонъ заполнили недостающее пространство.

— Но я не хочу зеркала со вставками; я сторговалъ за 300 рублей цѣльное.

— Не нашлось у насъ такихъ размѣровъ цѣльнаго-съ. Но все равно, простѣнокъ заполненъ.

— Не все равно! Цѣльное не кусковое. Зачѣмъ же вы брались за поставку, когда требуемыхъ стеколъ не имѣли?

— Надѣялись достать въ другихъ магазинахъ, да не нашли-съ.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не принимаю такого стекла. Унесите его назадъ.

— Ну нѣтъ, ваше п—во, уносить назадъ намъ не приходится; убыточно будетъ; все же вставка, провозъ, работа-съ.

— Такъ вы насильно хотите навязать мнѣ вашъ неподходящій товаръ? Повторяю вамъ, что я не принимаю его; берите себѣ назадъ.

— Какъ вамъ угодно, ваше п-во, а товару назадъ мы не беремъ; мы испортили для васъ одно зеркало на разрѣзки для вставокъ. По настоящему, вы и за то зеркало намъ заплатить должны. Какъ вамъ угодно-съ: или пожалуйте денежки, или я обжалую васъ у мироваго судьи.

— Жалуйтесь! Не знаю, какой мировой судья найдетъ вашу жалобу справедливою. Денегъ я вамъ не отдамъ и зеркало свое возьмите.

Чуйка ушла. Это былъ мѣщанинъ Лопатинъ, прикащикъ изъ зеркальнаго магазина.

Кто не помнитъ первыхъ мировыхъ судей при введеніи новаго судопроизводства? Всѣ лучшія юридическія силы ушли тогда въ окружные суды, въ судебныя палаты, въ прокуратуру, въ присяжные повѣренные и т. п.; а балотироваться въ мировые судьи, за немногими исключеніями, пошли тѣ, которымъ не было мѣста въ судахъ, да и вообще въ государственной службѣ. Общество избирало всякаго, благо онъ изъявлялъ желаніе и подходилъ подъ извѣстныя условія, не разбирая ни его характера, ни наклонностей, ни образа мыслей, и потомъ само ахнуло, кого избрало на свою шею! Первые мировые судьи, выходя нерѣдко изъ ничтожества, почувствовали подъ собою почву, а въ рукахъ власть, и у нихъ закружилась голова. Имъ предоставлялась обширная арена для проявленія этой власти, особенно надъ классомъ высшимъ, мстить которому теперь открывалась широкая возможность, и вотъ эта месть, во всемъ безобразіи своемъ, и начала проявляться на каждомъ шагу. Судьи вообразили себя Крыловскими журавлями на болотѣ, на которомъ имѣли право засудить и проглотить всякую встрѣчную лягушку. Опираясь на свою «несмѣняемость», они считали себя неограниченными повелителями общества и задались, какъ говорили тогда, тенденціозною мыслію «уничтожить это старое, отжившее свой вѣкъ дворянское сословіе и замѣнить его силами изъ народа». Поэтому они всемѣрно старались унижать и оскорблять дворянъ вообще и генераловъ въ особенности. Они извратили великую мысль законодателя, сдѣлали ее орудіемъ мелкихъ страстишекъ, забыли основную мысль: «милость и правда да царствуютъ въ судахъ» и затѣяли передѣлать Русскую жизнь на свой ладъ. Купецъ не смѣлъ выругать негодяя-прикащика, выдрать за уши баловника-мальчишку: это называлось самоуправствомъ и наказывалось арестомъ; служанка, ударившая свою барыню или дворникъ хозяина, оправдывались, какъ сдѣлавшіе это «въ запальчивости и раздраженіи»; а барыня, только выругавшая служанку или, баринъ оскорбившій словами дворника или кучера, подлежали оштрафованію. Такого рода судьи положили начало «войнѣ съ капиталомъ» и породили тѣхъ «народниковъ», которые потомъ «пошли въ народъ» и съ которыми правительству пришлось бороться. Странно, что и лучшіе люди, попавшіе въ этотъ водоворотъ, также были увлечены теченіемъ или, какъ тогда говорили, *вѣяніемъ* и раздѣляли эти чудовищныя начала! Мало того: между судьями появлялись и скоморохи, которые вопросами своими подсудимымъ или тяжущимся заставляли публику, находившуюся въ ихъ каморѣ, хохотать до слезъ.

Журналистика такъ много говорила о непригодности первыхъ мировыхъ судей; но ни одинъ изъ судей не осмѣлился выступить въ

защиту своей корпораціи печатно и живымъ словомъ и примѣрами доказать всю пользу, какую приноситъ она народной жизни и поднятію нравственности; напротивъ, они умѣли только привлекать авторовъ къ суду за оскорбленіе въ печати, но не оправдываться въ глазахъ общества, чѣмъ и доказали, что они дѣйствительно были чужды обществу, стали не средствомъ оздоравливающимъ организмъ его, а разъѣдающею язвою.

Лопатинъ исполнилъ свою угрозу и обжаловалъ мировому судьѣ, дѣйств. ст. сов-ку К. Чрезъ нѣсколько дней къ Симборскому пришелъ судебный приставъ Олтаржевскій, вмѣстѣ съ Лопатинымъ, и предъявилъ исполнительный листъ, постановленный по заочному рѣшенію мироваго судьи, о взысканіи съ Симборскаго 300 рублей въ пользу Лопатина. Приставъ объявилъ, что долженъ приступить къ описи имущества, если не получитъ денегъ. Олтаржевскій былъ знакомъ Симборскому, какъ братъ жены Динабургскаго инженера Мяновскаго.

— Что это значитъ, спросилъ его А. М., на какомъ основаніи г. К. поставляетъ заочное рѣшеніе, когда я въ городѣ, и слѣдовательно онъ долженъ былъ выслушать мое оправданіе?

— Этого я не знаю, ваше п-во. Онъ самъ вручилъ мнѣ исполнительный листъ.

— Въ такомъ случаѣ я протестую противъ этого рѣшенія и подамъ прошеніе мировому судьѣ.

— Вы имѣете на то законное право, но я все таки долженъ исполнить мою обязанность и описать хотя нѣкоторыя вещи ваши, впредъ до новаго рѣшенія судьи.

Андрей Михайловичъ жилъ въ великолѣпной квартирѣ, на Дворцовой набережной, и квартира эта была меблирована съ самою изысканною роскошью. Олтаржевскій записалъ три или четыре вещи, въ десять разъ превышавшія стоимостію цѣну иска и удалился.

Вечеромъ А. М. встрѣтилъ въ Англійскомъ клубѣ К-а и спросилъ его, по-пріятельски, такъ какъ они были коротко знакомы: Что это вы постановили обо мнѣ заочное рѣшеніе, по дѣлу этого жулика Лопатина?—Ахъ, оставьте разговоры о дѣлахъ! отвѣчалъ тотъ очень неделикатно: онѣ надоѣли мнѣ днемъ, а здѣсь въ клубѣ я хочу отдохнуть отъ нихъ. Подавайте, если хотите прошеніе.

Прошеніе составили мы вмѣстѣ съ А. М., и я переписалъ таковое собственноручно; при немъ приложена и разцѣночная вѣдомость зеркаламъ въ квадратныхъ вершкахъ, писанная Лопатинымъ. Изо всего было видно, что прикащикъ не исполнилъ условія, требовалъ за меньшихъ размѣровъ зеркало туже цѣну, что полагалась за боль-

шое и обезобразилъ гостиную, вставивъ надкаминное зеркало изъ кусковъ.

Чрезъ нѣсколько дней Симборскій получилъ отъ К-а повѣстку, чтобы для разбирательства его дѣла онъ явился тогда-то въ его камеру въ 11 часовъ ночи.

— Посмотрите, какая неделикатность! сказалъ онъ, показывая мнѣ повѣстку: судья вызываетъ меня, больнаго старика, въ 11 часовъ ночи, когда въ это время я всегда уже въ постели!

— Чтоже дѣлать? отвѣчалъ я. Не будь вы генераломъ, съ вами такъ не поступили бы... Но ѣхать необходимо. Я не отпущу однако васъ одного: поѣдемъ вмѣстѣ.

Въ назначенный вечеръ мы пріѣхали въ камеру К-а. Толпа народу, вонь отъ промгзлыхъ зипуновъ и тулуповъ, сквозной вѣтеръ, холодно и сыро отъ нанесеннаго огромными сапожищами снѣга. Въ этой атмосферѣ просидѣли мы до часу ночи, слушая разборъ другихъ дѣлъ. Судья не обращалъ на моего генерала ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, въ часъ ночи, онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Господинъ Симборскій! Дѣло ваше съ господиномъ Лопатинымъ, по̀ не прибытію истца, сегодня разбираться не будетъ. О днѣ новаго разбирательства вы получите повѣстку. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Съ этимъ мы вышли, измученные напраснымъ ожиданіемъ.

Но вѣдь теперь роли перемѣнились: теперь истецъ Лопатинъ, сдѣлался отвѣтчикомъ, а отвѣтчикъ Симборскій—истцомъ. Почему же судья и теперь не могъ рѣшить дѣло заочно, въ отсутствіе Лопатина какъ рѣшилъ его въ первый разъ, въ отсутствіе Симборскаго?

Слѣдующая повѣста опять вызывала А. М. въ 11 часовъ ночи. Очевидно, это дѣлалось ему на зло. Мы поѣхали. Таже процедура, таже атмосфера, тоже ожиданіе. Наконецъ около часу ночи раздался зовъ судьи:

— Господинъ Лопатинъ и господинъ Симборскій!

Андрей Михайловичъ и Лопатинъ вышли изъ за рѣшетки вмѣстѣ. Мировой судья началъ читать прошеніе Симборскаго. Видя, что процедура эта продлится долго, А. М. попросилъ судью приказать подать ему стулъ, такъ какъ онъ былъ тогда боленъ ногами.

— Сторожъ, подай два стула! крикнулъ К—ъ.

Сторожъ принесъ два стула; на одномъ сѣлъ генералъ.

— Господинъ Лопатинъ, садитесь! произнесъ судья.

— Покорно благодаримъ-съ, ваше п-во, отвѣчалъ Лопатинъ, и прибавилъ фразу Гоголевскаго Осипа: у меня ноги есть, я и постою.

Такимъ образомъ чуйка оказалась деликатнѣе судьи.

Начались прѣнія. Лопатинъ, говоря объ А. М., постоянно произносилъ «Симборскій» да «Симборскій». А. М. обратился къ судьѣ:

— Господинъ, судья прошу васъ приказать Лопатину называть меня: или «генералъ Симборскій» или «господинъ Симборскій».

— Ахъ, извините, ваше п-во, обратился Лопатинъ къ генералу. Прощенія просимъ! Такъ-съ, сгоряча-съ! и съ тѣхъ поръ постоянно говорилъ или просто «генералъ», или «его п-во господинъ генералъ».

Кончилось тѣмъ, что мировой судья не принялъ во вниманіе никакихъ оправданій генерала и не измѣнилъ ни на волосъ первоначальнаго заочнаго приговора своего, т. е. А. М. долженъ былъ безусловно заплатить Лопатину 300 р., а кусковое зеркало оставить у себя.

Разумѣется, А. М. не могъ остаться доволенъ подобнымъ несправедливымъ приговоромъ и заявилъ, что подастъ апелляцію. Мы возвратились домой въ 2 часа ночи. Апелляціонную жалобу мы также составляли вдвоемъ, и я собственноручно переписалъ ее. К. съ своимъ заключеніемъ представилъ ее въ мировой съѣздъ, который вызвалъ Симборскаго на извѣстное число къ 10 часамъ утра.

Мы пріѣхали къ назначенному часу; но засѣданіе подъ предсѣдательствомъ К. началось въ 11 или даже въ 12 часовъ дня. Мы сидѣли въ числѣ прочей публики. Долго разбирались разныя дѣла; Симборскаго дѣло было назначено послѣднимъ. Утомленный долгимъ ожиданіемъ, отощавшій и слабый на ногахъ, А. М. однакоже, хотя и съ величайшимъ трудомъ, вставалъ при каждомъ возгласѣ: «судъ идетъ!» Наконецъ, дошла очередь и до нашего дѣла. К. прочиталъ: «Гражданское дѣло по иску Лопатина съ Симборскаго, 300 рублей. Здѣсь Симборскій жалуется на меня, а потому слагаю съ себя званіе предсѣдателя мироваго съѣзда».

Съ этимъ судьи вышли въ свою комнату. Минуты черезъ три послышался голосъ судебнаго пристава: «судъ идетъ!» Впереди всѣхъ шелъ какой-то молодой человѣкъ, въ званіи предсѣдателя. Андрей Михайловичъ приподнялся, но обезсиленный тотчасъ же сѣлъ, почти упалъ на скамью. Не успѣли судьи занять мѣста, какъ юный предсѣдатель закричалъ во все горло, указывая на генерала: Господинъ приставъ! Поднимите этого господина или выведите его вонъ.

Я поспѣшилъ приподнять Андрея Михайловича.

— Ради Бога, Андрей Михайловичъ, бодритесь, или васъ встрѣтитъ величайшее оскорбленіе. Очевидно, они къ вамъ стараются придраться, чтобъ вывести васъ изъ себя.

Началось чтеніе дѣла. Въ аппеляціонной жалобѣ судьи нашли оскорбленіе мироваго судьи словами: «неправильно», «несправедливо», «незаконно». К-ъ, въ объясненіи аппеляціи написалъ, между

прочимъ, что «Симборскій требовалъ, чтобы Лопатинъ называлъ его вашимъ превосходительствомъ». Андрей Михайловичъ тутъ не выдержалъ и сказалъ, будто про себя, но такъ, что предсѣдатель услышалъ: «Это неправда!»

— Господинъ Симборскій! взбѣленился юнецъ и закричалъ на всю залу. Если вы осмѣлитесь сказать еще одно слово, я прикажу вывести васъ вонъ.

Я крѣпко сжалъ руку Андрея Михайловича.

— Опомнитесь, выдержите! Видите-ли, что здѣсь все улажено, подтасовано; они только играютъ здѣсь комедію и ловятъ васъ на-вѣрняка. Ради самого Создателя, не давайте повода погубить себя.

— Господинъ товарищъ прокурора! возгласилъ предсѣдатель. Ваше заключеніе: какому наказанію долженъ быть подвергнутъ виновный въ письменномъ оскорбленіи мироваго судьи?

— Я нахожу, отвѣчалъ спрошенный, что въ аппеляціонномъ прошеніи находится нѣсколько неприличныхъ выраженій; а такія прошенія, на основаніи такой-то статьи и такихъ-то рѣшеній Кассаціоннаго Департамента, оставляются безъ послѣдствій.

Судъ удалился для постановленія приговора; но чрезъ пять минутъ опять вышелъ. Ясно, что приговоръ уже былъ заблаговременно подписанъ. Молодой предсѣдатель прочиталъ приговоръ, которымъ рѣшеніе мироваго судьи утверждено во всѣхъ частяхъ, а за письменное оскорбленіе мироваго судьи постановлено предать Симборскаго суду.

— Вамъ, г. товарищъ прокурора, поручается сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія.

— Я сейчасъ ѣду къ шефу жандармовъ, сказалъ я Симборскому, доложить о публичномъ оскорбленіи вамъ нанесенномъ.

Было 3 часа по полудни. А. М. уѣхалъ домой, а я къ *, который только что вернулся изъ Государственнаго Совѣта и принялъ меня немедленно.

— Ваше сіятельство! Я сію минуту былъ свидѣтелемъ тяжкаго публичнаго оскорбленія заслуженнаго генерала мальчишкою-судьею.

Я разсказалъ графу всѣ возмутительныя подробности цѣлаго дѣла. Графъ удостоилъ выслушать меня съ величайшимъ вниманіемъ и потомъ приказалъ попросить генерала Симборскаго къ нему, завтрашняго числа въ 10 ч. утра.

Графъ принялъ живое участіе въ дѣлѣ Симборскаго и обѣщалъ ему свою защиту.

Что̀ потомъ было, я не знаю; потому что я назначенъ былъ на службу въ Могилевъ, куда скоро и уѣхалъ. Говорили, будто военный

министръ требовалъ отъ начальниковъ войскъ свѣдѣній обо всѣхъ случаяхъ оскорбленія мировыми судьми лицъ военнаго званія; но въ какой степени были справедливы эти разсказы, я дознать не могъ.

Симборскій однако не былъ преданъ суду, какъ того хотѣлъ мировой съѣздъ, хотя и «Судебный Вѣстникъ» настаивалъ, чтобъ приговоръ съѣзда былъ непремѣнно приведенъ въ исполненіе. Какая тому причина, мнѣ также неизвѣстно: было ли тутъ вліяніе графа *, или сама прокуратура убѣдилась, что тутъ Симборскаго судить не за что.

Въ концѣ Января слѣдующаго 1868 года я прочелъ въ Русскомъ Инвалидѣ: «*Умершіе исключаются изъ списковъ. Состоящій по полевой пѣшей артилеріи генералъ-лейтенантъ Симборскій*».

Андрей Михайловичъ Симборскій умеръ 20 Января 1868 года. (Своему деньщику и прислугѣ оставлялъ онъ въ завѣщаніи щедрое награжденіе; къ сожалѣнію, воля его не была исполнена наслѣдниками).

Память его для меня незабвенна. Сколько отеческаго вниманія оказывалъ онъ мнѣ во время неоднократныхъ моихъ тяжкихъ болѣзней? Въ началѣ мнѣ казалось, что это былъ эгоизмъ, что А. М. старался скорѣе меня вылѣчить для того, чтобы канцелярія не оставалась безъ адъютанта, чтобы не работать самому; но потомъ я убѣдился, что имъ руководили привязанность ко мнѣ и врожденная, безусловная доброта сердца. Сколько разъ отсылалъ онъ меня къ минеральнымъ водамъ и морскимъ купаньямъ, съ наказомъ не торопиться возвратомъ, а дѣлами занимался самъ со старшимъ писаремъ....

Если Андрей Михайловичъ имѣлъ свои недостатки; то это была *пыль на благородномъ металлѣ*, свѣянная дыханіемъ смерти.

Теобальдъ.

ЗАМѢТКА О ЛАДИНСКОМЪ.

Въ Запискахъ Н. Н. Муравьева много говорится о предмѣстникѣ его по командованію 7-мъ карабинернымъ (нынѣ Эриванскій гренадерскій) полкомъ. Въ примѣчаніи сказано, что пріемъ полка Муравьевымъ и сдача Ладинскимъ представляютъ собою крайне-любопытныя и знаменательныя черты, что вѣроятно было такъ не только у Ермолова на Кавказѣ, но и въ остальныхъ войскахъ и что издателю „Русскаго Архива“ неизвѣстно, Полякъ ли былъ Ладинскій.

Зная благородный характеръ Н. Н. Муравьева и его безкорыстіе, едва ли можно сомнѣваться въ полной справедливости его разсказа; можно, напротивъ, думать, что онъ не все высказалъ. Что такъ было не только на Кавказѣ, но и во всѣхъ войскахъ—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Таковы были порядки въ хозяйственныхъ частяхъ войскъ, продолжавшіеся до 60-хъ годовъ. Конечно, были командиры далеко не такіе, какъ описываетъ Н. Н. Муравьевъ Ладинскаго; бывали рѣдкія исключенія совершенно безкорыстныхъ, но были экземпляры и похуже. Во многомъ были виноваты самые законы и порядки по части войсковаго хозяйства, еще болѣе примѣры, шедшіе сверху, наконецъ духъ времени, отсутствіе гласнаго контроля и крайне-слабое отношеніе высшаго начальства къ дѣламъ этого рода. Это по истинѣ были времена, когда можно было словами Спасителя сказать: кто чувствуетъ себя правымъ, пусть броситъ первый камень.

Ладинскій, Петръ Антоновичъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ не Полякъ, а Малоросъ. Онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ за Кавказомъ, еще въ 1812—13 гг. находился въ чинѣ маіора съ батальономъ въ Кахетіи и производилъ экзекуціи надъ участниками возстанія, возбужденнаго царевичемъ Александромъ Грузинскимъ. Изучивъ Грузинскій языкъ, онъ познакомился со многими княжескими домами и, по веселому характеру, нравился имъ. Ладинскій дослужился до чина генералъ-лейтенанта, украсился звѣздами и въ 1840-хъ годахъ, при князѣ Воронцовѣ, вновь явился на Кавказѣ въ важной должности начальника *гражданскаго* управленія... Онъ пользовался по старой памяти расположеніемъ части высшаго Грузинскаго общества, особенно нѣкоторыхъ старыхъ княгинь, и хотя былъ старый холостякъ, но не рѣдко приглашалъ къ себѣ на вечера дамское общество. Князь Михаилъ Семеновичъ съ княгинею Елисаветою Ксаверьевною тоже иногда у него бывали. Въ 1847 г., если не ошибаюсь, Ладинскій, смѣненный княземъ Бебутовымъ, оставилъ должность начальника гражданскаго управленія и вышелъ въ отставку.

А. Зиссерманъ.

МНѢНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ХОЛЕРѢ.

«Я уже прежде замѣтилъ, что вовсе не принимать карантинныхъ мѣръ я не могу согласиться: ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что болѣзнь сія сообщается чрезъ зараженный воздухъ; потому пропускъ больныхъ людей или имѣющаго въ себѣ зародышъ сей болѣзни, хотя еще не открывшейся въ немъ, опасенъ не чрезъ прикосновеніе къ нему, но чрезъ дыханіе при разговорахъ. Сему есть вчера послѣ обѣда полученный новый опытъ. Стало, оцѣплять зараженныя мѣста или прекращать съ ними сообщеніе необходимо, но безъ окурокъ и тому подобнаго. 23 Авг. 1830, въ Царскомъ Селѣ».

Эта своеручная замѣтка императора Николая Павловича на докладѣ Комитета Министровъ исторически важна тѣмъ, что объясняетъ причину неуклоннаго примѣненія карантинныхъ мѣръ въ Россіи въ 1830—1832 годахъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ.

СТИХИ С. А. СОБОЛЕВСКАГО ПРО КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

С. А. Соболевскій и князь В. Ѳ. Одоевскій, съ раннихъ лѣтъ молодости и до конца, были между собою связаны тѣсною дружбою. Этому нисколько не мѣшала разница положеній и характеровъ. Соболевскій часто подсмѣивался надъ своимъ музыкальнымъ другомъ и его Себастіановомъ, машиною, которая была въ одно и тоже время и фортепьянами, и органомъ и которую заводилъ обыкновенно буфетный мужикъ Сидоръ. Однажды этотъ служитель попросился въ отпускъ въ деревню, и хозяинъ его будто выражалъ такъ свое горе:

Съ тобою, милый Исидоръ,
Сіамскіе мы точно братья.
Какъ буду музыкальный вздоръ
Безъ помощи твоей играть я?

Для утъ, ре, ми, фа, соль, ла, си,
Уходъ твой отъ меня ужасенъ!
Какой прибавки ни проси,
Впередъ я на нее согласенъ.

*

Оба пріятеля жили въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ въ домѣ князя Волконскаго, Соболевскій внизу, князь Одоевскій вверху, куда первый изъ нихъ являлся почти ежедневно къ обѣду и для послѣобѣденной бесѣды. Князь Одоевскій считалъ себя вели-

кимъ знатокомъ кухоннаго искусства (нѣкогда онъ печаталъ о томъ цѣлый рядъ общезанимательныхъ статей подъ заглавіемъ *Записки доктора Пуффа*). Однажды онъ объявилъ Соболевскому, что на слѣдующій день будетъ у него особо приготовленное жаркое, какія-то хитро-начиненныя утки. По этому случаю Соболевскій написалъ ему слѣдующій акростихъ:

*Ут*ку изжарить
*Р*ѣдко удастся.
*Ми*лый кухмистеръ!
*Фа*ршу не рѣзать,
*Соль*ю не брезгать!
*Ла*комо будетъ
*Си*це творящу.

*

Слѣдующее стихотвореніе писано гораздо раньше, когда князь Одоевскій служилъ въ Петербургѣ, въ ученомъ комитетѣ при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и занятъ былъ составленіемъ записки по поводу появившагося гдѣ-то вреднаго насѣкомаго. Онъ въ это время почему-то носилъ парикъ.

Случилося во время оно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ Комитетъ Ученой
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ!

Соображая этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.

Его послѣдуя примѣрамъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ
Таинственно главой поникъ.

Комаръ—ты говоришь—въ общественномъ значеньи
Есть Божья тварь.
А въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ онъ звонарь.

А такъ какъ онъ паденьемъ въ полѣ
Лѣсамъ не причинилъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

С.-Петербургъ.

31-го Августа 1848. Вчера въ семь часовъ вечера пріѣхалъ и остановился въ гостинницѣ Энгельгардта. Оставилъ мой тихій семейный домъ 21-го Августа въ 4 часа по полудни. 26-го пріѣздъ въ Москву, остановился въ гостинницѣ Дрезденъ. А. П. Ермоловъ въ деревнѣ, къ живѣйшему моему сожалѣнію, также добрая и почтенная Надежда Ник. Шереметева. Зашелъ по дорожному къ Закревскому и занимательно провелъ съ нимъ полчаса. Возвратясь домой, швейцаръ объявилъ, что только что пріѣзжалъ ко мнѣ Ник. Ник. Муравьевъ. Я засталъ его одного, и до прихода третьяго разговоръ съ нимъ меня много и пріятно занялъ. Это человѣкъ примѣчательный. Здѣсь еще отъ Закревскаго узналъ я о смерти Герштенцвейга. Онъ застрѣлился. Въ Петербургѣ узналъ дальнѣйшія подробности. Почти всѣ думаютъ, что служебныя непріятности отсюда причиною этого происшествія. Имѣвъ случай прочитать послѣднее его письмо и повелѣнія къ нему, содержанія ободрительнаго и желаніямъ его соотвѣтственнаго, полагаю, что какія нибудь семейныя огорченія подвигнули его къ этому послѣднему изъ всѣхъ средствъ. Впрочемъ они оба съ Дюгамелемъ въ Молдавіи, несвоевременнымъ вступленіемъ туда и еще болѣе оставленіемъ ея, уронили достоинство Россіи. Я ожидалъ чего либо подобнаго отъ послѣдняго, послѣ разговора съ нимъ, до отправленія его отсюда. Это происшествіе въ эту минуту занимаетъ общество Петербургское и подаетъ поводъ къ разнымъ кривымъ

толкамъ. Вчера былъ день празднованія свадьбы В. К. Константина Николаевича, на которое я вѣ время не поспѣлъ.

Сегодня въ 9-ть часовъ ѣздилъ къ гр. Орлову; извинился дѣлами съ приглашеніемъ во всякое время пріѣзжать попросту. Отъ него къ Киселеву, съ которымъ провелъ съ полчаса очень занимательно. Потомъ къ г-лъ-губ. Шульгину, не засталъ. Еще до гр. Орлова былъ у деж. ген. Игнатьева и просидѣлъ съ нимъ пріятно. Вревскаго не засталъ. Въ исходѣ одиннадцатаго въ Военное Министерство. Г-лъ Штегеманъ. Анненковъ. Встрѣча военнаго министра. Физически большой упадокъ: съ нимъ былъ недавно ударъ. Въ часъ на разводъ предъ дворцомъ. До того ѣздилъ и записался у Наслѣдника, у Константина Николаевича, у в. к. Михаила Павловича и у Елены Павловны. На разводѣ увидѣлся со множествомъ знакомыхъ. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій. Императрица до развода уѣхала на Елагинъ островъ. Какъ и всегда, есть неладица въ моихъ первыхъ пріемахъ при дворѣ. Новый фл.-адъют. баронъ Клейнъ, состоящій при кн. Воронцовѣ, пріѣзжалъ послѣ развода. Къ Данилевскому: больной, разстроенный; разговоръ несвязный, обличающій отдаленіе отъ общества, незнаніе происшествій, мгновенно занимающихъ его вниманіе.

Въ Москвѣ я ѣздилъ съ сыномъ въ Кремль, чтобы онъ, какъ Русскому подобаетъ, взглянулъ на знаменитую огромную пушку, на разбитый чудовищный колоколъ, на панораму Москвы съ колокольни Ивана Великаго. Прекрасна и оригинальна Москва! Каменная мозаичная игрушка Василія Блаженнаго, осуществленіе какого-нибудь волшебнаго сна или мечты архитектора. Великолѣпный куполъ новаго дворца горѣлъ всѣми лучами солнца. Еще разъ прекрасна Москва и выразительна, какъ типъ Россіи, прошедшаго и настоящаго времени. Кремлевскій садъ, счастливая мысль императора Александра. Петровскій паркъ и три ряда шоссе, туда ведущіе, достойны Москвы, этой жертвы искупленія Россіи въ годины испытаній, Богомъ на нее насылаемыхъ.

Какъ въ немногіе годы преобразилась дорога, обѣ столицы соединяющая! Почти непрерывный рядъ ямскихъ селъ и деревень, такъ недавно еще тѣсныхъ, черныхъ, грязныхъ съ перебитыми стеклами, тряпьемъ заткнутыми или бумагой заклеен-

ными, теперь раздвинулся, домъ отъ дома отдѣлился красивымъ плетнемъ, деревья нѣкогда рѣдкія насажены передъ домами и за плетнемъ. Дома возвысились и красивой и тщательной отдѣлкой представляютъ свой особенный стиль архитектуры. Окна большія, и стекло хорошее и чистое. Рѣзная работа подъ крышей, какъ деревянное кружево, оригинальна. Вездѣ сельскія расправы и училища, образцы постройки для прочихъ. Есть села гораздо лучше многихъ уѣздныхъ городовъ, напримѣръ Бронницы. Помѣщичьи селенія, которыхъ по этой дорогѣ впрочемъ очень мало, много уступаютъ казеннымъ въ постройкѣ и опрятности, кромѣ селъ князя Юсупова богатыхъ и красивыхъ.

Вотъ я опять одинъ въ гостинницѣ Петербурга, безъ положительнаго дѣла, съ заботой о средствахъ содержанія здѣсь и тамъ, своего и семейства, спрашивая себя по временамъ, къ чему это поведетъ, когда лѣта и обстоятельства дѣлаютъ не только позволительнымъ, но быть можетъ благоразумнымъ рѣшительное успокоеніе послѣ всего пережитаго и перенесеннаго, въ семействѣ большомъ, нѣжно любимомъ и для котораго присутствіе мое небезполезно, въ убѣжищѣ удачно приготовленномъ, гдѣ пустѣютъ теперь кабинетъ и каминъ, свидѣтели стольких пріятныхъ занятій, чистыхъ помышленій и отрадъ, семейному счастливому быту только знакомыхъ. Сколько можно самого себя познавать, не честолюбіе привело меня сюда и долѣе удерживаетъ. Кому поручилъ бы я доставленіе сюда сына? Но сколько этотъ дорогой мнѣ юноша ни близокъ къ моему сердцу, тамъ осталось еще семеро дѣтей и жена не менѣе мнѣ любезныхъ. Когда бы важная какая-либо обязанность или даже надежное ожиданіе подобной, это было бы дѣло иное; но ничего нѣтъ такого. Одна неодолимая сила обстоятельствъ.

По утру въ 11-ть часовъ былъ съѣздъ во дворцѣ для поздравленія молодыхъ. Новая Великая Княгиня, когда я подошелъ къ ней, обратила ко мнѣ нѣсколько обязательныхъ словъ на счетъ моего возвращенія. В. К. Константинъ Николаевичъ также. Передъ разводомъ въ часъ, Государь, проходя мимо, спросилъ, откуда я пріѣхалъ и на мой отвѣтъ замѣтилъ жестомъ, что у насъ не хорошо на счетъ урожая. Наслѣдникъ подошелъ во время развода и также распрашивалъ. Графъ Мюнстеръ, адъютантъ короля Ганноверскаго, видный, ловкій му-

щина и кажется умный, былъ мнѣ представленъ г-омъ Бенкендорфомъ. Встрѣтилъ много знакомыхъ. У Мейендорфа въ его имѣніи Прилѣпы, Орловской губерніи, изъ тысячи душъ умерло отъ холеры 240 и въ числѣ ихъ 72 хозяина. Рѣка Свапа пересохла, и суконная фабрика отъ того остановилась. Подобныя подробности о дѣйствіи холеры и засухи въ южныхъ губерніяхъ отвсюду.

2-го Сентября. Четвергъ. Вчерашній вечеръ провелъ дома съ А. П. Мельниковымъ до полуночи. Холерныя сцены въ Петербургѣ. Повѣрка моихъ отвѣтовъ Государю и Наслѣднику о бѣдствіяхъ постигшихъ и угрожающихъ полуденной Россіи. Здѣсь только начинаю получать истинныя о нихъ понятія, какъ въ средоточіи доставляемыхъ свѣдѣній, почти всегда смягчаемыхъ въ донесеніяхъ, а здѣсь нерѣдко преувеличиваемыхъ.

Превосходная статья въ Revus des deux mondes: Sur la politique étrangère de la France, не подписанная, но безъ сомнѣнія принадлежащая одной изъ лучшихъ головъ въ Европѣ. Энергическій слогъ ея.

4-го Сентября. Вчера въ 10-ть часовъ утра по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Въ первомъ часу представлялся Императрицѣ. Пріемъ привѣтливый и благосклонный. Превосходная картина приморскаго вида Италіи во дворцѣ. Во время разговора съ Императрицей дверь отворилась, и показался Государь съ лицомъ строгимъ, взглянулъ на всѣхъ быстро и возвратился во внутренніе покои, будто увидѣлъ кого-нибудь лишняго. Не меня-ли? По позднему окончанію пріема, я не рѣшился ѣхать въ Павловскъ къ В. К. и Еленѣ Павловнѣ, а предпочелъ прогуляться по саду. Теперь онъ нѣсколько оживленъ семействами, переѣхавшими на лѣто въ Царское. А садъ истинно-царскій; нужны дни, а не часы для осмотра и изученія разныхъ частей его.

9-го Сентября. Съ часъ посидѣлъ г. м. Вревскій, въ занимательномъ разговорѣ, изъ котораго я усмотрѣлъ, что мой взглядъ на главную причину ошибокъ въ Молдавіи и Валахіи обратилъ вниманіе. Въ этомъ именно дѣлаю себѣ упрекъ, ибо неизбѣжно было коснуться одного лица, которому это можетъ повредить, между тѣмъ какъ я охотно желаю ему добра. Встрѣча и прогулка съ Н. И. Гречемъ, пріятная. Онъ мнѣ прислалъ три тома сочиненій Шмидта о войнѣ 31-го года.

Встрѣча съ Мандерштерномъ въ пассажѣ въ первый разъ послѣ Остроленскаго сраженія, гдѣ онъ тяжело раненъ въ нижнюю челюсть, неосторожно подвергнувъ опасности свою первую дивизію.

6-го Сентября. Четверть двѣнадцатаго на Елагинъ островъ, на парадъ кавалергардовъ. Немного опоздалъ: Государь уже ѣхалъ по фронту. Красивъ былъ видъ стройной линіи этихъ отборныхъ людей, въ ихъ бѣлыхъ мундирахъ, блестящихъ ботфортахъ, лучистыхъ каскахъ, на зеленомъ лугу передъ дворцомъ. Обѣдню и молебенъ служили на площадкѣ главной лѣстницы подъ палаткой. Послѣ парада пошли во дворецъ, гдѣ кавалергардскіе офицеры были приглашены въ покои Императрицы на baise-main. Потомъ общій завтракъ на многихъ столахъ. Г-лъ Г....., мой бывшій товарищъ по драгунской службѣ, въ избыткѣ насладился дарами Вакха и послѣ завтрака сталъ громко проповѣдывать о преимуществѣ нашего поколѣнія надъ новымъ, будто бы бездушнымъ. Конечно не онъ сумѣетъ, тамъ гдѣ одушевленіе и самоотверженіе у мѣста, возбудить ихъ. Но они готовы; умѣйте ихъ вызвать. Долго дожидался своей коляски и лакея. Первую отыскали, и я, оставивъ послѣдняго, поѣхалъ домой безъ шинели. Марія Николаевна обогнала и привѣтливо, прежде чѣмъ я узналъ ее, поклонилась мнѣ. В. к. Михаилъ Павловичъ во дворцѣ сквозь толпу прошелъ ко мнѣ пожать руку. Не знаю, кстати-ли просилъ я позволенія пріѣхать въ Павловскъ представиться къ нему и Великой Княгинѣ.

8-го Сентября. Вчера во дворцѣ в. к. Михаила Павловича отвели мнѣ комнаты; въ ожиданіи обѣда прогулка по прекрасному саду; входилъ въ Константиновскій дворецъ. Противъ вокзала встрѣтилъ кавалькаду В. К. Александру Іосифовну съ молодыми князьями, Мейендорфомъ и Филозофовымъ. Въ половинѣ пятаго на обѣдъ; изъ мущинъ кромѣ меня Строгоновъ ген.-адъют., изъ дамъ его дочь, Бутурлина и Витовтова. Разговоръ о Броневскомъ. Причина основанія Лицея. Постепенное приведеніе его въ настоящее положеніе. Винтуловъ. Послѣ обѣда разговоръ особо съ Великою Княгиней, потомъ съ Михаилъ Павловичемъ.

Принялъ Черноморца Посполитаки, пріѣхавшаго на торги на вино и рыболовли; въ мое время хорошій офицеръ, теперь

въ отставкѣ. Добрая обо мнѣ память Черноморіи, дѣйствительно поднятой мною изъ униженія послѣ пренебрежительнаго въ ней командованія моего предмѣстника. Въ часъ на желѣзную дорогу въ Павловскъ. Прусскій совѣтникъ посольства Оттерштетъ, сосѣдъ мой въ каретѣ, сократилъ любопытными подробностями о своемъ краѣ: тревожное ожиданіе новыхъ смутъ въ Берлинѣ. Въ Павловскѣ остановился во дворцѣ, во вчерашнихъ покояхъ. Время до обѣда провелъ въ прогулкѣ по прекрасному саду. Противъ вокзала, въ которомъ играла музыка, множество гуляющихъ въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, наиболѣе дворъ и высшее общество. Императрица, Елена Павловна, Екатерина Михайловна, Александра Іосифовна, Наслѣдникъ съ Супругой, молодые Вел. Князья со сворой чрезвычайно красивыхъ борзыхъ собакъ были въ числѣ гуляющихъ; доходило до тѣсноты. Аллея узка и грязна. Легко было-бы ее уширить и отдѣлать, но Михаилъ Павловичъ не хочетъ позволить срубить ни одного дерева въ саду, полномъ воспоминаній незабвенной императрицы-матери. Въ половинѣ пятаго поѣхалъ въ Константиновскій дворецъ; скоро послѣ меня пріѣхалъ и Киселевъ—насъ было двое приглашенныхъ. Елена Павловна съ дочерью не замедлили также. Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ пять. Обѣдъ былъ пріятный и оживленный веселымъ, непринужденнымъ разговоромъ. Я сидѣлъ по лѣвую сторону Елены Павловны, между нею и дѣвицею Кнобельсдорфъ, умною и граціозною Прусачкой. Послѣ обѣда передъ каминомъ съ полчаса въ общемъ разговорѣ очень пріятно. Какъ обворожителенъ тонъ Елены Павловны! Какъ часто и невольно срываются признаки добродушія Михаила Павловича! Приказалъ мнѣ пріѣхать на дняхъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать верхомъ, показать мнѣ свое владѣніе. Въ половинѣ седьмаго онъ отпустилъ насъ. На машину было уже поздно; я пошелъ пѣшкомъ съ Киселевымъ по направленію ко дворцу. Между прочимъ нѣкоторыя подробности о смутахъ. Въ Валахіи Бибеско, обвиняемый въ малодушіи въ критическую минуту, писалъ къ нему: Pour sauver ma vie, j'ai signé; pour sauver mon honneur, j'ai abdiqué. Невыгодные слухи (изъ устъ Е. П.) о поведеніи Коцебу, нашего консула въ княжествахъ. Войска наши подъ начальствомъ Лидерса опять вступили туда. Братья Голеско—первые зачинщики возстанія.

Черта покойнаго Папакристо, адмирала, умершаго въ прошедшую зиму во дворцѣ, сходя съ лѣстницы послѣ бала. Подъ его начальствомъ въ 1828 году былъ пароходъ, на которомъ Императоръ претерпѣлъ жестокую бурю въ виду Редутъ-Кале. Государь приказалъ ему пристать; это было бы пагубно. Папахристо рѣшительно и почтительно отказался. Потомъ, имѣя нужду сообразить ходъ судна и чтобы уйти отъ распросовъ и совѣтовъ нѣкоторыхъ главныхъ лицъ, сопровождавшихъ Государя, оцѣнивая всю важность минутъ и опасности, онъ вошелъ въ свою каюту и часовому приказалъ никого не впускать, ниже Государя: въ противномъ случаѣ будетъ растрѣлянъ. Государь, узнавъ о его смерти, остановился надъ мертвымъ, лежавшимъ на ступеняхъ лѣстницы и съ умиленіемъ сказалъ что хладнокровію и искусству покойнаго онъ обязанъ спасеніемъ. Государь ѣздилъ на выносъ его тѣла.

10-го Сентября. Вчера въ четыре часа утра скончался Михаловскій-Данилевскій. Надъ жизнію этого человѣка можно остановиться, какъ на урокѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Теперь, въ присутствіи только что охладѣвшаго его трупа, воздержусь отъ всякаго сужденія, но можетъ быть возвращусь къ нему. Письмо къ А. П. Ермолову, по порученію в. к. Михаила Павловича. Навѣстилъ кн. Илью Андр. Долгорукова, на дачѣ противъ Каменнаго острова. У него отнялись ноги.

11-го Въ полдень на смотръ гвардейскаго ремонта. Государь съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали четверть перваго. Я видѣлъ только первыхъ лошадей. Мнѣ вдругъ стало дурно, и я уѣхалъ. Илларіонъ Мих. Бибиковъ посидѣлъ съ полчаса. Лишнее слово на счетъ будущихъ назначеній Н. Н. Муравьева. Въ сюртукѣ и въ фуражкѣ прогулка въ колескѣ по островамъ; на Елагинъ пѣшкомъ. Догналъ г-ню Нессельроде съ мужемъ, молодымъ Несс. и прошелъ съ ними нѣкоторое разстояніе. Какъ эта молодая женщина скоро износилась! И все зубы измѣняютъ первые. Въ Павловскѣ увидѣлъ вблизи старшую дѣвицу Штрандманъ, прошлую зиму еще блиставшую красотой и свѣжестью на балахъ и при дворѣ; я удивился перемѣнѣ съ нею въ такое короткое время. Прежніе перлы кругомъ иззубрены и подточены. Прекрасное еще лице подтянуто, и какъ будто означились мѣста будущихъ морщинъ. Прекрасна другая изъ ея

сестеръ и займетъ ея мѣсто въ букетѣ красавицъ двора и общества. Скоро истираетъ и обрываетъ Петербургъ молодость и красоту въ утомительномъ своемъ вихрѣ.

17-го. Кончилъ третій томъ Смитта, описаніе Польской войны. Я не посылалъ, какъ другіе, о себѣ записокъ. Онъ меня стеръ съ поля дѣйствій. Такъ пишутся исторіи. Но вообще хорошо, лучше изъ всего, что̀ объ этой войнѣ написано.

20-го Сентября. Третьяго дня былъ въ Павловскѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ меня на свои тѣсныя дрожки съ собой и повезъ на смотръ верховой ѣзды офицеровъ образцоваго полка, назначаемыхъ въ гвардію. Многихъ исключилъ. Потомъ сѣлъ верхомъ и вдвоемъ со мною сдѣлалъ огромную прогулку, почти все большою рысью и въ галопъ, вокругъ и по разнымъ мѣстамъ своего прекраснаго Павловска; только къ обѣду, и то опоздавъ, возвратились. Мущинъ кромѣ меня никого на обѣдѣ не было. Елена Павловна обѣдала въ половину лежа. Старуха г-ня Апраксина, m-elle Кнобельсдорфъ. Поутру ѣздилъ на дачу къ Киселеву и пріятно посидѣлъ, заставъ его одного. Отзывъ Государя о Муравьевѣ. Желаніе кн. Воронцова проситься на два года отъ своего мѣста. Неудачно исполненное порученіе в. к. къ А. П. Ермолову. Непонятое выраженіе моего письма.

Вчера по приказанію е. в. опять съ 11-ти часовъ въ Павловскѣ. Въ пѣшей прогулкѣ заблудился. Разводъ драгунъ. Ѣзда ординарцевъ и неудачное прыганье черезъ барьеръ. Обѣдъ безъ Елены Павловны. Олсуфьевъ и Тенгоборскій. Г-ня Апраксина-старуха и моя сосѣдка за обѣдомъ красавица Хрущева, урожденная Жеребцова.

22-го вечеромъ въ собраніе Географическаго Общества; читали поверхностное описаніе, взглядъ на характеръ Киргизскихъ степей отъ Орской крѣпости до впаденія (Яксарта) Сыръ-Дарьи въ Аральское море. Инструментъ для нивеллированія и опредѣленія высотъ, въ Вѣнѣ усовершенствованный, объясненный полк. Болотовымъ съ большимъ трудомъ, по причинѣ удушья, которымъ онъ страдаетъ.

Кн. Меншиковъ на вопросъ о Левашевѣ отвѣчалъ, что при смерти. По окончаніи театра мнѣ объявили, что умеръ. По словамъ князя, *теперь* это потеря. Не знаю, что̀ онъ разумѣлъ подъ этимъ *теперь*.

Лабинцевъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ моихъ сотрудниковъ на Кавказѣ. Любопытныя подробности нынѣшняго состоянія Кавказа. Принужденъ отказаться или по крайней мѣрѣ усумниться въ моемъ постоянно-выгодномъ мнѣніи о свойствахъ и правилахъ г-ла Лидерса. Коцебу. Кн. Аргутинскій. Молодой кн. Воронцовъ. Урокъ, данный ему Кавказцами. Мнѣніе о Нестеровѣ. Ничтожество и униженіе Заводовскаго.

L'empereur François II, répondant à un ambassadeur de France, qui lui vantait les avantages que son gouvernement retirait de l'unité de sa population, disait: Mes peuples sont étrangers l'un à l'autre, c'est pour le mieux; ils ne prennent pas les mêmes maladies en même temps; je me sers des uns pour contenir les autres; je mets des Hongrois en Italie, des Bohèmes ou des Italiens en Hongrie; chacun garde son voisin. Au contraire, vous, quand la fièvre vient, l'accès vous prend tous et le même jour.

Joseph II aimait l'uniformité jusqu'à la passion. La régularité administrative est la manie de tous ceux qui étudient sur le papier et veulent avoir un gouvernement bien aligné en tableau. Il y a de certaines idées d'uniformité, dit Montesquieu, qui saisissent quelquefois les grands esprits, mais qui frappent indubitablement les petits. Les mêmes poids dans la police, les mêmes mesures dans le commerce, les mêmes lois dans l'état, la même religion dans toutes les parties; mais le mal de changer est-il toujours moins grand que celui de souffrir? Lorsque les citoyens suivent les lois, qu'importe qu'ils suivent les mêmes?

Les réformateurs couronnés sont les plus dangereux: la tête leur tourne plus vite, parce que la contradiction ne les arrête pas au début. Il ne s'amusent pas longtemps aux théories et tendent de toute la violence de leur pouvoir à la pratique de leurs doctrines.

Croire que la fin sanctifie les moyens et qu'on peut employer le mal pour en faire sortir le bien est une doctrine perverse, que la conscience publique a toujours flétrie.

Sans doute Joseph avait raison sur quelques points dans les réformes qu'il entreprenait; ce qui le prouve c'est que plusieurs ont été reprises cinquante ans plus tard et ont passé dans la nouvelle législation. Ses admirateurs, car il en a, et de passionnés, triomphent de cet aveu. «Joseph avait donc raison, disent ils, il était dans le vrai, et son génie a dévancé son siècle.» Un tel éloge pourrait convenir à

un philosophe; il ne vaut pas pour un souverain, qui doit être l'homme du présent et de la pratique.

26-го Сентября. Поутру посѣтилъ меня Фонъ-Визинъ, сынъ друга моей молодости М. А. Фонъ-Визина, оканчивающаго свою жизнь въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ. — Faites-moi de la bonne politique, je vous ferai de bonnes finances.

27-го Сентября. Обѣдъ у кн. В. В. Долгорукова. Сынъ его, князь Сергій, бывшій въ Парижѣ во дни Февральской революціи, привезъ обрывокъ трона королей Франціи, изъ Константинополя щегольскія трубки, черный янтарный мундштукъ, отличный табакъ и искусство набивать его въ трубку.

Съ часъ тому возвратился съ похоронъ Левашева. При выносѣ присутствовали Государь, Наслѣдникъ, в. к. Михаилъ Павловичъ, принцъ Александръ Дармштадскій. Провожали отъ дома Левашевыхъ на Фонтанкѣ до Невскаго проспекта. Слухъ о моемъ назначеніи въ 4-ый корпусъ при началѣ смутъ на Западѣ. Неспособность г-ла Чадаева для употребленія отдѣльно. Въ кортежѣ весь лейбъ-гусарскій полкъ; превосходный полкъ.

1-го Октября. 28-го по желѣзной дорогѣ въ Царское на маневры. Сосѣдомъ на квартирѣ во дворцѣ нашелъ г. а. Арбузова. Здравый практическій его умъ съ частымъ прибавленіемъ: я человѣкъ простой, мужикъ, неучъ. Болотистая мѣстность; холодная сырая погода во всѣ три дня, въ послѣдній вчера со снѣгомъ. На второй день маневра я былъ дежурнымъ при Государѣ. Огромная скачка, къ счастью, на сильной лошади. Въ послѣдній день приглашены были Французы и Испанцы. Генералъ Лефло съ адъютантами Гедувилемъ и Бойе. Испанецъ Сарко-де-Валле съ тремя адъютантами. Надобно признаться, что угостили ихъ! Я заговорилъ было съ Гедувилемъ. Онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, губы дрожали, и зубъ на зубъ не попадалъ. Главный въ мирныхъ маневрахъ (въ цѣломъ умныхъ и основательныхъ) недостатокъ тотъ, что воюющія стороны не соблюдаютъ между собою разстояній, въ настоящей войнѣ ядромъ и пулей указываемыхъ. Отъ того путаница и суматоха.

Вчера съ удовольствіемъ возвратился въ свою теплую комнату и выспался за всѣ прошедшія безсонныя ночи.

2-е Октября. Вчера поутру г. л. Лабинцевъ. Переписка его съ к. Воронцовымъ. Махіавельское письмо послѣдняго, такъ же

какъ и поступки его. Сцены въ Шавдонѣ. Вторженіе Шамиля въ Кабарду. Фрейтагъ, Нестеровъ и Меллеръ-Закомельскій. Маіоръ Гавриленко помѣшалъ разговору, потомъ младшій графъ Адлербергъ (занятъ переводомъ донесеній г. Радецкаго), наконецъ Борисъ Перовскій.

Во Франціи умѣютъ умирать во всѣхъ партіяхъ и за всѣ мнѣнія, даже за умѣренныя. Это спасетъ ее и устроитъ. Уровень общаго практическаго ума и здраваго смысла выше чѣмъ въ несчастной Германіи. Этой, кажется, назначено пройти черезъ всѣ опыты и туманныя теоріи профессоровъ, адвокатовъ, медиковъ съ фалангой недоученыхъ или переученыхъ студентовъ. А толпа между тѣмъ, сбросивъ съ себя всякую узду, празднуетъ по своему свои кровавыя сатурналіи. Богу извѣстно, какія новыя формы управленія народами должны возникнуть изъ этого хаоса. Время грозное, но для истинныхъ государственныхъ мужей поучительное. На какихъ надежныхъ основаніяхъ, казалось, утверждены были правительства, такъ легко, шуточно въ нѣсколько часовъ ниспроверженныя? А въ головѣ главныхъ изъ нихъ стояли мужи, служившіе образцами для прочихъ въ наукѣ правленія. Въ этомъ переворотѣ Запада есть важные уроки для всѣхъ и каждаго, одаренныхъ умомъ и совѣстью, на всѣхъ степеняхъ гражданскаго устройства Провидѣніемъ размѣщенныхъ: не засыпать въ надеждѣ на прочность существующаго порядка, но всегда бодрствовать вѣрой, умомъ и духомъ съ полною готовностью способствовать всѣми силами правительственной власти противъ буйной и непросвѣщенной силы, въ роковыя минуты ищущей сбросить съ себя благодѣтельную узду общественнаго устройства; никогда не забывать, что, не смотря на мнимыя или даже истинныя несовершенства существующаго управленія, если оно ограждаетъ личную безопасность, собственность, свободный трудъ и дѣятельность всякаго рода, извнѣ утверждаетъ могущество, выгоды и честь народа, средствами воспитанія для всѣхъ сословій, болѣе и болѣе укрѣпляя умъ народный, постепенно уменьшаетъ опасное число безсловесныхъ и дикихъ, то главнѣйшія блага, для которыхъ люди соединились въ общества, достижены, и всякій умыслъ насильственнаго потрясенія для достиженія чего либо мнимо-лучшаго есть преступленіе. Въ дѣлѣ улучшенія благосостоянія народовъ необхо-

дима историческая постепенность, спасительное время, а праздныя правительства уже невозможны. Они первыя должны пользоваться и пользуются уроками грознаго опыта. Не смерть, и безъ того неизбѣжная, страшна въ подобныхъ переворотахъ, но это унизительное для человѣчества торжество безсмыслія и дикости надъ умомъ и устройствомъ, грубости и пошлости надъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ. Есть за что умереть, если нужно.

6-го Октября. Вчерашнее утро почти все прошло въ пріемѣ визитовъ. Первый былъ капитанъ генеральнаго штаба Залѣсскій, на дняхъ женившійся на дочери покойнаго князя Любецкаго. Въ четыре на обѣдъ къ Булгарину. Засталъ у него графа Ржевуцкаго, Вальтера-Скотта Польскаго, какъ представилъ мнѣ его хозяинъ. Живой и пріятный разговоръ, рѣдкій у насъ, до восьми вечера продолженный.

Какъ люди играютъ и довольствуются словами! Теперь въ модѣ послѣ Кавеньяка (заимствовавшаго эту фразу отъ идеологовъ) говорить, что штыки безсильны противъ идей. Это вздоръ. Штыкъ есть тоже осуществленная идея. Развѣ какая бы то ни была борьба предпринимается безъ идеи? Та идея, которая въ свою защиту и распространеніе имѣетъ лучшую армію, возметъ верхъ надъ другими. Идея, перешедшая въ чувство патріотизма или религіи, труднѣе къ одолѣнію, но не можетъ назваться неодолимою. Примѣры Исторіи, даже современной на лицо; только побѣда и сохраненіе преимуществъ ея становятся труднѣе и продолжительнѣе. Политическая идея безъ матеріальной силы въ свою защиту останется въ стѣнахъ кабинета, въ книгѣ или въ болтовнѣ гостинныхъ. Это вѣчный законъ связи духовнаго міра съ матеріальнымъ. Поговорку о непобѣдимости идеи пустили въ ходъ кабинетные ученые и энтузіасты. Слабоумные и слабодушные, въ оправданіе неисполненнаго долга, приводятъ ее; другіе безъ всякой мысли повторяютъ готовую фразу какъ общепринятую. Идеи, непримѣнимыя къ страстямъ человѣческимъ, расширяющія предѣлы наукъ и искусствъ, принадлежатъ иной категоріи и побѣждаютъ одною силою доводовъ и опытовъ. А штыки штыками, политика политикой; а рубитися треба, когда долгъ велитъ. Развѣ идея Итальянской независимости не побѣждена, если Франція и Англія не вмѣшаются въ борьбу Австріи съ Италіей. Если бы Прусская армія не была остав-

лена своимъ королемъ, развѣ она не возстановила бы торжество другихъ, не говорю прежнихъ, идей управленія? Развѣ борьба идеи соціализма разныхъ оттѣнковъ, идеи монархической и республиканской во Франціи не ищетъ и не ожидаетъ своего окончательнаго рѣшенія въ барикадахъ, т. е. въ штыкѣ и пулѣ, въ силѣ матеріальной? Идея готовитъ дѣйствіе и торжествуетъ успѣхомъ дѣйствія.

8-го Октября. Бларамбергъ поразилъ меня вѣстью о кончинѣ князя Ильи Андреевича Долгорукаго. Умнымъ, прекраснымъ и полезнымъ человѣкомъ менѣе, однимъ изъ немногихъ мною особенно любимыхъ! Не довольно, благодаря Петербургской жизни, я могъ и умѣлъ пользоваться обворожительной его бесѣдой. Миръ праху твоему, товарищъ близкій нѣсколькихъ важныхъ дней нашей молодости и пріятель остальныхъ лѣтъ. До свиданія, вѣроятно недалекаго.

Кончилъ сочиненіе Боденштедта о Кавказѣ. Смѣсь правды съ ошибками и промахами на счетъ дѣлъ и лицъ. Мнѣ вообще нельзя однако сѣтовать за мнѣніе обо мнѣ. Поставленный, одинъ изъ всѣхъ въ послѣдней четверти столѣтія дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, на ряду съ Ермоловымъ, могу быть довольнымъ, если мнѣніе Россіи (хотя послѣ меня) подтвердитъ это.—Еще покойникъ и отдаленный, хотя незнакомый родственникъ, на похороны котораго сію минуту подали мнѣ приглашеніе: Антонъ Васильевичъ Фонъ-Моллеръ, членъ Государственнаго Совѣта и адмиралъ.

9-го Октября. Много ходилъ пѣшкомъ съ Булгаринымъ. Потомъ онъ зашелъ ко мнѣ. Живой и занимательный разговоръ. Послѣднія минуты порочнаго знакомца. Дантевская сцена двухъ дочерей и умирающаго отца. Въ Петербургѣ все почти проходитъ нисколько или мало замѣченнымъ; только впередъ къ мѣстамъ, званіямъ, почестямъ, къ одолѣнію совмѣстниковъ; а похороны слѣдуютъ одни за другими, какъ зрѣлище безъ поученія.

11-го Октября. Сейчасъ возвратился съ похоронъ князя Долгорукаго изъ Сергіевскаго собора. Государь, в. к. Михаилъ Павловичъ, Наслѣдникъ, Константинъ Николаевичъ присутствовали при отпѣваніи, выносѣ и верхомъ проводили на нѣкоторое разстояніе. Присутствовавшихъ и зрителей были тысячи. Много было истинно-опечаленныхъ этой потерей.

Въ Субботу былъ у меня Лабинцовъ, больной Кавказомъ и затерянный въ Петербургѣ. Огорченный уѣзжаетъ къ новому назначенію въ Варшаву.

Ожиданіе извѣстій изъ Бухареста. Какъ наши войска встрѣтятся съ Турецкими? Лидерсъ и Дюгамель не возбуждаютъ довѣрія въ сомнительныхъ обстоятельствахъ.

12-го Октября. Лабинцовъ назначенъ начальникомъ 2-ой пѣхотной дивизіи. По просьбѣ его написалъ, кажется довольно удачно, благодарственное письмо военному министру.

Г.-м. Безобразовъ, мой бывшій Кавказецъ, назначенъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Антиподы по роду службы.

13-го Октября. Смерть матери графа Воронцова-Дашкова, отъ холеры въ отсутствіи сына. Навѣстилъ меня г.-м. Павелъ Петровичъ Мельниковъ. Еще труженикъ, занятый важнымъ для отечества дѣломъ, всѣмъ своимъ умомъ, знаніемъ, совѣстью, цѣною здоровья, уже сильно на этомъ трудѣ разстроеннаго, между тѣмъ какъ неспособность, незнаніе и неудовлетворенная жадность изобрѣтаютъ противъ него всевозможныя препятствія.

16-го Октября. В. к. Михаилъ Павловичъ взялъ меня съ собою для осмотра Пажескаго корпуса, которымъ въ первый разъ былъ совершенно доволенъ. Сегодня получилъ высочайшее соизволеніе на оставленіе сына Михаила дома до будущаго года. Донесеніе г-ла Лидерса о занятіи Бухареста вмѣстѣ съ Турками. Поимка Поляковъ, возмутителей края, Скарятинымъ.

17-го Октября. Выѣзжалъ къ Кочубеямъ, засталъ Демьяна и Аркадія Васильевича. О инвентаряхъ Юго-Западныхъ губерній, составленныхъ и введенныхъ безъ обсужденія Государственнаго Совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ. Новый пожаръ въ Орлѣ. О нашей полиціи, въ особенности въ Петербургѣ. Обѣдъ у в. к. Елены Павловны и Михаила Павловича, въ нижнихъ покояхъ. Кромѣ меня были молодая Синявина и Тенгоборскій съ дочерью. Сидѣлъ между Еленой Павловной и Екатериной Михайловной. За обѣдомъ кое-какъ, а послѣ обѣда передъ каминомъ разговоръ не ладился. Я былъ особенно неловокъ. Сегодня въ Кронштадтѣ и Петергофѣ Царская Фамилія ожидаетъ прибытія Ольги Николаевны. Не трудно вообразить взаимное счастіе соединенія послѣ огорченій и смутъ, перенесенныхъ въ бѣснующейся Германіи нашей красавицей-царевной.

18-го Октября. Пихельштейнъ съ 11-ти часовъ утра до четвертаго. Онъ провелъ лучшую часть жизни, такъ сказать, о бокъ со мною. Это подало поводъ къ живому разговору, въ присутствіи сына, о прошедшемъ и, какъ это обыкновенно случается, въ хвалительномъ тонѣ, всегда оставляющемъ по себѣ что-то приторное и ведущее къ повтореніямъ, смѣшную сторону имѣющимъ. Это напомнило мнѣ остроумное чье-то замѣчаніе на счетъ Карла II-го, Англійскаго короля, съ удовольствіемъ разсказывавшаго о своихъ похожденіяхъ, какъ претендента. Надобно было удивляться его памяти, съ какимъ краснорѣчіемъ и всегда въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, онъ въ сотый разъ дѣлалъ тотъ же разсказъ, забывая однако въ тоже время, что онъ дѣлаетъ его въ сотый-же разъ одному и тому-же лицу. Но утро по крайней мѣрѣ прошло почти пріятно, хотя съ приторнымъ и горьковатымъ осадкомъ всякаго о себѣ разговора.

Какая темнота! Ни читать, ни писать; а теперь второй часъ по полудни. Эти траурные дни природы слѣдовало-бы проводить въ тѣсномъ кругу семейства, подъ домашней крышей, направлять незамѣтно занятія и игры дѣтей разныхъ возрастовъ, дарованныхъ мнѣ Богомъ; а я сижу одинъ въ гостинницѣ и, вмѣсто серебристыхъ голосовъ и пріятнаго шуму дѣтскаго, слышу только оглушающій стукъ экипажей по мостовой, никогда почти не умолкающій, отъ котораго нерѣдко дрожатъ стѣны и диванъ, на которомъ сижу. Хоть-бы служебныя занятія, которыхъ добросовѣстное исполненіе отвлекаетъ отъ всего внѣшняго, удовлетворяя неуспокоенной еще потребности общественной дѣятельности. Ни того, ни другаго! Одинъ и все одинъ.

Въ третьемъ обнялъ сына въ Пажескомъ корпусѣ, и вся хандра, изъ которой вылились прежнія строки, прошла, какъ рукой снята. Г-лъ Зиновьевъ извинился, что отнимаетъ у меня своими приглашеніями на нѣсколько часовъ сына. Въ этомъ человѣкѣ то прекрасно, что онъ вовсе не смотритъ на положеніе въ свѣтѣ родителей своихъ воспитанниковъ, и что по степени его расположенія и привѣтливости къ послѣднимъ родители могутъ смѣло судить о поведеніи своихъ дѣтей.

Венгерцы, шедшіе въ Вѣну присоединиться къ демагогамъ и на Іелашича, внезапно отступили. Догадываюсь, что главная причина этого неожиданнаго происшествія есть вмѣшательство

нашего правительства, для котораго время дѣйствовать, какъ я думаю, теперь именно наступило и на что въ этомъ случаѣ политическія дружественныя сношенія съ Австрійскимъ правительствомъ и смыслъ трактатовъ 1815 года даютъ неотъемлемое право, а положеніе дѣлъ на Западѣ Европы придаетъ еще своевременность.

Осадное положеніе Парижа снято. Дѣла въ Вѣнѣ и вокругъ ея приближаются къ окончанію. Очередь придетъ, кажется, Берлину.

20-го Октября. Теперь тихое, теплое, сѣрое утро. Не ошибся о причинѣ вчерашней отдаленной пушечной пальбы. Это были салюты ожидаемому пароходу. Ольга Николаевна въ десять часовъ утра прибыла въ Петергофъ. — Какъ прекрасна и основательна въ Народномъ Собраніи рѣчь Тьера по поводу вопроса о правѣ найма за себя въ службу рекрута. Въ ней есть мѣста, полезныя для государственныхъ людей всѣхъ народовъ.

22-го Октября. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Шамилемъ; привезшій это извѣстіе офицеръ Исаковъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Подробности еще не публикованы. Пятидесятилѣтній юбилей кн. Воронцова, счастливо отпразднованный побѣдой надъ Шамилемъ. Можно ожидать необыкновенной ему награды. Смерть Персидскаго шаха и неизбѣжныя смуты о наслѣдіи престола. Новое поле дѣятельности для главнокомандующаго въ Грузіи. Тамъ столкнемся политически съ Англіей. Для этого князь Воронцовъ въ особенности на своемъ мѣстѣ.

23-го Октября. Успѣхъ одержанный на Кавказѣ есть взятіе Ахты, крѣпости построенной въ горахъ у вольнаго общества Рутуловъ генераломъ Головинымъ въ 1839-мъ году. Поэтому только узнали, что она у насъ была отнята или оставлена. Послѣ стало извѣстно, что горцы были съ честію отражены гарнизономъ, къ которому пришелъ отрядъ князя Аргутинскаго на освобожденіе отъ блокады.

Дѣло на Кавказѣ было не такъ. Горцы нападали на Ахту и были отражены. Впрочемъ подробности все еще не повѣщены. Видно изъ приказа, что капитанъ Новоселовъ, принявшій послѣ раненаго коменданта начальство, произведенъ черезъ чинъ въ подполковники.

Мятежники въ Бухарестѣ ходятъ свободно по терпимости

Турокъ. Общество на акціяхъ по золотымъ пріискамъ въ княжествахъ. Константинъ Гика при Лидерсѣ. Тимони-Австрійскій консулъ. Калгунъ Англійскій (Calhoun) покровительствуетъ революціонерамъ.

Дѣло о дуэли въ Ревелѣ Унгернъ-Штернберга и Бреверна. Первый убитъ, послѣдній раненъ. Смягченіе уголовныхъ законовъ о поединкѣ. Неполнота закона.

29-го Октября. Въ первомъ часу вошелъ г.-л. М-ки. Грустны бываютъ встрѣчи послѣ многихъ лѣтъ съ иными товарищами молодости, не оправдавшими ничѣмъ ея обѣщаній. Душа будто заплыла тѣломъ и жиромъ; тѣже тогдашнія дѣтскія понятія и впечатлѣнія о происшествіяхъ, требовавшихъ повѣрки опыта и размышленія. Ничего пріобрѣтеннаго. Въ чемъ прошла жизнь? Правда, что я не коснулся предмета, въ которомъ, быть можетъ, состоитъ его спеціальность. Но не помню, кто сказалъ: избѣгай человѣка, прочитавшаго одну книгу; тоже можно бы сказать объ односторонней спеціальности. Умная спеціальность много выигрываетъ многостороннимъ образованіемъ. Je ne connais point de fatigue plus rude que l'ennuyeux *babil* d'un mortel sans étude.

Замѣчаніе Н. Муравьева о Позенѣ и сотрудникахъ по новому учрежденію въ Грузіи: они получили награду за ошибочное и вредное постановленіе; потомъ другую за признаніе ошибки. Но главный виновникъ остается тогдашній начальникъ края: отъ рѣшительнаго отзыва его зависѣло все дѣло. Онъ-же посѣялъ духъ неудовольствія позже и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ всегда преданныхъ. У этого человѣка въ головѣ нѣтъ ясности, въ душѣ нѣтъ честности. Онъ всегда старался только угодить лицу, отъ котораго болѣе зависѣла прочность его мѣста, и оттого виды этого лица, быть можетъ, полезные, умѣренно и съ помощію времени въ исполненіе приведенные, онъ дѣлалъ вредными употребленіемъ крутыхъ мѣръ въ угожденіе ему.

30-го Октября. Знакомство съ бар. Розеномъ. Воспоминанія изъ времени командованія Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ. Розенъ былъ тогда поручикомъ въ Гродненскомъ. Потомъ разговоръ перешелъ къ Кавказу. Г-ня Соллогубъ съ мужемъ. Сабурова. Удобный кабинетъ князя Мурузи. Трубки по восточному.

Г-лъ адъют. баронъ Ливенъ отправленъ сегодня въ Ольмюцъ между прочимъ съ порученіемъ доставить князю Виндишгрецу Андреевскую ленту, Іелашичу Владимирскую.

31-го Октября. У Зыбина нашелъ Рибопьера и Устинова. На перваго всегда любуюсь: прекрасная аристократическая фигура, которой соотвѣтствуетъ и ловкій разговоръ. Какъ дипломатъ, въ разныхъ посольствахъ, онъ долженъ былъ своею личностью производить выгодное впечатлѣніе. Нелѣпыя сужденія непризванныхъ о дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Какъ смѣло они маневрируютъ отсюда! Они принудили меня защищать князя Аргутинскаго-Долгорукова, которому не довѣряю.

Bossuet définissait la politique: l'art d'enlever à la fortune tout ce qu'on peut lui ôter par conseil et par prévoyance.—Il y a des hommes qu'il faut user au pouvoir à fin de les amoindrir et de les tuer, même dans l'opposition. Comme ils prétendent mieux faire, conduire le pays à l'honneur, à la gloire, il faut les mettre à l'épreuve, démasquer aux yeux de tous leur impuissance, démontrer enfin qu'il y a certains principes fixes de gouvernement et de politique générale dont on ne peut s'écarter sans compromettre la sécurité d'un peuple et la paix du monde.

1-го Ноября. Разговоръ во время обѣда у Кочубеевъ и послѣ, часто занимательный. По поводу смутъ на Западѣ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ собесѣдниковъ, кроткій по характеру, повторилъ слово, которое теперь часто въ обществѣ можно слышать, что нужно еще крови для успокоенія народовъ, что недовольно ея еще пролито! И это жестокое слово говорится съ полнымъ хладнокровіемъ за вкусными блюдами, при наполненныхъ лучшими винами рюмкахъ, въ присутствіи женщинъ, безъ содроганія. Ничто столько не объясняетъ появленія въ смутныя времена людей, подобныхъ Робеспьеру, Сенъ-Жюсту (мы можемъ теперь назвать уже новыхъ), какъ эта наклонность людей, впрочемъ честныхъ и добрыхъ, находить въ самомъ ужасѣ подобныхъ эпохъ, омерзенія достойныхъ, не одно горестное послѣдствіе переворотовъ, но и необходимое средство ихъ укрощенія. Да, убійцы, зачинщики, какъ и всегда, подлежатъ мести закона; но просто желать, чтобы безъ разбора враждующія стороны, порядка и безначалія, еще сильнѣе столкнулись и пролили болѣе крови, по моему безсмысленно. Это несчастное, но необ-

ходимости средство, а не цѣль, и кровь вызываетъ кровь. Въ такія времена много увлеченныхъ даже на сторонѣ преступной, болѣе состраданія, чѣмъ казни достойныхъ. Одолѣйте твердостію, мужествомъ, умомъ, опытностью *). Характерамъ этого разряда приличенъ духъ правосудія, пощады вездѣ, гдѣ она возможна; а крови для крови принадлежитъ натурамъ дикимъ, только строгой уздѣ закона покорнымъ, въ которой старайтесь ихъ удерживать.

Ретиваго коня выѣзжаютъ, не пристрѣливаютъ; убиваютъ иногда неисправимо-злонравныхъ, но не смѣшивайте одного съ другимъ. Не мѣшайтесь въ суды Провидѣнія, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ допускающаго, въ грозные для народовъ дни, смуты и убійства, а на человѣка дѣйствуйте по человѣчески, не оглушаясь шумомъ возбужденныхъ страстей и помня, что каждый человѣкъ представляетъ въ лицѣ своемъ члена семейства, отца, мужа, брата, сына и что отъ судьбы его часто зависитъ судьба матери, жены, сестеръ, дѣтей. А вамъ нужна еще новая лужа крови! Опомнитесь. Мы, военные, щадимъ ее въ пылу сраженій и штурмовъ. Чѣмъ разнится это воззваніе къ крови съ воззваніемъ черни и анархистовъ: Vive la guillotine!

2-го Ноября. Принялъ вчера новаго флигель-адъютанта Исакова. Красивый молодой человѣкъ и осторожный въ отвѣтахъ. Въ семь въ большой театръ. Возлѣ меня сидѣлъ канцлеръ. Онъ сообщилъ мнѣ о смутахъ въ Лембергѣ, укрощенныхъ силою. Н. И. Гречъ сказалъ мнѣ, что въ Allgemeine Zeitung меня называютъ начальникомъ войскъ, вступившихъ въ Галицію. Поклонъ в. к. Михаила Павловича изъ ложи.

3-го Ноября. Въ Большомъ театрѣ. Государь, Императрица, Наслѣдникъ и Наслѣдница, Ольга Николаевна, Михаилъ Павловичъ съ дочерью, молодые Великіе Князья, Марія Николаевна и герцогъ Лейхтенбергскій показались въ ложѣ и были привѣтствованы общимъ ура! Прекрасная Ольга Николаевна нѣсколько похудѣла противъ того, какъ оставила Петербургъ. Давали Пуританъ. Первыя два дѣйствія, полныя музыки торжественной, съ хорами, остались для меня на этотъ разъ непонятными. Съ третьяго музыка развилась и до конца въ мело-

*) Большинство всегда и вездѣ на сторонѣ устройства, тишины и законовъ. Умѣйте его соединить и ободрить.

діяхъ восхитительныхъ. Генералъ-адъютанты будто по согласію всѣ были въ мундирахъ, какъ и я также. Сосѣдомъ моимъ былъ г-лъ Александровъ, съ правой руки г-лъ Т., чей-то шталмейстеръ. Съ послѣдняго можно было-бы списать для сцены роль придворнаго съ смѣшной стороны, начиная съ наружности.

Парижская драма развивается также. Народное Собраніе окончило конституцію Республики и возвѣстило о томъ сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ ночью и тѣмъ испугало городъ, не предваренный о причинѣ внезапной пальбы.

4-го Ноября. Въ семь въ большой театръ. Давали Мечту Художника; наконецъ видѣлъ Фанни Эльснеръ. Она превосходна. Впечатлѣнія ею производимыя принадлежатъ къ разряду изящнаго, выше чувственнаго. Не удивляюсь болѣе восторгу, на всѣхъ сценахъ Европы и Америки ее встрѣтившему. Императорская Фамилія была въ театрѣ и громко изъявляла свое удовольствіе.

Церемонія похоронъ директора морскаго корпуса Римскаго-Корсакова. Не поѣду. Раньше всѣхъ былъ у меня вчера г-лъ Сумароковъ. Честолюбивые виды его. Ограниченность. Холодный эгоизмъ.

5-го Ноября. Поутру вчера вошелъ ко мнѣ неожиданный и пріятный гость, полковникъ Вревскій, командиръ Навагинскаго полка, служившій при мнѣ на Кавказѣ, въ генеральномъ штабѣ, одинъ изъ благороднѣйшихъ, храбрѣйшихъ и образованныхъ моихъ сподвижниковъ того времени. Онъ отмалчивался на счетъ положенія дѣлъ.

Графъ Шуваловъ, гофмейстеръ двора, пріѣзжавшій также въ Пажескій корпусъ къ своему сыну, сообщилъ только что полученное съ курьеромъ извѣстіе, что Прусскія войска подъ начальствомъ г-ла Врангеля вступили въ Берлинъ и разсѣяли народное собраніе; покуда все безъ сопротивленія, но въ народѣ большое волненіе. Блумъ, анархистъ и депутатъ Франкфуртскаго центральнаго сейма, въ Вѣнѣ схваченъ и разстрѣлянъ. Въ четыре поѣхалъ на обѣдъ къ Сумарокову. Кромѣ меня были полк. кн. Кантакузенъ и кн. Голицынъ. Разговоръ несвязный, тяжелый, обѣдъ легкій и безвинный. Молодой, лѣтъ 12-ти, Грекъ, на послѣднемъ обѣдѣ у князя Мурузи мнѣ представленный, сирота, принятый ими на воспитаніе, три дня тому застрѣлился въ своей комнатѣ, оставивъ записку, что отъ одной скуки жить рѣшился на самоубійство.

Кн. Чернышевъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи военнаго министра. Членами графъ Закревскій, Бибиковъ, Шульгинъ и Анненковъ. Кн. Василій Долгоруковъ товарищемъ военнаго министра, г.-м. Вревскій директоромъ канцеляріи Военнаго Министерства.—Обѣдъ у Булгарина не состоялся: былъ приглашенъ къ в. к. Еленѣ Павловнѣ. Я нашелъ тамъ еще г-ла Кнорринга и г-лъ-губернатора Шульгина. Изъ дамъ фрейлину Бутурлину. Сидѣлъ между нею и в. к. Екатериной Михайловной. Скоро послѣ обѣда, послѣ первой сигарки в. к., насъ отпустили. Я поѣхалъ прямо къ Булгарину, гдѣ засталъ еще кн. Голицына и Греча. Странное обстоятельство относительно выбора Наполеономъ мѣста переправы черезъ Березину, Булгаринымъ мнѣ сообщенное. Толки на счетъ послѣднихъ назначеній. Ужели есть agens-provocateurs?—Страшная судьба, постигшая Илью Гавриловича Бибикова: въ нѣсколько дней умерли три сына отъ скарлатины. Бѣдная мать! Страшенъ Петербургъ для семействъ въ переходныя времена года, весною и осенью! Съ ужасомъ и вмѣстѣ съ признательностью къ Провидѣнію вспоминаю конецъ 42-го и 43-й годъ, какъ все почти семейство было въ опасности, начиная съ матери, и все спасено.

9-го Ноября. Вчера Михайловъ день. Въ часъ церковный парадъ, потомъ къ в. к. Михаилу Павловичу записался. Къ кн. Чернышеву, къ М. Н. Муравьеву. У него-же съ сыномъ обѣдалъ. Князь и к-ня Шаховскіе. Послѣ обѣда разговоръ въ кабинетѣ втроемъ, два брата (хозяинъ и Андрей Ник.) со мною, весьма занимательный. Храмъ въ Пицундѣ. Урочище древняго Корсуня, мѣсто крещенія В. К. Владимира, назначенное было подъ карантинъ и А. Н. Муравьевымъ спасенное. По поводу найденнаго будто человѣческаго остова въ слояхъ земли допотопной формаціи разговоръ перешелъ къ міросданію и къ религіи христіанской. Нѣсколько удачныхъ возраженій противъ выводовъ ума, только встрѣчно, а не постоянно ученіемъ религіи занятаго. Превосходные цитаты изъ св. отцовъ. Темнота Евангелій безъ толкованій Апостола Павла и другихъ. А. Н. былъ очень хорошъ и краснорѣчивъ.

16-го Ноября. Князь Меншиковъ, узнавъ о смерти Михайловскаго-Данилевскаго, писателя военной исторіи нашей, не от-

личавшагося безпристрастіемъ, замѣтилъ, что мы въ короткое время лишились двухъ баснописцевъ—Крылова и Данилевскаго. Онъ-же на замѣчаніе Государя, что у него умираютъ адмиралы, отвѣчалъ, что умерли они уже давно, а что теперь только хоронятъ ихъ. Это были все старики.

Вчера очень занимательный вечеръ у Дегая. Радость прекрасныхъ его малютокъ, увидя меня. Примѣчательный путешественникъ нашъ полк. Ковалевскій, только что возвратившійся изъ Египта и Африки. Любопытныя подробности путешествія. Золотыя розсыпи, открытыя и разработанныя имъ въ пользу Мегмета-Али, который принялъ его отлично и далъ ему отрядъ въ полторы тысячи Негровъ съ двумя орудіями. Удостовѣреніе, что источниковъ Нила не должно искать въ вершинахъ Голубаго Нила, по которому Ковалевскій дошелъ до мѣстъ, гдѣ онъ образовалъ ничтожный притокъ. Перешедши отъ него до Бѣлаго Нила и долго подымаясь по немъ, онъ вездѣ до 8° широты находилъ огромную и уже многоводную въ размѣрахъ Невы рѣку, и дошелъ до Снѣговыхъ горъ *), въ которыхъ идутъ періодическіе дожди, производящіе обыкновенное наводненіе Египетской долины. Нашелъ племена Негровъ, до которыхъ никто еще изъ бѣлыхъ не доходилъ, незнакомыхъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, питающихся кореньями и самороднымъ картофелемъ, одного свойства съ Американскимъ, въ Европѣ разведеннымъ. Есть и другой, растущій на кустарникѣ; этотъ ядовитъ въ самородномъ видѣ, но пересаженный теряетъ это свойство и употребляется въ пищу. Есть племена людоѣдовъ. Понятія о религіи едва замѣтныя, наиболѣе идолопоклонники и чтители солнца. Преданіе о потопѣ и о какомъ-то грѣхопаденіи. Весьма любопытное открытіе сильнаго племени до ста т. народонаселенія Евреевъ, до эры I. X. переселившагося въ Африку, можетъ быть, по поводу плѣненія Вавилонскаго. Они бѣлы, сохранили совершенно обликъ Еврейскій, говорятъ чистымъ языкомъ раввиновъ, опрятны. Поразительное терпѣніе и хладнокровіе умнаго путешественника при отвѣтахъ на одновременные, безъ малѣйшей связи, разнообразные вопросы, со всѣхъ сторонъ на него сыпавшіеся. Ни малѣйшаго возвышенія голоса или ускоренія

*) Лунныя горы—названіе на мѣстѣ неизвѣстное.

слова или легчайшаго движенія въ чертахъ лица. Надобно было много выстрадать, чтобы дойти до подобнаго безстрастія и владѣнія собой. Онъ очень занимателенъ для меня самъ собою и изученія достоинъ. Вездѣ поддерживать его.

У Давыдова молодая, по его словамъ, прекрасная собою дочь пошла въ монастырь по одному призванію, безъ всякой другой причины.

19-го Ноября. Годовщина кончины императора Александра. Воспоминанія послѣдствій этого дня тѣснятся въ душѣ моей. Онъ отозвался мнѣ продолжительными преслѣдованіями и имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю мою остальную жизнь. Все прошло, и благодарю Небо, что все кажется было перенесено съ достоинствомъ, быть можетъ, спасшимъ меня. И сегодня день, соотвѣтствующій тону всѣхъ горестныхъ воспоминаній, имъ пробуждаемыхъ: небо закрыто однообразною сѣрою пеленою, ни зима, ни осень, снѣгъ и слякоть. Въ 11-ть часовъ въ Александро-Невской Лаврѣ похороны митрополита Антонія—не поѣду.

23-го. Въ половинѣ пятаго на обѣдъ въ Мих. дворецъ. Приглашены были г.-а-ты Шиповъ, Моллеръ, г-лы Катенинъ, Гильденштуббе, Жарковъ. Я сидѣлъ возлѣ Е. П. и воспользовался случаемъ сказать о Ковалевскомъ. Онъ будетъ приглашенъ къ е. в. Изъ дамъ были Апраксина, дѣвица Синявина, Витовтова.

Милютинъ занялъ мѣсто покойнаго Данилевскаго. Недоразумѣніе по поводу думы ордена Св. Георгія.

Въ Римѣ убійство перваго министра Росси на лѣстницѣ, передъ залой Народнаго Собранія. Можно подумать, что каторжники Европы спущены на травлю противъ общественнаго порядка. Оправдательная рѣчь Кавеньяка въ Парижскомъ Народномъ Собраніи. Чувства и языкъ честнаго человѣка. Что̀ бы его ни ожидало впереди, для него готово въ Исторіи и въ памяти людей достойныхъ почетное мѣсто.

26-го Ноября. Часу въ одиннадцатомъ вечера, среди занимательнаго разговора съ бар. Мейендорфомъ, мнѣ объявили, что на Литейной, въ Пустомъ Рынкѣ, пожаръ. Я поскакалъ туда на дежурной тройкѣ и засталъ тамъ уже Е. В. Наслѣдника; скоро потомъ пріѣхалъ и В. К. Константинъ. Горѣли лавки съ разнымъ хламомъ и мясныя; но скоро запахъ скипидара показалъ пожарной командѣ новую опасность и представилъ зрѣ-

лище рѣдкое. Большое количество скипидара въ разныхъ сосудахъ стояло на потолкѣ одного отдѣла зданія. Когда огонь дошелъ до него, то они стали лопаться, и ослѣпительные огненные каскады одни за другимъ полились сверху на пожарныхъ. Были опаленные, одинъ сильно; другому топоромъ нечаянно разрублена кисть. Пожарная команда отличается самоотверженіемъ. Многіе изъ нея отваживаются въ огонь, какъ саламандры. Наслѣдникъ и Константинъ Николаевичъ оставались до совершеннаго удостовѣренія въ овладѣніи пожаромъ и въ невозможности дальнѣйшаго распространенія. Наслѣдникъ наступилъ на гвоздь, съ трудомъ вырванный изъ сапога; и для этого надобно было остановиться въ опасномъ мѣстѣ, въ толпѣ и близъ крыши и лавокъ, откуда бросали безъ разбора всякій хламъ. Я радъ былъ, когда онъ вышелъ оттуда невредимъ. Онъ хладнокровенъ и добръ. Цѣлость людей была его главная забота.—Одиссея Жуковскаго.

Засталъ Муравьеву нездоровою отъ поразительнаго случая. Родственница ея Мордвинова, которую мнѣ случилось у нея видѣть, давала вечеръ. Между тѣмъ какъ одни танцовали, другіе играли въ карты, она вышла въ особую комнату, прилегла и умерла въ присутствіи двухъ дѣтей, ничего не замѣтившихъ и не подавъ ни малѣйшаго признака.

27-го въ Субботу, въ 4 часа утра, пріѣхалъ къ двору эрцгерцогъ Вильгельмъ, младшій сынъ пок. эрцгерц. Карла, съ извѣстіемъ объ отреченіи отъ престола импер. Фердинанда I-го, также ближайшаго преемника эрцгерц. Франца-Карла, и о вступленіи на престолъ Франца-Іосифа, племянника императора. Въ часъ того же дня былъ внезапный парадъ въ походной формѣ на площадяхъ Петровской и Дворцовой. День былъ холодный, но ясный. Привѣтливый поклонъ и взглядъ Государя, въ толпѣ меня отыскавшій, если не ошибаюсь. Разсказываютъ, что императоръ Фердинандъ передъ отреченіемъ спросилъ государственныхъ мужей, при немъ бывшихъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Получивъ въ отвѣтъ, что дѣла идутъ хорошо, законная власть получила силу и рѣшительное преимущество надъ безначаліемъ, Фердинандъ объявилъ, что можетъ теперь отречься отъ престола. Благородная черта! Вчера былъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ, и молодой эрцгерцогъ былъ съ Императоромъ. Какъ ненаглядно величественъ и прекрасенъ Им-

ператоръ! Послѣ развода baise-main Ольгѣ Николаевнѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Увидѣвъ меня, она вспомнила о бѣдной покойницѣ Сурхаевой.

6-го Декабря. Въ одиннадцать утра во дворецъ. Выходъ къ обѣдни. Baise-main у императрицы. Двѣ дамы передъ нею упали, вѣроятно наступивъ на свои длинные шлейфы. Награды: четыре полныхъ генерала, до того неизвѣстныхъ, что повышеніе ихъ не произвело, кажется, недовольныхъ. Князь В. Долгоруковъ въ генералъ-маіоры. Радуюсь производству Круковскаго и Ильинскаго. Прочихъ не помню. Кн. Воронцовъ получилъ портретъ.

Доложили о г-лѣ Головинѣ. Встрѣча съ этимъ жалкимъ человѣкомъ. Поклоны его низкіе; признаніе довольно странное, что сынъ его мнѣ много обязанъ, а между тѣмъ какъ велъ себя отецъ? Вопросъ е. в. Михаила Павловича, охотно ли возвращусь на Кавказъ? Отвѣтъ согласительный.

16-го. La Russie en présence de la crise européenne. Общія мѣста; бумага все терпитъ. C'est enfoncer une porte ouverte, какъ говорятъ Французы; все декламаціи объ освобожденіи крестьянъ. Развѣ это въ нѣкоторыхъ предѣлахъ и съ постепенностью не есть желаніе и въ тоже время трудность благонамѣреннаго правительства и лучшей значительной части помѣщиковъ? А просвѣщеніе въ подражаніе Европѣ! Хорошо выбрана минута, чтобы поставить ее въ примѣръ Россіи! Конечно Россіи предстоитъ болѣе и болѣе близкое разрѣшеніе задачъ трудныхъ; но съ Божіею помощію она рѣшитъ ихъ самостоятельно, а не подражательно, въ духѣ сильнаго и спасительнаго единоначалія, возвышенія умственнаго и вещественнаго благосостоянія народнаго, въ духѣ общины, врожденномъ Русскому, вообще по-своему, не по-западному и не по-восточному. Все придетъ ей въ свой часъ. Чего ей торопиться? Кто можетъ кромѣ собственной воли ее понудить? То, что въ столѣтіе совершено, можетъ успокоить на счетъ дальнѣйшаго ея дѣйствія. Только близорукій взглядъ людей, измѣряющихъ жизнь Россіи своею жизнью, можетъ упрекать ее въ медленномъ возрастаніи. Всмотритесь хорошенько: вѣдь растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ говоритъ о своихъ богатыряхъ народная сказка.

18-го. Противъ Лѣтняго сада черезъ улицу встрѣтился съ в. к. Михаиломъ. Онъ пригласилъ идти съ нимъ. Дорогой со-

общилъ мнѣ, что г.-а. Набоковъ проситъ увольненія отъ командованія гренад. корпусомъ, и Н. Н. Муравьевъ назначается на его мѣсто. О неудобствахъ Амосовскаго отапливанія. Подробности болѣзни и смерти гр. Левашева. Мысли в. к. объ устройствѣ сада съ фонтанами въ трехъ мѣстахъ на Дворцовой и Адмиралтейской площади. Спросивъ, гдѣ я живу, направилъ туда прогулку и, дошедши до моихъ дверей, оставилъ меня.

28-го. Праздники для меня съ сыномъ пропали: онъ занемогъ корью. Наряженный на нынѣшній день дежурнымъ, я долженъ былъ отъ дежурства отказаться. Вчера былъ у меня г.-а. Альбрандтъ безъ правой руки, неудачно отнятой послѣ раны, въ экспедиціи на Дарго полученной. Онъ готовится съ необыкновенною бодростью на новую и опасную операцію вынутія вовсе остатка руки изъ плечевой ключицы. Восторженный образъ мыслей и рѣчь этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка. Только что возвратился, отдавъ ему визитъ карточкой и не заставъ его дома. Также неудачно заѣзжалъ къ князю Владимиру Голицыну.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849 годъ.

2-го Января. Новый годъ засталъ меня у постели больнаго сына, съ глубокою признательностью Провидѣнію за облегчительный и правильный ходъ его болѣзни.—Вчерашнимъ приказомъ г.-м. Ростовцевъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. — Записка о неудобствахъ, оказавшихся при введеніи новаго учрежденія въ линейномъ казачьемъ войскѣ.

6-го Января, Среда. Римъ въ 1798-мъ и въ настоящемъ году. Грабительство Французскихъ чиновниковъ и Массены. Негодованіе и возмущеніе арміи. Также въ Веронѣ. Особенныя черты характера Французскаго солдата.

10-го Января. Вчера, въ первый разъ послѣ кори сына, ѣздилъ во дворецъ. Государь смотрѣлъ Польскихъ рекрутъ. Обѣдалъ у Арк. Вас. Кочубея. Вечеромъ на балъ къ Сумарокову. Государь, Наслѣдникъ и Наслѣдница, Ольга Николаевна, Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Дармштадскій были на балу. Лефло, Ферріеръ и Гедувиль. Благосклонное съ ними обращеніе царской фамиліи. Разговоръ съ Безакомъ занимательный. У Мельниковыхъ передъ отъѣздомъ Павла Петровича. Три рода производящихся построекъ по словамъ князя Меншикова: Исакіевскій соборъ, котораго мы не увидимъ, а увидятъ наши внуки; постоянный мостъ, который мы увидимъ, а не увидятъ наши внуки; желѣзная Московская дорога, которой не увидимъ ни мы, ни наши внуки. Хорошо какъ шутка.

Сегодня въ 12-ть ч. вошелъ г.-а. Ростовцевъ и посидѣлъ съ часъ въ весьма занимательномъ разговорѣ. Изъ семи тысячъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, вѣдомства Великаго Князя, отъ холеры умерло двадцать семь.

Au pape, aux souverains italiens qui, à son exemple, entreprenaient d'opérer eux-mêmes l'affranchissement et la réforme de leurs états, Rossi disait sans relâche: L'oeuvre que vous abordez est grande et périlleuse; une administration vieillie ne se réforme pas en un jour; des paroles de liberté ne tombent pas impunément du haut d'un trône sans aller réveiller ce foyer de passions révolutionnaires qui couve toujours au fond des sociétés. Vous avez promis, mettez-vous à l'oeuvre. Dès aujoud'hui faites vos plans, dès demain exécutez les. Ne laissez pas les esprits errer à l'aventure et soulever toutes les questions au hasard. Guidez vous-mêmes le mouvement que vous avez donnés, ou vous serez entraîné par lui. Ayez peu de foi aux applaudissements populaires: ils se changent vite en murmures. Travaillez pour le bien qui dure et non pour la récompense passagère et dangereuse d'une ovation de la rue.

13-го Января. Вчера въ два часа во дворецъ на засѣданіе капитула Георгіевскаго ордена. Князь Воронцовъ представилъ за Ахты четверыхъ. Возраженіе Д. В. Васильчикова противъ права на полученіе этого ордена кап. Бучкіева, вопреки нашему общему мнѣнію и, кажется, и в. к. Михаила Павловича; все засѣданіе прошло въ объясненіяхъ безъ рѣшенія. Сравненіе изъ собственной военной жизни г-ла Васильчикова, самимъ сдѣланное, съ подвигомъ Бучкіева, невинное, неловкое и непохожее. Завтракъ послѣ засѣданія. Въ осьмомъ на годичное собраніе Географическаго Общества подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича. Встрѣча съ Постельсомъ. Общая будто память обо мнѣ на Кавказѣ и ожиданіе. Разговоръ съ Скрипицынымъ. Ковалевскій читалъ записку о своемъ путешествіи въ Нубію и Нигрицію въ 1847 г. Негренокъ его.

Le Bric-à-brac d'Eugène Forcade, плѣнительная статья въ Revue des deux mondes. Мысли свѣта и тѣни, пробужденныя въ душѣ, которыя быть можетъ въ счастливую минуту найдутъ свое выраженіе; но не здѣсь, въ городскомъ кабинетѣ или въ гостинныхъ, а подъ небомъ, среди природы Божіей и семейства. Но вырвусь ли туда отсюда? Если нѣтъ, возобновимъ ихъ памятью

и чувствомъ, чтобы послѣдній день, готовый обратить въ трупъ тѣло, не засталъ уже трупомъ и душу.

15-го. Вчера въ два часа въ Георгіевскій капитулъ. Четверымъ даны Георгіевскіе кресты. Съ утра, рѣшась посмѣяться, я поѣхалъ въ Александринскій театръ, гдѣ давали четыре Русскія піесы, и между ними мнимая Фанни Эльснеръ. Въ самомъ дѣлѣ я много и почти до слезъ смѣялся; Мартыновъ, Мооръ, Самойловъ уморительны. Но я до того досмѣялся и такимъ смѣхомъ, что вышелъ изъ театра и пріѣхалъ домой съ чувствомъ какого-то униженія въ душѣ, какъ будто послѣ двусмысленнаго поступка. Этотъ міръ униженныхъ чиновниковъ, квартальныхъ, будочниковъ, эти кучи грязи, изъ самыхъ низкихъ чувствъ собранныя, если разсмѣшатъ на мгновеніе, то вмѣстѣ будто замараютъ. Долго прижималъ я къ груди и цѣловалъ въ лобъ и глаза прекраснаго сына, ожидавшаго меня съ чаемъ, пока удалось, какъ говорится, отвести душу и настроить ее на обычный ладъ.—Слово графа Блудова о докладѣ по проэкту преобразованія земскихъ повинностей, М. Н. Муравьева, что онъ заслужилъ бы одобреніе и обратилъ бы вниманіе въ Англійскомъ парламентѣ.

18-го Января. М. Н. Муравьевъ провелъ съ часъ въ разговорѣ всегда занимательномъ. Посредничество между мин-ромъ вн. дѣлъ и Д. Г. Бибиковымъ по исправленію и пополненію инвентарей въ западныхъ губерніяхъ. Трудность распространенія ихъ во внутреннія губерніи. Графъ Толстой, сотрудникъ его, мнѣ незнакомый.

20-го. Балъ при дворѣ отмѣненъ. Если не по причинѣ сильнаго мороза, то узнать настоящую. Сплетни и соблазнъ между львицами общества. Оргія на дняхъ, достойная временъ регенства, до высшаго свѣдѣнія дошедшая.

Pour moi surtout, qui aime deux choses avec passion, la justice au-dedans, la grandeur au-dehors, l'anarchie est un objet d'insurmontable aversion.

22-го. Вошелъ фл.-а. кн. Урусовъ, мужъ главной героини въ соблазнительной повѣсти, истинной или ложной, безъ сомнѣнія преувеличенной, дворъ и городъ теперь занимающей. Онъ самъ коснулся ея, какъ клеветы.—Вырѣзанные листы изъ секретнаго

журнала резолюцій В.—Опять назначенъ сидѣльцемъ при выставкѣ на балѣ-маскарадѣ-аллегри для инвалидовъ.

24-го Января. Г-лъ Безакъ; любопытный разговоръ о предметахъ, до артилеріи относящихся. Сходство мыслей о первостепенныхъ качествахъ военнаго начальника. Несовершенство Шрапнелевыхъ гранатъ. Ослабленіе единорожныхъ лафетовъ отъ доставленія орудію бо́льшаго и по его мнѣнію безполезнаго возвышенія (навѣснаго выстрѣла). Мнѣніе о Герштенцвейгѣ основательное. Норденстамъ, воспоминанія о Кавказѣ. Заводовскій при смерти.

Bien que Bonaparte aspirât à la renommée d'Alexandre, il ne dédaignait pas l'habilité de Philippe.

25-го Января. Долго съ кн. Суворовымъ. Въ бумагахъ г-ла Винспера, умершаго въ Неаполѣ, манускриптъ Головина противъ меня. Упрекъ, почему не возражаю. Для кого и къ чему? Если дѣла недовольно громко говорятъ, то къ чему ихъ и трогать? Вечеромъ на балъ маскарадъ въ пользу инвалидовъ. Берегъ лавку вмѣстѣ съ г. а. Ростовцевымъ. Вообще душно, жарко и скучно. Въ три домой.

30-го. Въ Пятницу поутру къ в. к. Михаилу Павловичу поздравить со днемъ его рожденія; къ Еленѣ Павловнѣ baise-main. Невыгодное мнѣніе в. к. Елены Павловны о моемъ Нѣмецкомъ разговорномъ языкѣ.

31-го. Съ ряду нѣсколько дней не даютъ писать посѣтители. Въ Пятницу былъ на балѣ у в. к. Елены Павловны. Всего 130 особъ. Вчера обѣдъ у Киселева. Разговоръ, пробудившій раздражительныя воспоминанія, съ кн. Суворовымъ. Шатовъ, Фохтъ, князь Трубецкой.

3-го Февр. Во Вторникъ, съ ячменемъ на глазу, не отказался отъ дежурства, въ надеждѣ просидѣть цѣлый день дома. Не такъ случилось. В. к. Михаилъ Павловичъ пригласилъ на обѣдъ. Кромѣ меня были Николаи и Катенинъ. Веселое расположеніе духа и любезность хозяина. Скоро по возвращеніи домой, извѣстили, что Государь Императоръ поѣхалъ въ Большой театръ. Засталъ въ большой ложѣ нѣсколько придворныхъ дамъ. Давали Эсмеральду. Великолѣпная постановка, декораціи и костюмы. Фанни Эльснеръ превосходна. Норденстамъ, губернаторъ Гельсингфорса,

на отъѣздѣ пріѣзжалъ проститься. Характеристика г-овъ Пулло, Заводовскаго и Николаева. Слово г-ла Катенина второму, когда тотъ, хитрый и умный, выдавалъ себя за человѣка простаго: что вы человѣкъ не простой, это видно уже изъ того, что вы въ Петербургѣ *человѣкъ*, а здѣсь въ Черноморіи *человикъ*. Въ своемъ краѣ Заводовскій со всѣми всегда говоритъ казачьимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что хорошо знаетъ и можетъ чисто говорить по-русски. Пріѣхавъ къ нему въ Екатеринодаръ неожиданно ночью, я засталъ у него на столѣ развернутыя Essais de Montaigne. Атаманъ Николаевъ удачный и умный разскащикъ. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ, который подъ перомъ потеряетъ всю свою забавность. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ познакомился съ двумя адмиралами, стариками и родственниками, которые жили вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ любилъ хорошо поѣсть, другой—также попить. Они пригласили его отобѣдать съ ними. Самъ охотникъ до того и до другаго, онъ принялъ приглашеніе и усѣлся съ ними. Адмиралъ, охотникъ до ѣды, обратясь къ нему, сказалъ: Странная птица гусь, одного мало, два много.—Кн. Суворовъ на обѣдѣ у гр. Киселева разсказывалъ мнѣ, будто въ бытность мою начальникомъ на Кавказѣ, г-лъ Пулло, при обезоруженіи Чечни, по моему приказанію, не только допустилъ, но и самъ позволилъ себѣ разные грабежи, между прочимъ будто бы отнялъ бриліантовыя серьги у женщины. Это до меня никогда не доходило, и объ этомъ-то я разспрашивалъ сегодня Норденстама, бывшаго тогда при мнѣ оберъ-квартирмейстеромъ. И онъ узналъ о чемъ-то подобномъ, позже и говорилъ о томъ съ г-омъ Пулло въ Москвѣ, когда тотъ былъ уже въ отставкѣ. На повѣрку вышло, что одинъ изъ переводчиковъ, Чеченецъ, точно былъ подозрѣваемъ въ этомъ проступкѣ; а здѣсь, не спросясь и безъ сношенія со мною, по слуху, отставили этого весьма способнаго и полезнаго генерала, не сказавъ причины. И я узнаю о томъ теперь только и случайно! Не увѣренъ, чтобы этотъ способъ дѣйствія былъ справедливъ. Сафоновъ — правитель канцеляріи князя Воронцова. Большой публичный садъ, г-омъ Хомутовымъ разведенный въ Новочеркаскѣ.

4-го Февраля. Мнѣ говорятъ, что г-лъ Головинъ уменъ и хорошо пишетъ. Да, фраза его часто вьется красивыми изгибами

змѣи и также, какъ она, напитана ядомъ. Не ищите въ ней, если имѣете съ нимъ дѣло по службѣ, прямаго, яснаго, нелицепріятнаго отвѣта на вопросы, разрѣшенія требующіе. Вы найдете болѣе или менѣе ловкое уклоненіе отъ всякой отвѣтственности: и да, и нѣтъ на всѣ вопросы. Конечно, и на это нуженъ умъ; но какой умъ?

5-го Февраля. Вчера поутру съ большимъ трудомъ по высокой лѣстницѣ взошелъ ко мнѣ А. С. Траскинъ, бывшій начальникъ моего штаба на Кавказѣ, еще толще прежняго. Занимательный разговоръ о Тифлисѣ. Порядокъ или точнѣе безпорядокъ при докладахъ, съ открытыми для всей камарильи дверьми, въ присутствіи жены, среди разговоровъ. Gueule de lion, какъ въ Венеціи. Походъ въ Андію. Насмѣшливые вопросы князя Воронцова г.-м. Вольфу, не одобрявшему походъ, по достиженіи Андіи, гдѣ же эти опасности, этотъ грозный непріятель, недоступность мѣстъ. Они назади, отвѣчалъ Вольфъ. Полное убѣжденіе не замедлилось, усиленное важными ошибками.

Quelques éléments de grandeur qu'une nation puisse renfermer en son sein, elle ne devient dans son développement politique, moral et militaire que ce que la font celui ou ceux qui la gouvernent. Quelquefois même, le génie d'un seul homme a suffi pour suppléer à la faiblesse, pour révéler sa force, ou réparer ses erreurs: témoin la Suède sous Gustave-Adolphe, la Russie sous Pierre-le-Grand, la Prusse sous le grand Frédéric.—Lucchesini portait sur sa figure l'expression de la fausseté. Ne vous plaignez pas de son air faux, disait un homme d'esprit, c'est là tout ce qu'il a de vrai.

6-го. Наши войска, по желанію Австрійцевъ, вступили въ Трансильванію и заняли Германштадтъ и Кронштадтъ, чѣмъ способствовали къ пораженію Венгерцовъ Австрійцами. Какъ отзовется это въ Западной Европѣ? Observer, attendre, profiter.

Le seul moyen salutaire et durable de devenir et de demeurer le plus fort, c'est moins d'accroître sa domination que de diviser celle de ses rivaux.

Lorsque un esprit nouveau possède la société et lui impose l'obligation de revêtir une forme nouvelle, qu'on ne pense pas que, pour accomplir cette oeuvre, il suffise de renverser le gouvernement; car ce n'est pas son gouvernement, mais elle-même tout entière que la soci-

été a à changer? Les peuples après le renversement du pouvoir ne tarderaient pas à déplorer l'erreur, où les auraient précipités ces hommes qui les invitent à se séparer de leurs gouvernements, en les persuadant qu'ils sont capables de faire eux-mêmes ce que les gouvernements réfusent à tort. Il n'y aurait plus alors qu'à courber la tête sous la main de la destinée.

Ne gardons du passé que sa gloire et ses leçons et travaillons avec confiance de la force à l'avenir que nous sommes capables de nous faire.

Dans cette éternelle guerre civile que le mal nourrit dans leur sein, les sociétés ont pour défenseur naturel le gouvernement. Le gouvernement doit résister, non seulement au mal, mais au principe du mal, aux idées et aux passions qui enfantent le désordre.

Le socialisme est à la fois odieux et impossible; mais il est fort, parce qu'il parle aux griefs populaires au nom de la justice et de la vérité, parce qu'il offre des droits au service des interêts, parce qu'il allume le fanatisme en flattant l'égoïsme. Il est fort encore, parce que nous lui frayons nous-mêmes voie par la confusion de nos idées, par nos préjugés de langage, par la légéreté avec laquelle nous nous abandonnons aux fantaisies d'opinion et méconnaissons les nécéssités, les intêrêts, les droits des gouvernements. Le socialisme est redoutable, parce que rien n'est plus dangereux que ce qui est en même temps fort et impossible. Le socialisme, enfin, sera notre ennemi éternel. La société, obligée de le combattre et de le vaincre chaque jour dans ce qu'il a d'absurde et de pervers, le verra toujours en face d'elle, parce qu'il puise son ambition et sa force à des sources que personne ne peut tarir.

Le but vers lequel marche anjourd'hui la société haletante est manifeste. La démocratie, obéissant (il faut bien le dire) à un sentiment généreux et grandiose, veut de plus en plus affranchir l'homme de l'esclavage de la misère, qui perpétue toutes les autres servitudes. La démocratie croit que tous les hommes peuvent arriver par des progrès successifs à des améliorations dans leur sort matériel et que la société doit travailler au soulagement continu de leurs souffrances. Cette foi est légitime, elle est sainte, elle est chrétienne, la morale l'avoue avec orgueil, et la science économique la confirme avec autorité.

10-го Февраля. Обѣдъ у в. к. Михаила Павловича съ гр. Паленомъ. Послѣ обѣда вошла Елена Павловна. Въ десятомъ

на балъ къ гр. Сумарокову. Государь, Наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ Гессенскій посѣтили балъ. Государь на очень короткое время. Противъ обыкновенія, я согласился сѣсть въ вистъ-преферансъ и также противъ обыкновенія остался на ужинъ. Въ два домой. Поутру былъ Донской генералъ Красновъ; онъ подъ слѣдствіемъ, а на случай войны полагаю его полезнымъ.

12-го Февраля. Нерасчетливое замедленіе въ постройкѣ желѣзной дороги. Непонятное бездѣйствіе главнаго начальника, извѣстнаго своею взбалмошною дѣятельностью. Прекрасная погода для масляницы. Это и замѣтно. Народъ кишитъ на улицахъ. Длинный рядъ балагановъ недоступенъ отъ толпы. Цѣпь безконечная экипажей, наиболѣе полныхъ дѣтьми, кружитъ шагомъ около балагановъ отъ Дворцовой до Сенатской площади. Вездѣ порядокъ среди многолюдства и мирнаго шума и веселія, порядокъ неизвѣстный уже взволнованному Западу.

14-го Февраля. Еще не оправлюсь духомъ послѣ вчерашней оперы. И я съ Лабрюеромъ скажу, отъ чего опера, при великолѣпіи освѣщенія, декорацій, костюмовъ, при превосходномъ оркестрѣ, отличномъ пѣніи пѣвцовъ и пѣвицъ, при многочисленной отборной публикѣ, наводитъ на меня какую-то грусть, почти скуку. Не отъ того ли, что музыка, которую люблю, требуетъ въ наслажденіи ею нѣкоторую мѣру, не переходя ея.

Въ Германіи демократическое броженіе не прекратилось; но охранительная сторона, благодаря духу армій, ободрилась и готова на борьбу. Во Франціи столкновеніе власти президента съ властью народнаго собранія. Согласіе послѣдняго на преданіе суду Прудона. Дерзкая защитительная рѣчь послѣдняго: je ne suis pas de ceux qu'on punit. Смѣлыя и благородныя рѣчи маршала Бюжо, грозныя для буйныхъ демократовъ. Республика въ Римѣ, бѣгство великаго герцога Тосканскаго на островъ Эльбу. Желтая немощь, одурившая Калифорнію и влекущая туда алчныхъ искателей золота изъ цѣлаго свѣта. Это заслуживаетъ общаго вниманія и должно въ непродолжительномъ времени произвести замѣтную перемѣну въ относительной цѣнности золота ко всѣмъ предметамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ понизить цѣнность запасныхъ капиталовъ, хранимыхъ въ золотѣ.

15-го Февраля. Вчера дежурнымъ; въ исходѣ перваго во дворецъ. Позорная причина отставленія отъ службы генерала отъ инфантеріи Бѣлоградскаго. Рекруты Московской и Владимирской губерній, выбранные въ гвардію, отличные люди. Какая прекрасная и рослая порода людей! Государь изъявилъ свое удовольствіе при осмотрѣ и распредѣленіи ихъ въ полки гвардіи.

17-го. Въ осьмомъ къ М. Н. Муравьеву. Засталъ въ кабинетѣ одного и нездороваго. Замѣчательный отчетъ Смоленскаго дворянства по поводу вопроса объ обязанныхъ крестьянахъ. Фонтонъ-де-Верайонъ. Благосклонный и ободрительный пріемъ у Государя Императора. Личное вниманіе, чтеніе и слушаніе въ особомъ пріемѣ. Это по-царски: такъ избѣгаютъ важныхъ ошибокъ и даже переворотовъ. Рѣдкость практическаго ума между мужами совѣта. Неопытность въ совѣщательномъ разсужденіи и отъ того упорство въ незрѣлыхъ мнѣніяхъ.

18-го Февраля. Вчера поутру Атарщиковъ. Воспоминанія съ Кавказа. Мысль о направленіи теченія Малки въ Куру для отвращенія ежегодныхъ и опасныхъ для Моздока и Кизляра и вообще всего низовья Терека наводненій. Предположеніе, что въ давнія времена Малка впадала въ Куру, и что горцы для огражденія своего отъ нападенія Калмыковъ отвели ее въ Терекъ. Посѣщеніе г.-м. Альбрандту. Выраженіе лица показалось мнѣ до того роковымъ, предзнаменательнымъ, что я не могъ безъ умиленія смотрѣть на милыхъ его дѣтей, мальчика и дѣвочку, пришедшихъ со мною познакомиться. Выразительныя ноты фортепіано подъ искусной рукой молодаго офицера Михайлова какъ будто сочувствовали моему грустному расположенію. Оно отозвалось на цѣлый день.

19-го Февраля. Вчера г.-м. Ортенбергъ сказалъ мнѣ о смерти Сандулаки; онъ получилъ ударъ, ѣхавши куда-то въ саняхъ и привезенный домой черезъ два часа умеръ. Жизнь его поучительна была тѣмъ, что изъ нея можно увидѣть, какъ не должно жить. Съ значительнымъ состояніемъ, въ прекрасномъ климатѣ Бессарабіи, онъ слишкомъ десять послѣднихъ лѣтъ почти нищенски прожилъ въ Петербургѣ. Съ большимъ и отчасти хорошимъ семействомъ онъ жилъ здѣсь одинокій.

Сегодня, послѣ неудачнаго визита г-лу Палену, большая прогулка пѣшкомъ по Невскому и Дворцовой набережной. Встрѣтивъ Олсуфьева, узналъ отъ него о кончинѣ г-ла Скобелева, коменданта крѣпости и назначеніи на это мѣсто г-ла Набокова.

21-го. Февраля. Сегодня съ 11-ти часовъ до исхода втораго въ Петропавловскомъ соборѣ на похоронахъ Ивана Никитича Скобелева. Этотъ храбрый умный солдатъ дожилъ и дослужился до похоронъ, достойныхъ фельдмаршала.

24-го. Вчера поутру принялъ Дорохова, сына извѣстнаго по отличной службѣ, особливо въ Отечественную войну, генерала Дорохова, отъ раны, въ томъ же году, кажется, умершаго. Сынъ за бѣпеный поступокъ посланъ былъ на Кавказъ, оказалъ тамъ храбрость, военную смѣтливость; остальнымъ же поведеніемъ въ мнѣніи, кажется, не возвысился. Изъ уваженія къ памяти отца подписалъ свидѣтельство, поручающее его покровительству Комитета Инвалидовъ. Прогулка въ саняхъ въ снѣгъ, вѣтеръ и по ухабамъ; не смотря на то, встрѣтилъ Государыню-Наслѣдницу въ открытыхъ саняхъ, Марію Николаевну въ возкѣ. На обѣдъ къ Зыбину. Послѣ обѣда наѣхало много гостей; почти все новыя, незнакомыя мнѣ лица, нѣкоторыя изъ губерніи, сосѣди хозяина, видные собою, почти всѣ съ орденомъ Анны на шеѣ, со взглядомъ еще не успокоеннымъ привычкою. Дамъ засталъ въ разговорѣ о чудѣ, совершенномъ надъ кн. Дондуковой-Корсаковой, теплою молитвою, возвратившею ей владѣніе правою параличною рукою.

Въ восемь рѣшился ѣхать въ Дворянскую залу на концертъ. Requiem исполненъ превосходно, также симфонія Бетховена. Эта высокая музыка согласовалась съ грустнымъ настроеніемъ моего духа. Нѣсколько знакомыхъ дамъ при разъѣздѣ, съ которыми не разговорился. Незнакомая красавица, второй разъ уже на концертахъ и нигдѣ болѣе мною встрѣчаемая. Отрывки нѣсколькихъ писемъ Гете къ баронессѣ Штейнъ, указывающія на чувства, которыхъ отзывомъ былъ Вертеръ. Удовольствіе автора при сочиненіи Вильгельма Мейстера. Его правильные и благородные отзывы объ умѣ, честности, нравственности и смѣтливости рабочаго сословія. Какъ его въ настоящее время смутили!

Rien n'est plus propre à jeter de la confusion dans les transactions que les changements fréquents dans la valeur des monnaies.

La faiblesse qui fuit le danger s'efforce toujours d'amoindrir l'héroïsme qui le brave.

27-го. Вчера въ 9-ть часовъ на вечеръ къ Дегаю. Восхитительная волторна Леви съ акомпаниментомъ его брата на фортепіано. Но вообще музыкальныя предположенія не наладились. Пѣніе фрейлины Бартеневой неудачно, кромѣ однако Русской пѣсни: «Вспомни, вспомни, моя любезная», исполненной удачно и съ чувствомъ. Два пріятныхъ и занимательныхъ разговора съ барономъ Клинковстрёмомъ и барономъ Мейендорфомъ; съ первымъ о придворномъ тонѣ и объ его условіяхъ, со вторымъ о предметахъ политическихъ и административныхъ. Дѣвица Герштенцвейгъ, дочь покойнаго застрѣлившагося генерала, оригинальной наружности, похожа на Англичанку. Неблагородная наружность графа .....а, въ которой вѣрно не одна судьба виновна: мы сами до нѣкоторой степени участвуемъ въ образованіи своей наружности. Гіероглифы проведенной жизни выражаются на ней для умѣющаго ихъ разбирать. Правила бар. Клинковстрёма для честнаго человѣка, чтобы быть полезнымъ и пріятнымъ при дворѣ (можно прибавить, и въ обществѣ): никогда не льстить, никогда не противорѣчить, всегда однако говорить правду, облекая ее въ пріятныя формы. И въ аптекахъ принято золотить горькія пилюли. Долженъ сознаться, что я рѣзко и часто погрѣшалъ противъ втораго изъ этихъ правилъ.

Сынъ Николай назначенъ въ числѣ осьми пажей слѣдовать съ дворомъ въ Москву. Онъ и меня потянетъ за собой.

28-го. Прочелъ въ слухъ Гоголя Старосвѣтскіе Помѣщики. В. князь посадилъ подъ арестъ на недѣлю офицера полка Туманскаго за нѣсколько-широкіе панталоны. Невыгодныя вѣсти изъ Трансильваніи. Сегодня дежуренъ.

Il y a deux sortes de révolutions: celles qui se font dans la rue et celles qui s'accomplissent dans les esprits; les unes précipitées et violentes, les autres progressives et cachées; les unes qui sont l'explosion d'une colère soudaine, les autres qui ne s'arrêtent pas et marchent sans bruit par des chemins sûrs. Ce ne sont pas les plus bruyantes qui sont les plus fécondes. Sans doute, quand les sociétés doi-

vent se transformer violemment, Dieu suscite les hommes d'action; mais li est rare qu'Il les prenne dans cette chambre haute de l'intilligence. Philosophes et poètes, soit que vous ouvriez à la pensée des domaines inconnus, soit que vous vous borniez à propager les idées par les ressources de votre art, gardez-vous de l'oublier jamais: vous êtes les soldats de la révolution continue. N'abandonnez pas votre poste pour les aventures et les coups de main. A chacun suffit sa tâche. Si la révolution soudaine est le résultat légitime de la marche des idées, il réussira sans vous; et si c'est un fièvre impatiente qui vous pousse, prenez garde de ne vous associer à une oeuvre de ténébres, à une surprise du hasard, à un révolution sans idéal: c'est alors que vous seriez de rénégats, car vous avez retardé les progrès de la vraie civilisation.

1-го Марта. Вчера дежурнымъ. Въ первомъ во дворецъ. Государь смотрѣлъ рекрутъ. Разговоръ съ кн. Меншиковымъ. Новороссійскъ. Контъ-адм. Серебряковъ. Крушеніе двухъ транспортовъ. Слово о Коцебу, о кн. Воронцовѣ; его намѣреніе оставить Кавказъ. Мнѣніе кн. Меншикова о фортахъ кн. Воронцова. Неожиданный прекрасный поступокъ кн. Меншикова съ молодымъ Шаминымъ; благородное сознаніе въ ошибкѣ и несправедливости противъ молодаго офицера. Это зачтется ему за многое въ жизни. Государь ѣздилъ въ циркъ; поздно извѣщенный рѣшился не ѣхать, а слѣдовало ѣхать. Третьяго дня смотръ Государя формы офицерской. Двое посажены подъ арестъ за широкіе панталоны.

On a coutume aujourd'hui de chercher l'harmonie des pouvoirs et la garantie contre leur excès dans leur faiblesse. On a peur de tous les pouvoirs. On s'applique à les énerver tous tour-à-tour, craignant qu'ils ne se détruisent mutuellement ou qu'ils n'empiètent sur la liberté. C'est une érreur enorme: tout pouvoir faible est un pouvoir condamné à la mort ou à l'usurpation.

3-го. Въ засѣданіи Геогр. Общ. нѣкто Рафаловичъ, происхожденіемъ вѣроятно изъ Евреевъ, кажется медикъ, читалъ съ дурнымъ произношеніемъ записку о своемъ путешествіи въ Нубію, о Берберахъ, не лишенную занимательности. Нѣсколько словъ съ г-ми Чевкинымъ, Милютинымъ. Малочисленность присутствующихъ членовъ. Въ десять къ Зыбинымъ. Сердечная пред-

упредительность П. И. Дегая. Старикъ Лонгиновъ. Дѣвицы Зейгеръ. Виды передъ г. а. Плаутинымъ, которые будутъ имъ вѣроятно оправданы. Болѣзнь, кажется, непритворная г. л. Заводовскаго, занимающаго мѣсто командующаго на Кавказѣ.

4-го. Поутру г-лъ Броневскій. Послѣдніе часы, благочестивые и тихіе, Скобелева. Письмо его, нѣсколько лѣтъ тому Государю написанное о причинахъ разныхъ несчастныхъ происшествій, по его мнѣнію, о строгихъ и несообразныхъ требованіяхъ военнаго доведенія, въ сравненіи съ положеніемъ гораздо выгоднѣйшимъ преступниковъ въ арестантскихъ ротахъ, подкрѣпленное примѣрами подъ его собственнымъ начальствомъ; о вредѣ и опасности учрежденія безсрочныхъ, и проч. За это письмо онъ уволенъ былъ отъ службы; въ Москвѣ, по личному повелѣнію Государя, опять въ нее вступилъ и за все вознагражденъ. Онъ былъ изъ однодворцевъ, домогался доказать о дворянскомъ происхожденіи и изъ званія рядоваго переименованъ въ унтеръ-офицеры; поступилъ квартальнымъ въ С.-Петербургскую полицію, потомъ частнымъ приставомъ; въ Отечественную войну при назначеніи М. Л. Кутузова главнокомандующимъ, по ходатайству объ немъ у Екатерины Ильиничны, супруги Кутузова, покойнымъ Аѳан. Вас. Зыбинымъ, приписанъ былъ къ его канцеляріи титулярнымъ совѣтникомъ и отправился за нимъ въ армію. Нѣкоторое время незамѣченный, онъ обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго реляціей, написанной имъ по данному позволенію, когда Кутузовъ не былъ доволенъ поднесенными ему отъ главныхъ при немъ чиновниковъ. Главнокомандующій послалъ за нимъ, ободрилъ его и приказалъ ему на будущее время писать реляціи, въ которыхъ участвовалъ съ нимъ и Жуковскій.

Г.-а Игнатьевъ принялъ на себя увѣдомить военнаго министра о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву. Его мнѣніе о невыгодѣ поѣздки для сына, могущей повредить его экзамену и совѣтъ отклонить ее. Не сдѣлаю этого по правилу: никуда не проситься и не отъ чего не отказываться. Сынъ назначенъ туда его начальствомъ; оно не можетъ не принять во вниманіе недостатокъ времени приготовиться къ годовому экзамену въ сравненіи съ пажами, оставленными на мѣстѣ. Зачѣмъ лишать сына рѣдкаго случая, въ такомъ выгодномъ положеніи, въ ка-

комъ онъ будетъ, видѣть Москву въ полномъ ея блескѣ, привѣтствующую съ вѣрою и любовію своего Государя и его царственное семейство? Этого онъ здѣсь никогда въ такой степени не увидитъ. Народъ Русскій тамъ, и настоящая его столица не Петербургъ, а Москва. Петербургъ столица Россіи, Москва Русская столица.

5-го Марта. Г.-л. Бартоломей; занимательный его разсказъ о комендантствѣ на Аландѣ. Средства употребленныя для укрощенія и исправленія самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Выгодная перемѣна въ немъ самомъ.

6-го Марта. У Мельниковымъ засталъ Беклемишева. Юмористическіе разсказы о кн. Воронцовѣ. Забавныя выходки непомѣрнаго тщеславія. Мои собственныя съ нимъ сцены въ Петербургѣ и Варшавѣ. Крещенные Абазинцы; депутація отъ нихъ передъ кн. Воронцовымъ. Окончательный его отвѣтъ.

7-го Марта. Въ часъ на разводъ съ церемоніей въ Михайловскомъ манежѣ. Оттуда къ гр. А. Ѳ. Орлову. Взялся доложить Государю о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву. Мнѣніе совершенно сходное съ моимъ объ ошибкѣ, въ Трансильваніи сдѣланной, раздробленіемъ нашего отряда, и безъ того несильнаго, на два. Успокоительныя однако извѣстія оттуда. Дома нашелъ записку чиновника, присланнаго отъ гр. Орлова съ увѣдомленіемъ, что по докладу о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, Государь сказалъ: *очень хорошо*. До 14-ти человѣкъ разработываютъ дорогу между Москвой и Петербургомъ.

10-го Марта. Пѣшкомъ взадъ и впередъ по Дворцовой набережной. Встрѣтилъ вдову Е. В. Маюрову съ Еленой Кочубей. Въ восемь тоже видѣніе, да уже не то. Несносные духи! Будто есть что либо пріятнѣе духа молодой женщины и прекрасной? Скажу, какъ Петръ Великій сказалъ въ Парижѣ. Вспомнилъ и Державина: «прощай, моя прекрасна нива и пр.» и Вольтера: qui n'a pas l'esprit de son âge etc. Къ Мельниковымъ. Довольно пріятный разговоръ до часу ночи. Прекрасная звѣздная ночь при легкомъ морозѣ, какъ и теперь утро при открытой форточкѣ. Мнѣ кажется, климаты, лишенные этихъ зимнихъ съ умѣреннымъ морозомъ ясныхъ дней и ночей, не знаютъ большаго наслажденія. Говорю это, любя тепло и проведя го-

ды въ жаркихъ странахъ. Каждый климатъ имѣетъ свои преимущества, которыми надо умѣть пользоваться. Умѣренный всѣхъ предпочтительнѣе, какъ въ полуденной Россіи.

11 го Марта. Вчера въ часъ утра къ князю В. В. Долгорукову, котораго давно не видалъ; засталъ одного и просидѣлъ до третьяго. Наконецъ онъ постигъ свое счастливое положеніе. Алексѣй Иракл. Левшинъ, умный и пріятный собесѣдникъ и почтенія достойный человѣкъ. Записка Самарина, посаженнаго въ крѣпость, занимающая теперь общество. Мнѣніе объ ней. Возбужденіе антагонизма Прибалтійскихъ провинцій противъ Русскаго общаго элемента. Неблагоразумно было трогать этого дремавшаго и раздражительнаго предмета. Этотъ край приносилъ благородно и съ самоотверженіемъ во всѣхъ случаяхъ свою лепту на алтарь величія и могущества Россіи. Зачѣмъ оскорблять его за нѣкоторыя особенности, для цѣлаго вообще безвредныя? Если же что и требовало измѣненія, то могло сдѣлаться съ помощію времени, путемъ законодательства и администраціи. Если тамъ и есть духъ противодѣйствія, то нѣтъ, кажется, и помысла о сопротивленіи. Подобныя выходки, неразумѣемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ ободряемыя, пробуждаютъ односторонніе понятія о народностяхъ, безъ того мирно одно съ другими живущихъ и мудростію самодержавія къ общей цѣли великаго отечества направляемыхъ. И въ какое время! Мнѣніе Левшина о князѣ С.: зачѣмъ этотъ студентъ такъ рано вышелъ въ генералы? Поводъ къ подобному о себѣ заключенію подаетъ неумолкаемая болтливость этого честнаго, благороднаго и благонамѣреннаго человѣка. Странны нѣкоторыя готическія привилегіи городового положенія въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Также несообразно исключеніе тамъ Русскихъ пріобрѣтать покупкой помѣстья. Выкупъ всѣхъ, пожалованныхъ Екатериной разнымъ лицамъ изъ Русскихъ, казенныхъ земель кромѣ Шереметевскихъ, никогда не продаваемыхъ.

По утру г-лъ Карцовъ, желающій моего ходатайства для полученія мѣста. Испытательный разговоръ въ его пользу. Въ третьемъ къ сыну. Г-ня Ламсдорфъ была уже тамъ у своего юноши, к-ня Вяземская также. Потомъ пріѣхала г-ня Строгонова. У всѣхъ пажей будто усталыя лица: около двухъ мѣсяцевъ не выпускаютъ ихъ на воздухъ. Непонятное упущеніе на-

чальства корпуса, вообще заботливаго и внимательнаго. Отъ сына къ кн. П. Д. Горчакову, г-лъ-губ. Западной Сибири. Засталъ и поблагодарилъ за обязательное вниманіе по моей запискѣ объ Александрѣ Викторовѣ, которому назначаютъ казачій полкъ въ Семипалатинскѣ. Пѣшкомъ по Дворцовой набережной. Преслѣдованіе г-ла Штрандмана, чтобы разсказать мнѣ (какъ четыре мѣсяца тому), что полотеръ укралъ у него изъ шкатулки сто рублей, пойманъ, но денегъ найдено при немъ 10 рублей, чтобы полиція заплатила ему остальное.

13-го Марта. Въ разговорѣ съ сыномъ поутру сказалъ, что предчувствую близкое назначеніе. Въ 10-ть вечера, то-есть съ четверть часа тому, увѣдомленіе отъ военнаго министра, что государственный канцлеръ будетъ ожидать меня къ себѣ завтра въ часъ по полудни, для личныхъ по службѣ объясненій. Не знаю, въ чемъ дѣло; полагаю, что по дѣламъ съ Турціею, внезапно критическую важность получившимъ.

Графъ Павелъ Христофоровичъ отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ Государя къ султану по случаю предстоявшаго нашего участія въ подавленіи Венгерскаго мятежа. *П. Б.*

Общедоступные сборники произведеній Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Новое изданіе. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИППСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

*

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ **1889** году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.